

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

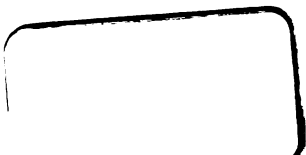
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

~~Vet. Slav. II A. 2~~

Vet. PG3447. Z2. K9 (1)

Zagoskin: *Anna Petrovitch*
Mirosher, a Russian
story of Catherine's II time

Mikhail Nikolayevich Zagoskin
[or Zagoskin, according to Roman trans-
cription of his name, fl. 1739-1802.]

5
2
A. Mannin

М П Р О Ш Е В Ъ .

Handwritten marks, possibly a signature or scribble, consisting of a series of dots and a curved line.

A single, dark, curved mark, possibly a stray stroke or a small signature.

**КУЗМА ПЕТРОВИЧЪ
МИРОШЕВЪ.**

**РУССКАЯ БЫЛЬ
ВРЕМЕНЪ ЕКАТЕРИНЫ II.**

СОЧИНЕНІЕ

М. Н. Загоскина.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.

1847.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экзем-
пляровъ. Москва. 16 Февраля 1847 года.

Ценсоръ и Кавалеръ Н. Снегиревъ.

Печатано съ изданія 1843 года безъ перемѣнъ.

ГЛАВА I.

О томъ, гдѣ и когда случилось то, о чемъ разска-
зывается въ этой истинной повѣсти.

Въ нашихъ степныхъ губерніяхъ
есть народная поговорка: «Сура рѣчка
важная, течеть потихоньку, доньшко
у нее серебряное, круты бережка по-
золоченые.»—За что,—думаль я всег-
да,—такая похвала этой рѣчкѣ, ко-
торую съ грѣхомъ по поламъ называ-
ють судоходною? Что въ ней хоро-

шаго? Ея угрюмые берега поросли мрачными сосновыми лѣсами, течетъ она къ сѣверу, и хотя въ нее впадаетъ рѣчка, которая называется *Бездна*, но сама-то она вовсе не походитъ на бездну морскую: лѣтомъ черезъ нее во многихъ мѣстахъ куры въ бродъ переходятъ. Мнѣ удавалось слышать отъ пензенскихъ жителей, что въ ней ловятся отличныя стерляди, — быть можетъ, только видно это бываетъ очень рѣдко. Я знаю навѣрное, что когда въ Пензѣ собираются дать какой-нибудь торжественный обѣдъ на славу, то всегда посылаютъ за стерлядями въ Саратовъ. То ли дѣло близкій сосѣдъ Суры, красавецъ Хоперь, рѣчка такъ же второстепенная; но какими она течетъ привольными мѣстами! какъ роскошествуетъ природа на ея плодоносныхъ берегахъ! Хоперь течетъ на югъ, извиваясь подъ тѣнью своихъ

дубовыхъ лѣсовъ, красуясь своими липовыми рощами и орошая свѣтлыми водами своими одинъ изъ счастливейшихъ уголковъ нашей матушки святой Руси. Пуститесь по теченію Хопра, и черезъ нѣсколько дней вы увидите себя среди земель Донскаго войска, въ Хоперской станицѣ, которая славится по всему Дону своимъ привольнымъ житьемъ и богатствомъ.

Въ тысяча семьсотъ осмидесятомъ году, на правомъ берегу этой рѣки, верстахъ въ десяти отъ уѣзднаго городка Ново-Хоперска, у подошвы высокаго холма, стоялъ, срубленный изъ дубовыхъ бревенъ и покрытый тѣсомъ, небольшой господскій домъ о семи окнахъ. Прежде чѣмъ я познакомлю васъ съ хозяиномъ этого дома, Кузмою Петровичемъ Мирошевымъ, не угодно ли вамъ будетъ прогуляться вмѣстѣ со мною по его владѣніямъ, взглянуть на

его наследственную *отчину* и полюбоваться господской усадьбою? Мы начнемъ съ дома.

Я уже сказалъ вамъ, что онъ былъ срубленъ изъ дубовыхъ бревенъ, покрытъ тесомъ и освѣщался съ лицевой стороны семью окнами. Быть можетъ, вы станете смѣяться надо мною; но я убѣжденъ, что дома точно такъ же, какъ и люди, имѣютъ свои собственные фizioноміи, — и суровыя и привѣтливыя, и гордыя и радушныя. — Посмотришь, иной домъ — ну точно хмурить брови, а другой какъ будто улыбается. Вотъ, напримѣръ, хоть этотъ, о которомъ идетъ рѣчь, кажется въ наружности его не было ничего привлекательнаго; а я увѣренъ, вы посмотрѣли бы съ удовольствіемъ на этотъ скромный пріютъ небогатаго русскаго помѣщика. Эта ни чемъ не окрашенная тесовая кровля и кусты великолѣп-

ныхъ розоновъ, которые цвѣли подъ окнами дома; эти голыя бревенчатыя стѣны и чистое крыльцо, уставленное цвѣтами; этотъ красивый лугъ, который опускался гладкой скатертью отъ дверей дома до самаго Хопра,—все это вмѣстѣ было такъ свѣжо, такъ мило, что вы пожалѣли бы, если бъ тутъ, вмѣсто простаго бревенчатаго домика, стояли каменные палаты, или затѣйливая дача съ разными вычурами и причудами, которыя стоятъ такъ дорого лѣтнимъ жителямъ невскихъ острововъ, петергофской дороги и московскаго парка.

По обѣимъ сторонамъ дома разбросано было нѣсколько жилыхъ службъ и холостыхъ строеній: сарай, конюшня, погреба, амбары, застольная изба, баня и господская кухня; всѣ эти строенія были крыты соломою. По двору, почти всегда, преважно расхаживали

вали индійскіе пѣтухи, бѣгали куры и гулялъ павлинъ съ своею павою. Съ лѣвой стороны за частоколомъ, которымъ обнесена была вся дворовая усадьба, стоялъ довольно обширный скотный дворъ; съ правой тянулось огороженное плетнемъ барское гумно, уставленное одоньями. Посреди двора росла огромная черёмуха; подъ благовоннымъ и роскошнымъ шатромъ ея пушистыхъ вѣтвей, можно было въ знойный полдень отдохнуть на скамьѣ и подышать прохладою. Прямо противъ нее, въ глубинѣ двора, за рѣшетчатымъ заборомъ, видѣлся фруктовый садъ, въ которомъ, среди густыхъ куртинъ вишенъ, сливъ и черешни, подымали свои курчавыя головы яблони и грушевыя деревья. Этотъ садъ оканчивался небольшимъ огородомъ; за нимъ, по отлогому скату, взбѣгала до половины высокаго холма тѣнистая ду-

бовая роща; потомъ начинался мелкой кустарникъ, а на самой вершинѣ, подъ тѣнью двухъ вѣковыхъ липъ, стояла деревянная часовня. Она была построена надъ истокомъ холоднаго и прозрачнаго, какъ ледъ, горнаго ключа. Простой народъ называлъ этотъ родникъ *громовымъ студенцомъ*, и пилъ изъ него воду, какъ лекарство, отъ разныхъ болѣзней, вѣроятно потому, что въ часовнѣ была икона Божіей Матери, и что объ этомъ источникѣ передавалась изъ роду въ родъ одна народная легенда, которой содержаніе было слѣдующее:

«Давнымъ давно, въ незапамятные года, не извѣстно при какомъ великомъ князѣ, только прежде еще татарскихъ погромовъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь часовня, стояла уединенная келья одного святаго отшельника. Шестьдесятъ лѣтъ спасался онъ,

живя на этомъ холмѣ, посреди дремучаго бора, котораго теперь и слѣдовъ не осталось. Двадцать лѣтъ не выходилъ онъ изъ лѣсу, и изъ всѣхъ окружныхъ селеній никто не зналъ о немъ, кромѣ одного благочестиваго деревенскаго священника, который два раза въ году приходилъ пріобщать его Святыхъ Таинъ и оставлялъ у него мѣшокъ сухарей; этого было достаточно для пустытника на цѣлые полгода, потому-что онъ былъ великой постникъ и съѣдалъ только по два сухаря въ недѣлю; за водою же онъ ходилъ самъ на Хоперь. Вотъ носѣтилъ его Господь Богъ скорбію: отнялись у него ноги. Это случилось лѣтомъ, въ Петровки; жара стояла нестерпимая, а у него въ кельѣ не было ни капли воды, и какъ онъ ни силлся дотащиться до рѣвки, но въ цѣлые два дня не могъ оттолзти и пяти шаговъ отъ

своей хижины. Вотъ прошелъ день, другой—зной все тотъ же, на небѣ ни облачка, а солнце такъ и палитъ. Какъ ни велико было терпѣніе благочестиваго старца, но онъ былъ челоуѣкъ, а жажда еще мучительнѣе голода. На третій день старецъ изнемогъ совершенно, страданія его сдѣлались нестерпимыми и что-то похожее на ропотъ мелькнуло въ душѣ его. Лукавый того только и дожидался: онъ явился передъ старцемъ, но только не такъ, какъ является иногда, не подъ личиною ангела свѣта, не во образъ даже челоуѣческомъ, а просто во всемъ адскомъ своемъ безобразіи. Старецъ хотѣлъ перекреститься; но демонъ удержалъ его руку, поставилъ передъ нимъ чашу съ свѣжей водою и сказалъ: — «Вотъ, старикъ, я не въ тебя; ты вроклиналъ, ненавидалъ меня, а пришла бѣда, такъ я же къ тебѣ на выручку:

У тебя нѣтъ ни капли воды, — вотъ тебѣ полная чаша! Да не отворачивайся, старинушка: вѣдь я не жидъ какой, не попрошу твоей души за ковшикъ воды; съ меня будетъ и того, если ты за это мнѣ поклонишься.» — «Нѣтъ!» — прошепталъ старецъ, — «не поклонюсь я никогда врагу моего Господа.»

— «Врагу!» — повторилъ насмѣшливо сатана. — «Да что за радость быть слугою-то? Вотъ хоть ты, нѣчего сказать, вѣрный слуга, а что, много выслужилъ? Нѣтъ, старинушка! твой господинъ живетъ высоко—до тебя ли ему! а я у тебя подъ бокомъ. Не хочешь мнѣ кланяться, такъ пожалуй себѣ не кланяйся: я за этимъ не гонюсь. Скажешь спасибо—хорошо! Не скажешь — такъ и быть! Только не мори себя, голубчикъ, напрасно; выпей водицы! А вода-то какая — вода! Посмотри, любезный!»

«Тутъ онъ поднесъ къ устамъ страдальца чашу съ водою чистой и прозрачной, какъ хрусталь. Испушеніе было ужасно, но старецъ устоялъ. Онъ зажмурилъ глаза, чтобъ не видѣть соблазнителя, и сказалъ: — «Лучше умереть въ страданіяхъ по волю Господней, чѣмъ жить тобою, врагъ Божій. Исчезни сатана!»

«Едва онъ выговорилъ эти слова, какъ вдругъ раздался ударъ грома, и ослѣпительная молнія обвилась вокругъ искусителя; онъ вспыхнулъ, разостлался смраднымъ дымомъ по землѣ, завылъ вихремъ по лѣсу, разметалъ, какъ соломенки, на право и на лѣво столѣтнія сосны и съ воемъ исчезъ въ рѣкѣ. Еще грянулъ громъ, и у самыхъ ногъ старца огромный камень разсѣлся надвое; изъ трещины брызнулъ источникъ живой воды, закипѣлъ между камнями и помчался внизъ по скату

горы. Разумѣется, старецъ напи.лся; вскорѣ почувствовалъ облегченіе отъ своей болѣзни, и прожилъ еще двадцать лѣтъ, хваля и славя Бога.»

Теперь, когда вы дошли вмѣстѣ со мною до часовни, то можете однимъ взглядомъ окинуть всѣ владѣнія Кузмы Петровича Мирошева, и въ то же время полюбоваться живописнымъ видомъ Хопра и всѣхъ его окрестностей. Прямо передъ вами, то есть, по ту сторону холма, широкія, по временамъ гористыя поля, господскія усадьбы, селы и кой-гдѣ изгибистый Хоперь, который то появляется, то исчезаетъ за рощами и холмами. Вдали, на высокомъ берегу его, подымается крѣпостный валъ, а за нимъ нѣсколько бѣлокаменныхъ зданій и соборъ, прежде бывшей крѣпости, а нынѣ уѣзднаго города Хоперска. Если мы обернемся, чтобъ идти назадъ, то передъ нами

откроются виды, не менѣе прекрасные. Внизу подъ нашими ногами дубовая роща. Вотъ вѣтеръ пахнеть сильнѣе, и вершины сплотныхъ деревьевъ заволновались какъ зеленое море; онъ стихъ, и передъ нами разостлался зеленый бархатный коверъ. Далѣе господская усадьба и покатиный лугъ до самаго Хопра; по ту сторону рѣки обширная пойма, лѣвомъ покрытая густой зеленью и цвѣтами, весной залитая верстъ на пять въ ширину обильными водами Хопра. На лѣво, шаговъ сто отъ барскаго дома, на самомъ берегу рѣки, село Хопровка, то есть, двѣнадцать крестьянскихъ дворовъ съ пятидесятью ревизскими душами. Эта небольшая деревенька, съ осмью стами десятинъ земли въ окружной межѣ, съ поемными лугами, рыбной ловлею и разными другими доходными статьями, была наследственной и единственной

отчиною Кузмы Петровича Мирошева; она почти никогда не давала ему меньше шести сотъ рублей годового дохода. Вы можете судить по этому, какимъ отличнымъ хозяиномъ былъ Кузма Петровичъ. Правда, было къ чему и руки приложить: Хопровка славилась своими угодыями; всѣ окрестные жители называли ее золотымъ дномъ, и конечно самый плохой помѣщикъ не получилъ бы съ нее меньше трехъ сотъ рублей въ годъ дохода; однимъ словомъ, эта деревенька вполне оправдывала русскую пословицу: «маль золотникъ, да дорогъ».

Съ землею Кузмы Петровича Мирошева сходилась земля одного порядочнаго села, принадлежащаго Графу Р****му; имъ управлялъ прикащикъ, а самъ баринъ зналъ это село только по слуху; и не удивительно: въ немъ было съ небольшимъ четыреста душъ;

слѣдовательно оно не составляло даже и четырехсотой части его огромнаго имѣнія. Почти всѣ остальные сосѣди Мирошева были мелкопомѣстные дворяне, исключая одного богатаго помѣщика, о которомъ мы поговоримъ послѣ.

ГЛАВА II.

Откуда происходилъ родъ Мирошевыхъ, и отъ чего у прадеда Кузмы Петровича было двѣ тысячи душъ, а у него только пятьдесятъ.

Древній родъ дворянъ Мирошевыхъ произошелъ слѣдующимъ образомъ отъ рода князей Барашевыхъ, младшаго колѣна рода князей Звѣнигородскихъ:

У Князя Ивана, княжъ Петрова сына Звѣнигородскаго, было два сына: князь Иванъ Барашъ да князь Михайла Спячій; у князя Бараша сынъ

князь Иванъ Адашъ; у князя Адаша сынъ Недашъ; у князя Недаша сыновья, Алексѣй Звънецъ, Юрій Мочька и Петръ Мирошъ; отъ Петра пошли Мирошевы. Въ родъ Мирошевыхъ, которые всѣ служили вврой и правдою великимъ князьямъ и царямъ русскимъ, было двое окольныхихъ, четыре стольника и человекъ пять стряпчихъ, изъ которыхъ одинъ при царь Феодоръ Иоанновичъ былъ даже стряпчимъ съ ключемъ и пущемъ. Онъ удостоился этой особенной милости за то, что отлично трезвонилъ въ колокола. Я думаю вамъ извѣстно, любезные читатели, что царь Феодоръ Иоанновичъ весьма жаловалъ колокольный звонъ и очень часто изволилъ самъ потѣшаться этой забавою. Въ царствованіе царя Феодора Алексѣевича оставался изъ всего рода Мирошевыхъ одинъ только Петръ Гольщъ; у Петра Гольша было

три сына: Андрей Кочерга, Степанъ Шарапъ, да Петръ Бутузъ. Андрей и Степанъ умерли бездѣтны. У Петра Бутуза былъ сынъ Кузма Петровичъ; у Кузмы Петровича сынъ Петръ Кузмичъ, а у Петра Кузмича родился сынъ Кузма Петровичъ, теперешній помѣщикъ сельца Хопровки.

Прадѣдушка Кузмы Петровича, то есть Петръ Гольшъ, былъ сначала писанъ въ разрядныхъ книгахъ московскимъ жильцомъ и служилъ въ холопьемъ приказѣ; потомъ, при царяхъ Иоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ, вошелъ какъ-то въ милость у царевны Софьи Алексѣевны, жалованъ отъ нее разными помѣстьями и переименованъ въ стольники. Онъ умеръ, оставивъ послѣ себя двѣ тысячи душъ крестьянъ и домъ какъ полную чашу. Сынъ его, Кузма Бутузъ, попалъ было при царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ въ потѣш-

ные, но за неуклюжесть и необычайную дородность былъ уволенъ отъ фрунтовой службы, отправился жить въ свои помѣстья, завелъ огромную псовую охоту, и чтобъ перещеголять знаменитаго князя Ромодановскаго, у котораго садилось на коня безъ малаго сто челоувѣкъ псарей и стремяныхъ, онъ выѣзжалъ въ поле съ тремя переменными стаями, и охотниковъ у него было сто двадцать челоувѣкъ, которые порскали, спали, пили, ѣли, и скушали наконецъ, вмѣствѣ съ борзыми и гончими собаками, почти все его имѣнье. Кузма Петровичъ Бутузъ скончался на сороковомъ году отъ одышки, передавъ въ наслѣдство единственному своему сыну, Петру Кузмичу, съ небольшимъ четыреста душъ, до тла разоренныхъ крестьянъ. Мать Петра Кузмича умерла вскорѣ послѣ своего мужа, оставивъ пятилѣтняго

сына совершеннымъ сиротою. Родный братъ покойницы взялъ его на свои руки. По счастью, этотъ дядя былъ человекъ честный и добрый: онъ далъ своему племяннику воспитаніе, по тогдашнему, весьма хорошее. На тринадцатомъ году Петръ Кузмичъ читалъ безъ запинки псалтирь, а святцы зналъ наизусть отъ доски до доски. Писалъ онъ очень бойко, и выводилъ такіе отличные крючки, что дядя, который служилъ самъ секретаремъ въ провинціальной канцеляріи, не могъ безъ радостныхъ слезъ смотрѣть на необычайный почеркъ своего питомца. Въ ариѳметикѣ онъ такъ же былъ очень силенъ: всякой разъ, какъ дядя его справлялъ свои именины, или день рожденья, — а къ нему въ эти дни съѣзжалось человекъ до тридцати гостей, — Петръ Кузмичъ долженъ былъ выдерживать публичный экзамень.

Старикъ дядя, желая похвастаться при всѣхъ ученостью своего племянника, бралъ въ руки огромную книгу въ кожаномъ переплетѣ и начиналъ испытаніе слѣдующимъ образомъ:

— «Послушай-ка, братецъ! Вопросъ: что есть ариѳметика?»

— «Ариѳметика, или числительница,» — отвѣчалъ обыкновенно на распѣвъ и тоненькимъ голоскомъ Петръ Кузмичъ, — «есть художество честное, независтное, удобопонятное, многополезнѣйшее, многохвальнѣйшее....»

— «Хорошо! Теперь скажи-ка мнѣ, колико-губа есть ариѳметика практика?»

— «Есть сугуба: Ариѳметика политика и ариѳметика логистика.»

— «Изрядно, изрядно! — Ну! а что есть адиціо?»

— «Адиціо, или сложеніе, есть дву

..

или многихъ числъ во едино собраніе, или во единъ перечень совокупленіе.»

— «Такъ, Петруша, такъ!—Изрядно!... А что есть мультипликаціо?»

— «Мультипликаціо, или умноженіе, есть имъ же что въ числахъ умножаемъ, или коликимъ вещамъ, по множеству другихъ вещей, раздаемъ и количество ихъ числомъ показуемъ »

— «Хорошо! — Изрядно, весьма изрядно!... Ай да Петруша! Спасибо, братъ, спасибо!» — Тутъ добрый дядя закрывалъ книгу, и со всѣхъ сторонъ начинались восклицанія: — «Ну, ребенокъ!... Какіе года и какое разумъніе!... Умудряетъ же Господь Богъ младенцевъ!...»

— «Да это что еще!» — говаривалъ дядя, потирая съ радостію руки.—«Голі еще мы съ Петромъ знаемъ! Вотъ, наприкладъ: если вы поѣдете отъ сюда до Москвы, такъ хотите ли, онъ

скажетъ, сколько разъ во всю дорогу у вашей повозки колесо обернется?»

Всѣ гости ахали отъ удивленія, многіе не вѣрили, иные даже обижались такой явной насмѣшкою хозяина; но никто не смѣлъ прекословить почтенному старику. Одна только двоюродная его сестрица, супруга воеводскаго товарища, не скрывала иногда своего неудовольствія.

— «Эи, хи, хи! Что вы это, батюшка-братецъ!» — говаривала она, покачивая головою; — «побойтесь Бога! Ну кто вамъ повѣритъ? — Кто можетъ счесть, сколько разъ колесо и на десяти верстахъ повернется?... А то, шутка ли—семь сотъ!»

— «Эка важность! Да будь хоть семь тысячъ—сочтемъ, матушка, говорю вамъ — сочтемъ!»

— «Полноте, Иванъ Федоровичъ! Вѣдь это ужъ и грѣхъ. Да этакъ, по-

жалуй, про васъ скажутъ, прости Господи....»

— «Да, матушка-сестрица, мы съ нимъ колдуны! Или не угодно ли вамъ знать, сколько отъ насъ до Москвы вершковъ будетъ?»

— «Перестаньте, братецъ, перестаньте! Что вы это, въ самомъ дѣлѣ? Да отсюда до Москвы вершкамъ-то и счету нѣтъ!»

— «Авось какъ нибудь сочтемъ! — Петруша! ну-ка, братъ, смѣкни!»

Петръ Кузмичъ бралъ листъ бумаги; въ нѣсколько минутъ приводилъ семьсотъ верстъ въ сажени, сажени въ аршины, аршины въ вершки и, къ удивленію всѣхъ гостей, объявлялъ утвердительно, что до Москвы шестнадцать милліоновъ восемьсотъ тысячъ вершковъ.

— «Ахъ, батюшки-свѣтъ!» — сказала однажды эта двоюродная сестрица, когда Петръ Кузмичъ вычислилъ при

ней, сколько капель воды въ сороковой бочкѣ.—«Да это ужъ и въ самомъ дѣлѣ премудрость! Да онъ этакъ, братецъ, сочтеть, сколько песку на днѣ морскомъ!»

— «Ну это дѣло другое, матушка-сестрица» — отвѣчалъ простодушно дядюшка. — «Этому онъ еще не обучался. Да и какіе здѣсь учителя? Вотъ хоть, на примѣръ: Андрей разстрига, — ну, конечно, проходилъ въ семинаріи всѣ науки; да такой пьяница, что избави Господи! Схватить за десять уроковъ полтинку — да и въ кабакъ; давнымъ давно весь умъ пропилъ! Или дьячекъ Фома: училъ Петрушу грамоту, а теперь самъ у него поучится. Нѣтъ! дастъ Богъ — подростетъ, такъ мы отправимъ его доучиваться въ Москву. Не знаю нынче, а въ старину на Сухаревой башнѣ всему обучали. А не то и до резиденціи доѣдемъ. Тамъ,

говорятъ, теперь всякія школы есть, и заморскихъ учителей довольно; а все завель батюшка Петръ Алексѣевичъ — дай Богъ ему царство небесное! — То-то былъ Царь-Государь! Поколачивалъ онъ, бывало, нашу братью секретарей, и старшимъ подъ часъ доставалось; за то все шло какъ по маслу... Эхъ! да что объ этомъ говорить — не наше дѣло! — Вотъ этакъ годка черезъ три я пооблегчусь, да, можетъ статья, и самъ съ тобою въ Питеръ скатаю!»

И точно, онъ поѣхалъ съ нимъ въ Петербургъ, только не черезъ три года, а черезъ пять лѣтъ: по разнымъ обстоятельствамъ дядюшка не могъ собраться прежде въ эту дальнюю дорогу. Межъ тѣмъ Петръ Кузмичъ подросъ, выровнился и сталъ такимъ молодцемъ, что любо-дорого было посмотреть! Ростомъ и дородствомъ

онъ пошелъ по батюшкѣ, только ладъ-то въ немъ былъ не тотъ. Петръ Кузмичъ былъ малой проворной, ловкой и, по словамъ стариковъ, какъ двѣ капли воды походилъ на своего дѣдушку. Когда дядя привезъ его въ Петербургъ, то, по общему совѣту всѣхъ знакомыхъ и благопріятелей, отдалъ его не въ школу, а записалъ въ конногвардейскій полкъ, который только что былъ сформированъ. Петръ Кузмичъ служилъ такъ удачно, что чрезъ три года попалъ въ каптенармусы, а черезъ шесть махнулъ за отличие прямо въ старшіе вахмистры. Черезъ годъ послѣ этого умеръ его дядя; имѣньемъ управлять было нѣкому, и Петръ Кузмичъ долженъ былъ по неволѣ выдти въ отставку, чтобъ заняться своимъ хозяйствомъ. Онъ былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ армейскаго капитана, и вмѣсто четырехъ сотъ разоренныхъ крестьянъ

лянь, у него оказалось, по милости покойника, слишкомъ семьсотъ душъ, устроенныхъ, приведенныхъ въ порядокъ и дающихъ отличный доходъ. Петръ Кузмичъ могъ бы жить припеваючи; но, на бѣду, онъ влюбился въ одну дѣвицу княжескаго рода, у которой наследственнаго имѣнья не было, благопріобрѣтеннаго такъ же; но зато много было спѣси и глупаго чванства. Она выпгла за него замужъ потому, что ей нечего было кушать; но ей такъ тяжело было перейти изъ сіятельныхъ въ благородныя, эта жертва казалась ей столь необъятною, что она полагала себя вправѣ тиранить своего мужа день и ночь, помыкать имъ какъ слугою и, при всякомъ удобномъ случаѣ, напоминать ему, что она урожденная княжна Бирдюкова. Напрасно возражалъ ей иногда Петръ Кузмичъ, что онъ также происходитъ

отъ князей Барашевыхъ: это не помогало; одно безусловное повиновение мужа заставляло ее забывать на нѣсколько минутъ, что она должна вымѣщать на немъ потерю своего княжескаго достоинства. По волю жены своей Петръ Кузмичъ переѣхалъ жить въ Москву. Сначала купилъ онъ домъ на Арбатъ, чистый, спокойный, съ прекраснымъ садомъ, и долго выносилъ нападки отъ своей жены, которая хотѣла непременно имѣть домъ на Тверской; но подъ конецъ эти нашествія сдѣлались такъ часты, что ему пришлось хоть въ петлю лѣзть. Жена кричала съ утра до вечера, что Арбатъ улица мерзкая, что въ ней самый нездоровый воздухъ, что домъ расположенъ скверно, что онъ холоденъ и сыръ, какъ могила, и что она непременно умретъ, если останется жить въ этомъ гробѣ. Дѣлать было нечего: домъ уступили за

безцѣнокъ, продали полтораста душъ и купили огромныя двухъ-этажныя—развалины на Тверской. Надобно было ихъ отдѣлать, а это стоило такъ же не дешево. Въдъ каменный домъ не то, что деревянный! Конечно, очень пріятно сказать при случаѣ: «мой домъ на Тверской!» Но это еще не все: у кого большой каменный домъ на Тверской, тотъ и живетъ ужъ не такъ, какъ живутъ въ деревянныхъ домикахъ подь Дѣвичимъ, или за Москвой-рѣкою. Въ этомъ же домъ была огромная зала въ два свѣта, а я спрашиваю всякаго: можно ли тому, у кого въ домъ большая зала въ два свѣта, не дѣлать праздниковъ?—Нельзя! Въдъ это почти все тоже, что построить театръ и не давать на немъ представлений.

Въ то время жить было гораздо дешевле нынѣшняго, да за то и доходы

были не такіе, какъ теперь; разумѣется, Петру Кузмичу ихъ не доставало, чтобъ поддерживать свое полубоярское житье. Лѣтъ черезъ пять накопилось много долговъ. Жена посовѣтовала ему удвоить крестьянскій оброкъ и усилить запашку. И подлинно, въ первый годъ, послѣ этого экономическаго распоряженія, годовый доходъ былъ самый блестящій: старыхъ долговъ не заплатили, но за то не нажили и новыхъ; во второй годъ оказались недоборы. Строгій приказъ управителю, взыскать все до копѣйки — взыскано; но за то въ третій годъ всѣ оброчныя статьи превратились въ одну огромную недоимку, и господскія поля остались не засеянными.—«Чтожъ это такое? Сей часъ смѣнить управителя, послать другаго!»—Послали. И вотъ новый управитель доноситъ, что тѣхъ крестьянъ, которые были на барщинѣ, ему не за

чѣмъ и въ поле выгонять: они-дискать, поморили всѣхъ лошадей на господской запашкѣ, потому что ее удвоили, а число тягль оставалось все то же; съ оброчныхъ же мужичковъ брать вовсе нечего, по той причинѣ, что они сами питаются мѣрскимъ подавнѣемъ. Эта причина показалась весьма глупою госпожѣ Мирошевой; она закричала, что второй управитель хуже перваго, что всѣ русскіе прикащики или дураки, или мошенники, и что непременно должно нанять нѣмца. Петръ Кузмичъ предложилъ-было женѣ ѣхать самимъ въ деревню, — куда!... Урожденная княжна Бирдюкова подняла такой штурмъ, что онъ не зналъ, куда отъ нее и дѣваться. — «Да помилуй, матушка!» — сказалъ онъ наконецъ своей разгнѣванной супругѣ, когда она поуспокоилась и съѣла за свой туалетный столикъ; — «скоро ли

найдешь Нѣмца? А вѣдь намъ вѣсть нечего.»

— «Я, Петръ Кузмичъ, въ эти подробности не вхожу: мое дѣло женское,»—отвѣчала Катерина Семеновна, приклеивая къ правому виску черную бархатную мушку; — «объ этомъ должны заботиться мужья, а не жены.»

— «Но что жъ прикажете мнѣ дѣлать?»

— «Какъ что? Да почему же вамъ не продать это скверное имѣнье. которое не даетъ намъ ни какого дохода? Продайте его и купите подмосковную. У княгини Хабаровой есть подмосковная; у князя Кожухова есть подмосковная; у графини Бирюлькиной есть подмосковная; у всѣхъ порядочныхъ людей есть подмосковныя—почему жъ у насъ нѣтъ? За семь сотъ верстъ прикащикамъ не трудно грабить и обманывать

своихъ господъ, а это будетъ у насъ подъ глазами.»

— «Такъ, матушка, такъ! Да вѣдь имѣнье-то въ два дня не продашь: на это надо время; ну разсуди сама....»

— «Это ужъ, Петръ Кузмичъ, не моя забота; я не для того вышла замужъ, чтобы заниматься вашими дѣлами. Продавайте или не продавайте, для меня все равно; только не забудьте, что я сегодня буду играть у княгини Хабаровой въ реверси, и что мнѣ нужны деньги.»

И вотъ еще двѣсти душъ проданы за полцѣны. Правда, деньги пошли не всѣ на вѣтеръ: на имя Катерины Семеновны Мирошевой куплено сорокъ душъ въ десяти верстахъ отъ Москвы. Изъ этихъ сорока душъ, выключая малолѣтнихъ, всѣ остальные души были горькіе пьяницы; земли всего двѣсти десятинъ, угодьевъ никакихъ; но

за то господской домъ съ бельведеромъ, рѣчка, пруды и садъ на двадцати десятинахъ.

Я позабылъ вамъ сказать, любезные читатели, что у Катерины Семеновны Мирошевой была родная сестра, княжна Елена Семеновна, двѣцца лѣтъ пятидесяти. Она жила гдѣ-то въ Саратовскомъ намѣстничествѣ, въ небольшой деревушкѣ, которую отказала ей, по духовной, крестная мать, такъ же изъ рода князей Бирдюковыхъ. Катерина Семеновна Мирошева была за что-то въ ссорѣ съ своей сестрою, не пригласила ее даже къ себѣ на свадьбу и никогда о ней не говорила, какъ будто бы ее вовсе и на свѣтъ не было. Когда родился у Мирошевыхъ сынъ, а это еще было до ихъ переселенія въ Москву, Петръ Кузмичъ извѣстилъ потихоньку отъ жены княжну Елену Семеновну объ этомъ сча-

стливомъ событіи, и получилъ отъ нее самый ласковый и родственный отвѣтъ.

Катерину Семеновну Мирошеву нельзя было назвать нѣжной матерью: она вовсе не хотѣла заниматься воспитаніемъ своего сына; да и то сказать, когда ей было думать объ этомъ? Вѣдь не легко поддерживать большое знакомство, ѣздить на вечера и принимать гостей; а сверхъ того, у нее и такъ было на рукахъ двѣ моськи, котъ ангора и дюжины двѣ канареекъ, — было съ кѣмъ нянчиться! Можетъ быть, Катерина Семеновна не была бы такъ холодна къ этому ребенку, если бъ у него было другое имя; а то—представьте себѣ! — мужъ осмѣлился, безъ ея вѣдома, назвать его, въ честь дѣдушки — Кузмою!... Кузмою! — А я васъ спрашиваю, какъ можно приласкать ребенка Кузму? Ну какъ его назо-

вешь? Кузинька—не хорошо! Кузя—еще хуже! — По крайней мѣрѣ такъ всегда говорила Катерина Семеновна. — «Да ужъ это, матушка,»—сказаль однажды Петръ Кузмичъ, — «искони въковъ ведется въ родѣ Мирошевыхъ: у Кузмы всегда сынъ Петръ, у Петра сынъ Кузма....»

— «Прекрасное обыкновеніе—Кузма! Да Кузмой можетъ только называться лакей или кучеръ, — это имя холопское. Вотъ что вы, сударь, надѣлали! По вашей милости я не могу любить моего сына—да, да! я видѣть его не могу!.. Лишь только онъ подростеть, извольте отвезти его въ Петербургъ и отдать въ кадетской корпусъ!»

Въ слѣдствіе сей милостивой резолюціи, Петръ Кузмичъ не далъ засидѣться въ Москвѣ своему сыну. Когда ему минуло тринадцать лѣтъ, батюшка сколотилъ рублей тысячу, то есть занялъ

подъ залогъ имѣнья, и отправился съ сыномъ въ Петербургъ; сына онъ помѣстилъ въ кадетскій корпусъ, деньги истратилъ на разныя заморскіе гостинцы для своей супруги и поспѣшилъ возвратиться въ Москву.

Пока Кузма Петровичъ учится въ кадетскомъ корпусѣ, я расскажу вамъ въ двухъ словахъ, чѣмъ кончилось житье-бытье Мирошевыхъ, которыхъ не суждено уже было видѣться въ здѣшнемъ мѣрѣ съ единственнымъ ихъ сыномъ.

Пять лѣтъ еще прожили они кой-какъ на Тверской, а тамъ должны были продать домъ, потому-что Катерина Семеновна не хотѣла растаться съ своей подмосковною; другихъ крестьянъ у нихъ давно уже не было. Къ концу шестаго года у Петра Кузмича, въ слѣдствіе небольшой семейной размолвки, разлилась желчь, и онъ умеръ скоропостижно. Неутѣшная вдова объ-

явила всѣмъ знакомымъ и роднымъ, что намѣрена разстаться навсегда съ свѣтомъ.

И дѣйствительно, она уѣхала въ свою подмосковную. Это было въ концѣ апрѣля; въ началѣ октября она возвратилась въ городъ посоветоваться съ докторами о своемъ здоровьи; въ ноябрь скинула черное платье и надѣла бѣлое; въ декабрь, для разсѣянiя, начала играть по прежнему въ реверси, а въ январь простудилась на балѣ у княгини Хабаровой и умерла нервической горячкою. Послѣ ея смерти подмосковную описали за долги, продали съ публичнаго торга и отослали сыну триста рублей, которые остались за удовлетворенiемъ всѣхъ займодавцевъ покойной его матери.

Теперь вы знаете, любезные читатели, отъ чего у прадѣдушки Кузмы Петровича было двѣ тысячи душъ, и

куда дѣвалось это богатое родовое имѣнье; но вы еще не знаете, и я долженъ вамъ рассказать, какимъ образомъ Кузма Петровичъ, которому, кромѣ трехъ сотъ рублей, ничего не досталось въ наслѣдство, одѣлся господиномъ пятидесяти душъ, то есть помѣщикомъ сельца Хопровки. .

ГЛАВА III.

**КТО ТАКОЙ БЫЛЪ ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ И КАКЪ ОНЪ
ВЫТОРГОВАЛЪ ТРИДЦАТЬ РУБЛЕЙ У НѢМЦА ПОРТНАГО.**

Триста рублей, доставшіеся Кузмѣ Петровичу послѣ матери, пришли очень кстати: онъ назначенъ былъ къ выпуску. По своему отличному поведенію и успѣхамъ въ наукахъ, Кузма Петровичъ стоялъ однимъ изъ первыхъ

кадетовъ по всему корпусу. Грустно было бѣдному сиротѣ подумать, что ему нѣкого было порадовать своимъ офицерскимъ чиномъ. Конечно, онъ не былъ избалованъ ласкою своихъ родителей: мать его не любила, отецъ не смѣлъ любить, и онъ успѣлъ ужъ привыкнуть заранѣе къ своему сиротству; но иногда ему приходило въ голову, что когда онъ явится къ матери молодцомъ, въ красивомъ мундирѣ, когда ей можно будетъ взглянуть съ улыбкою гордости на своего сына, то, вѣроятно, сердце ея забьется сильнѣе обыкновеннаго, и она съ любовью протянетъ къ нему свои руки. Бѣдный ребенокъ! онъ не зналъ еще, что у дурной матери вовсе нѣтъ сердца; онъ не зналъ, до какой степени гордая, упрямая и избалованная женщина можетъ ожесточить свою душу. О, конечно, дурная мать во сто разъ хуже

всякой мачихи! Та хоть людей постыдится—а родной матери чего бояться? Кто осмѣлится подумать, что она можетъ безъ причины ненавидѣть свое дитя? Я и самъ бы не повѣрилъ этому, если бъ не зналъ матерей, которыя одного ребенка боготворять, а другаго ненавидятъ со дня его рожденія. — Что за небесное созданіе кроткая и добрая женщина! Но зато если она зла, — избави Господи! Мужчина, чѣмъ бы онъ не былъ, а все-таки въ немъ остается что-то человѣческое; одна только женщина можетъ быть и совершеннымъ ангеломъ и воплощеннымъ сатаною.

Впрочемъ, я ошибся, когда сказалъ, что Кузмъ Петровичу нѣкого было порадовать своимъ офицерскимъ чиномъ;— нѣтъ! онъ не вовсе былъ сиротою: у него былъ дядька, по имени Прохоръ Кондратьичъ. Этотъ образчикъ старин-

ныхъ русскихъ домоладцевъ, которые вынянчивали на рукахъ своихъ дворянскихъ дѣтей, стоитъ того, чтобъ я познакомилъ васъ съ нимъ покороче.

Прохоръ Кондратьичъ былъ человекъ лѣтъ пятидесяти, приземистый, широкоплечій и нѣсколько сутуловатый. Широкой лобъ его, покрытый морщинами, сливался съ огромной лысиною, которая оканчивалась почти на самомъ затылкѣ нѣсколькими клочками свѣтлорусыхъ волосъ съ просѣдью. Съ перваго взгляда широкое лицо его, нѣкогда румяное, а теперь багровое, не обѣщало ничего добраго: вы побились бы объ закладъ, что онъ горькой пьяница, и проиграли бы навѣрное, потому-что Прохоръ Кондратьичъ и въ ротъ не бралъ хмѣльнаго. Блѣдно-сѣрые, подслѣповатые глаза съ нависшими бровями, толстый, круглый носъ и ротъ до ушей, все это было вовсе

не красиво; но подъ этой грубой оболочкою таялась самая добрая и честная душа; въ этихъ прищуренныхъ, безцветныхъ глазахъ блистала по временамъ природный русской умъ, который мы, по нашему врожденному смиренію, называемъ просто русскимъ толкомъ. Самая нежная мать не могла бы любить дитя свое болѣе того, какъ онъ любилъ своего молодаго барина. Можетъ быть, онъ не вдругъ бы рѣшился погубить за него свою душу, — но умереть за Кузму Петровича, идти за него въ огонь и въ воду, заслонить его своей грудью отъ пушечнаго ядра, объ этомъ Прохоръ Кондратьичъ не признался бы ни на минуту. Сколько разъ бывало, когда Катерина Семеновна разгнѣвается безъ всякой причины на своего сына, прогнать съ глазъ долой и прикажетъ запереть одного въ его темной комнатѣ на ан-

тресоляхъ,—Прохоръ Кондратьичъ, не смотря на строгое запрещеніе, прокрадется тихонько въ дѣтскую, подсядетъ къ своему дитяти, отдастъ ему какого-нибудь пряничнаго конька или пѣтушка, купленнаго на послѣднюю копейку, начнетъ его ласкать, приголубивать, примется строить ему карточный домикъ; ребенокъ забудетъ свое горе, поразвеселится, а добрый Кондратьичъ нѣтъ, нѣтъ, да отворотится и потихоньку, чтобъ дитя не видѣло, утираетъ полою сюртука свои слезы. Вотъ иногда узнаютъ объ этомъ, Прохора Кондратьича отколотятъ по щекамъ, а ему и горюшки мало! Думаетъ про себя: «бей меня, матушка, сколько душъ твоей угодно, только не мѣшай мнѣ любить твое дѣтище.» Куда дѣвалось это поколѣніе вѣрныхъ слугъ боярскихъ? Оно исчезло вмѣстѣ съ патріархальными нравами на-

шихъ предковъ. Теперь такая безкорыстная любовь къ чужему ребенку можетъ показаться невѣроятною, а въ старину это бывало сплошь. Обыкновенно барское дитя переходило отъ кормилицы на руки къ нянюшкѣ, отъ няни мальчикъ поступалъ подъ надзоръ дядьки, и всѣ эти хожатые: кормилица, нянюшка и дядька, сохраняли до самой смерти неизмѣнную привязанность къ ребенку, который въ послѣдствіи становился ихъ бариномъ. Разумѣется, эта любовь была всегда самая слѣпая и безотчетная; обыкновенно, каждая нянюшка и каждый дядька не сомнѣвались, что ихъ дитя и умнѣе и лучше своихъ братьевъ и сестеръ. Это бы еще ничего; но они такъ же были увѣрены, что оно не могло быть никогда и ни въ чемъ виноватымъ. Отъ этого происходили иногда споры, которые не всегда оканчивались миролю-

биво: бывало два братца подерутся между собою, а тамъ—глядишь, и нянюшки таскають другъ друга за волосы.

Теперь, если вы спросите меня, какимъ образомъ Прохоръ Кондратьичъ уцѣлѣлъ одинъ изъ всѣхъ крестьянъ и дворовыхъ людей Петра Кузмича Мирошева, то я изъясню вамъ это въ двухъ словахъ. Прохоръ Кондратьичъ принадлежалъ Катеринѣ Семеновнѣ и имѣлъ отъ нее домовую отпускную, въ силу которой онъ не могъ быть проданъ при жизни своей барыни, а по смерти ея дѣлался навсегда свободнымъ, то есть, имѣлъ полное право умереть на старости съ голоду, или питаться Христовымъ именемъ. Какъ не лестно это право, но добрый старикъ не захотѣлъ бы имъ воспользоваться, если бъ даже былъ и молодымъ человѣкомъ: онъ твердо рѣшился жить и умереть при своемъ баринѣ.

Разумѣется, присланные изъ Москвы триста рублей отданы были подь сохраненіе Прохору Кондратьевичу. И баринъ и слуга, оба думали, что съ такой огромной казною имъ ни въ чемъ не будетъ недостатка; но когда дѣло дошло до обмундировки и Кондратьичъ смѣкнулъ на счетахъ, что будетъ стоить полный драгунскій мундиръ, то руки у него опустились отъ ужаса. «Что жъ это такое?»—сказалъ онъ. — «Батюшка Кузма Петровичъ! да вѣдь мундиръ-то будетъ стоить рублей сорокъ! Ахъ ты Господи!... Да еще, глядишь, портной заломитъ рубля четыре за работу.»

— «Что ты, Прохоръ! Какіе четыре рубля: и за восемь не сдѣлаютъ.»

— «За восемь? Нѣтъ, сударь, жирно будетъ!»

— «Да вотъ, мой товарищъ, Засѣ-

кинъ,—съ него взялъ портной нѣмецъ за всю пару десять рублей. »

— « Да то нѣмецъ, сударь, а мы поищемъ русскаго. »

— « И, Прохоръ! да чтожь, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь у насъ триста рублей! »

— « Кто и говоритъ, сударь, триста рублей велико дѣло; да вѣдь и годовъ-то впереди много: на то копѣйка, на другое грошъ, и не увидите, батюшка, какъ денежки выдутъ. »

— « Послушай, Прохоръ, » сказалъ Кузма Петровичъ, не смѣя взглянуть на своего дядьку, — « ты не разсердишься? »

— « А что, сударь? »

— « Вѣдь я ужъ мундиръ-то заказалъ. »

— « Заказали?... Какъ заказали?... Ужъ не нѣмцу ли? »

— « Нѣмцу. »

Прохоръ Кондратьичъ поблѣднѣлъ.
« Вотъ тебѣ разъ! » — прошепталъ онъ
сквозь зубы. — « А сколько онъ съ васъ
выпросилъ? »

— « За полный мундиръ со всей ам-
муниціею, и шляпа, и шпага, и пуго-
вицы — все его.... »

— « Ну, сударь!... ну!... сколько онъ
съ васъ взялъ? » — проговорилъ тре-
пещущимъ голосомъ старикъ.

— « Сто рублей. »

— « Сто рублей! » — вскричалъ Про-
хоръ, всплеснувъ руками. — « Ахъ онъ
басурманская рожа!... Сто рублей!...
Ахъ онъ разбойникъ!... »

— « Да за то какъ будетъ все сдѣ-
лано!.. »

— « Что сдѣлано, батюшка!... По-
милуйте — сто рублей!... Нѣтъ, Кузма
Петровичъ, воля ваша, плюньте вы на
этого нѣмца.... »

— « Да я ужъ, Прохоръ, и задатокъ ему далъ. »

— « Задатокъ?... А гдѣ вы деньги-то взяли? »

— « Мнѣ Засѣкинъ далъ займы двадцать рублей. »

— « Ну!!! плакали наши денежки! Ахъ, батюшка-баринъ, что это вы такъ опростоволосились? Легко вымолвить — сто рублей!... Да этакъ онъ, разбойникъ, въ два года каменныя палаты выстроить!.. Да вы бы съ нимъ хоть поторговались, сударь! »

— « Что ты, Прохоръ! вѣдь нѣмцы не торгуются. »

— « Не торгуются?... Полноте, батюшка, Кузма Петровичъ! — Ну вѣстимо, съ вами какой торгъ — что запросилъ, то и даете. Нѣтъ! онъ меня бы попробовалъ! — Намнясь, зашолъ я въ гамазею купить для васъ банку помады; нѣмецъ просить гривну, а я ему

грошъ,—онъ и говорить не хочетъ. Я посулилъ еще копѣйку, да и вышелъ вонъ. Подождаль — не зоветъ назадъ; вотъ опять къ нему. — «Бери, мусьё, пятакъ.» А онъ кричитъ по своему: «пошолъ вонъ!» Я еще денежку надбавилъ — а онъ меня по шеямъ изъ лавки. Я повременилъ, да въ третій разъ къ нему: «хочешь, мусьё, шесть копѣекъ?» Онъ было опять гнать меня изъ гамазен, да нѣтъ — шутишь! Я уперся въ притолоку, да и кричу: «бери семь!» — Ну чтожь, сударь? Вѣдь отдалъ за семь копѣекъ То-то и есть, съ нашимъ братомъ не то, что съ вами. Вотъ, стойте, я къ этому нѣмцу портному схожу, да хоть у него и задатокъ есть, а онъ уступить — видитъ Богъ уступить!»

На другой день Кондратьичъ явился къ своему барину съ радостнымъ лицомъ. «Ну, батюшка!» — сказалъ онъ,

« не говорилъ ли я вамъ, что нѣмецъ уступить? »

— « Неужели ты въ самомъ дѣлѣ чтонибудь выторговалъ? »

— « Да еще сколько, сударь! Я пришелъ къ нему; нѣмецъ такой дородной, сидитъ въ колпакѣ, а въ зубахъ у него трубка. Я поклонился ему низенько, да и говорю: «Что, батюшка — баринъ мой, Кузма Петровичъ Мироншевъ, заказалъ твоей милости мундиръ?» — «Заказалъ-дискать.» — «За сто рублей?» — «Да, за сто.» — «Эхъ, хозяинъ, хозяинъ!» — сказалъ я; — «ну боишься ли ты Бога? Въдѣ баринъ-то мой человекъ бѣдный: у него всего на все сто рублей за душою. »

— « За чѣмъ же ты, Прохоръ, солгалъ? Обманывать грѣшно. »

— « И, сударь, что тутъ за грѣхъ! Въдѣ это нечто другое—это дѣло торговое! Вотъ нѣмецъ почесалъ у себя

затылокъ, да и говорить: «мой нельзя уступай меньше;» — а я ему: «какъ нельзя, хозяинъ? вѣдь барину-то моему послѣ завтра походъ, а онъ круглый сирота, ни отца, ни матери; ты его обидишь, и тебя Богъ обидитъ.» Нѣмецъ замоталъ головою. Ахъ ты Господи! грустно мнѣ стало; съ чѣмъ мы, въ самомъ дѣлѣ, въ походъ-то пойдемъ?... Заплакалъ, батюшка!... Тутъ вдругъ и заговорила съ нимъ по своему — жена чтоль его, не знаю—баба также ражая, румяная, а лице предоброе. Гляжу — нѣмецъ сталъ хмуриться, покачивать головой, надулся; она ему и то и сѣ, а онъ молчитъ, да жретъ свой табачище; — глядь поглядь, нѣмка-то ужъ и плачетъ. Вотъ видно и ему стало жалко. «Ну, добрый человекъ,» — сказалъ онъ, — «если твой баринъ сирота, такъ Богъ съ нимъ: возьму съ него мою цѣну. У меня задатку двадцать рублей,

приноси пятьдесятъ.» — Я было поторговался еще съ нимъ малую толику, да нѣтъ — не уступаетъ. Это диво, подумаешь — нѣмецъ, а сжалился!»

— «Да развѣ, по твоему, Прохоръ, нѣмецъ-то не человѣкъ?»

— «Да какъ вамъ сказать, сударь? Кажись, образъ человѣческій, а вѣдь Богъ знаетъ? Старики-то наши не то говаривали.... Ну да что объ этомъ! Завтра, батюшка, принесу къ вамъ мундиръ, да и укладываться. Вѣдь отправление-то ваше готово?»

— «Генераль сегодня мнѣ отдалъ и сказалъ, чтобъ я торопился: нашъ полкъ выступилъ въ походъ.

— «Подъ нѣмца, сударь?»

— «Да, мы идемъ въ Пруссію.»

— «Эхъ, батюшка-баринъ, и пощеголять-то вамъ здѣсь не дали! Ну, дѣлать нечего; вотъ, Богъ дастъ, вернетесь, такъ нагуляетесь до сыта.»

— « А если не` вернусь? »

— « Такъ авось тогда Господь Богъ и меня приберетъ вмѣстѣ съ вами.... Да что объ этомъ загадовать — Богъ милостивъ! Вернетесь, батюшка, да еще, можетъ статья, капитаномъ, а тамъ въ отставку, да домой »

— « Домой?... Куда домой? »

— « Эхъ, совсѣмъ было забылъ!... Что дѣлать, батюшка, Кузма Петровичъ, нѣгдѣ вамъ, сердечному, и головы преклонить — ни кола, ни двора, ни роду, ни племени.... Э! да что говорить! Служите вѣрой и правдой Богу, да Царю, такъ будете съ домикомъ. »

Когда Кузма Петровичъ надѣлъ свой красивый драгунской мундиръ, Прохоръ Кондратьичъ совсѣмъ обезумѣлъ отъ восторга и радости. « Экой молодецъ! » — кричалъ онъ. — « Экой молодецъ! Ну, подлинно всѣмъ взялъ! И родятся же этакіе.... Ахъ ты баринъ, мой

**

голубчикъ, соколь ты мой ясный! — Да есть ли на бѣломъ свѣтѣ такіе красавцы? Нѣтъ, видитъ Богъ нѣтъ, — не бывало и не раживалось! Да и мундирчикъ-то, нѣчего сказать, такъ и поётъ! Ни морщинки, ни складочки!... Ай да нѣмецъ, — спасибо!... Пройдите-ка, батюшка, пройдите!... Ахъ вы мои родные!... Писанный красавецъ!... А поступь-то какая, поступь!... Орелъ! .. Батюшка Кузма Петровичъ, ступайте въ Лѣтній садъ! »

— « За чѣмъ »

— « Какъ за чѣмъ? Людей посмотришь и себѣ показать. Мы завтра чѣмъ свѣтъ въ дорогу, такъ пускай на васъ-хоть сегодня-то полюбуются. »

Кузма Петровичъ и самъ хотѣлъ пощеголять своимъ мундиромъ. Спросите у любого прапорщика, что онъ дѣлалъ въ тотъ день, какъ надѣлъ въ первый

разъ офицерской мундиръ, — и онъ вѣрно вамъ скажетъ, что гуляль, разумѣется если только была возможность оставаться на открытомъ воздухѣ. Боже мой, какъ весело пройти мимо часоваго, который дѣлаетъ вамъ на караулъ! Какъ пріятно видѣть, что каждый солдатъ снимаетъ передъ вами фуражку! Вамъ кажется, что всѣ даютъ вамъ дорогу и смотрятъ на васъ, какъ на человека необыкновеннаго. Если вы встрѣтитесь когда нибудь съ молодымъ офицеромъ, у котораго мундиръ съ иголки, если этотъ офицеръ дѣлаетъ крюкъ для того только, чтобъ пройти мимо будки часоваго, уступаетъ дорогу однимъ женщинамъ, смотритъ прямо въ глаза всѣмъ мужчинамъ и не можетъ скрыть презрительной улыбки взглянувъ на вашу круглую шляпу: то будьте увѣрены, что онъ прапорщикъ и только что произведенъ въ офицеры.

Вотъ число гуляющихъ въ Лѣтнемъ саду умножилось однимъ драгунскимъ офицеромъ. Онъ бодро шель по средней аллеѣ; но такъ какъ онъ былъ росту небольшого и наружности, хотя пріятной, но самой обыкновенной, то никто не обращалъ на него вниманія, кромѣ одного лысаго, въ коричневомъ сюртукѣ, старика, который шель позади его шагахъ въ десяти. Этотъ старикъ слѣдилъ его глазами и поглядывалъ съ удивленіемъ на всѣхъ проходящихъ. «Экой народъ!»—шепталъ онъ себѣ подъ носъ; — «никто и не взглянетъ! Какъ будто бѣ присмотрѣлись къ такимъ молодцамъ.»

Вотъ наконецъ одна барыня оглянулась на драгуна, — старикъ улыбнулся; вотъ какая-то мѣщанка въ запачканомъ шушунѣ остановилась и устремила свои взоры на проходящаго офицера. — «Что, тѣтка,» — спросилъ ее

старикъ, — «любуеться? Каковъ молодецъ-то!»

— «Хорошъ, мой родимый, хорошъ!»

— «То-то же! Это мой баринъ, его благородіе, Кузма Петровичъ Мироншевъ.»

— «Такъ, батюшка, такъ!»

— «Экой красавецъ, подумаешь! Что, тётка, видала ли ты этакихъ?»

— «Да, батюшка, баринъ личменной; росту только Богъ не далъ.»

— «Что ты, старуха? Протри глаза-то хорошенько! Какого еще тебѣ молодца надобно?»

— «Такіе ли, родимый, молодцы бываютъ.»

— «Такіе ли! Чтожъ ты на него бѣльмы-то пялила?»

— «Да какъ же, батюшка! Вѣдь онъ и лицомъ и ростомъ точь въ точь мой Ванюша.»

— «Ванюша! Какой Ванюша?»

— «Сынокъ мой, батюшка. Теперь онъ извозничаетъ, а прошлаго года совсемъ было неставили въ некруты, да въ мѣру не вынелъ.»

Прохоръ Кондратьевичъ плюнулъ и пошелъ прочь.

На другой день Кузма Петровичъ, получивъ подорожную, отправился въ свой полкъ и догналъ его на самой границѣ.

ГЛАВА IV,

ВЪ КОТОРОЙ ДОКАЗЫВАЕТСЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ ПОСЛОВИЦЫ:
«ХОРОШО ТОМУ ЖИТЬ, КОМУ БАВУШКА ВОРОЖИТЬ».

Вскорь по прибытіи Кузмы Петровича въ полкъ, онъ выступилъ за границу и соединился съ арміею, которой командовалъ уже, за мѣсто генерала Фермора, знаменитый Салтыковъ. Кузму Петровича полюбили всѣ товарищи за его кроткій нравъ, примѣрное добродушіе и веселый обычай, который

однако жъ не мѣшала ему быть самымъ разсудительнымъ и степеннымъ прапорщикомъ во всей арміи. Старые служивые, начиная съ маіора, который командовалъ заурядъ полкомъ, говорили о немъ, какъ о самомъ отличномъ и исправномъ фрунтовымъ офицеръ, а вся молодежь называла его « дядюшкою ». Прохоръ Кондратьичъ попалъ такъ же въ большую честь. Онъ заслужилъ такую довѣренность своимъ честнымъ поведеніемъ, что всѣ офицеры, которые были въ одной ротѣ съ Кузмою Петровичемъ, сдѣлали его своимъ казначеемъ, то есть, отдали ему на сохраненіе свои артельныя деньги. Онъ никогда не сердился, когда смѣялись надъ его лысиною и краснымъ носомъ; рассказывалъ молодымъ господамъ разныя побасенки и очень часто служилъ для нихъ переводчикомъ. Прохоръ Кондратьевичъ вполне обладалъ этой смѣт-

кою и досужествомъ, которыя могутъ назваться отличительными чертами русскаго народа. Разумѣется, онъ не зналъ нѣмецкаго языка, а не смотря на это мастерски объяснялся съ нѣмцами; онъ составилъ для этого какой-то особенный языкъ, въ которомъ слова: «бирь, бротъ, ваинъ, ницъ, гуть» служили основаніемъ, а «швернотъ» необходимымъ дополненіемъ каждой фразы; всѣ прочія слова были ничто иное, какъ производныя рѣченія этихъ пяти коренныхъ словъ; онъ примѣшивалъ къ нимъ множество исковерканныхъ на «нѣмецкой манеръ» русскихъ рѣчей и добавлялъ все это чрезвычайно выразительной пантомимой.

Въ доказательство его досужества въ этомъ отношеніи, я приведу одинъ примѣръ изъ тысячи. Однажды хозяинъ-нѣмецъ не могъ никакъ понять, чего требуетъ русской офицеръ, который

стоялъ у него на квартирѣ. Офицеръ просилъ молока, а ему подали варенаго картофеля, потѣмъ пива. Офицеръ былъ человекъ вспыльчивый и вздорный: онъ разсердился, началъ шумѣть и готовъ ужъ былъ драться. Послали за переводчикомъ; Прохоръ Кондратьичъ пришолъ и началъ изъясняться слѣдующимъ образомъ съ хозяиномъ:

— «Послушай, братъ, швернотъ — вотъ что: мой не нада биръ — понимаешь? — ницъ биръ!»

— «Вейнъ?» — проговорилъ нѣмецъ.

— «И не вайнъ; намъ не надобно ни биру, ни вайну; — ты давай намъ молока. Твой понимай — молока?»

— «Ихъ ферштее ницъ!» — сказала нѣмецъ, покачивая головою.

— «Экой швернотъ безтолковый! Ну вотъ смотри!»

Тутъ Прохоръ сталъ на четвереньки и заревѣлъ коровою. Нѣмецъ побѣжалъ и принесъ жареной говядины.

— « Нихцъ, nichцъ! » — закричалъ Кондратьичъ. — « Эхъ, не знаю, какъ по ихнему-то молоко зовутъ!... А вотъ постоитъ — разомъ пойметъ! — Эй, хозяинъ! намъ надо вотъ что — смотри! »

Прохоръ сталъ на колѣни и сдѣлалъ видъ, какъ будто бы доить корову.

— « Милихъ? » — вскрикнулъ хозяинъ.

— « Гуть, гуть! » — подхватилъ Прохоръ. — « Милихъ, сирѣчь молоко! Теперь твой понимай? Давно бы этакъ! Давай намъ, камратъ, милиху! »

Нѣмецъ побѣжалъ на погребъ, а Кондратьичъ всталъ и, вытирая свою лысину, проговорилъ запыхавшись: « Фу, батюшки! усталъ до смерти! Экой олухъ, подумашь! Другіе на лету хва-

таютъ, а этотъ швернотъ.... Ну, попо-
тѣль я съ нимъ!»

Я уже сказалъ вамъ, любезные чи-
татели, что начальники почитали Куз-
му Петровича за самаго примѣрнаго и
отличнаго фрунтоваго офицера, а то-
варищи любили какъ истинно честнаго
малаго и добраго сослуживца; но ни-
кто еще не зналъ, каковъ онъ будетъ
въ дѣлѣ; нѣкоторые изъ молодыхъ офи-
церовъ сомнѣвались даже въ его храб-
рости, потому-что онъ не горячился и
не кричалъ: «да скоро ли мы будемъ
драться? да когда же мы станемъ ли-
цемъ къ лицу съ непріятелемъ?» А та-
кихъ крикуновъ было много, разумѣет-
ся, между молодежи. Одни дѣйстви-
тельно ожидали этого съ нетерпѣніемъ, а
другіе горячились ради молодечества
и хвастовства; изъ числа послѣднихъ
больше всѣхъ гарцовалъ поручикъ
Фурсиковъ, шалунъ, повѣса и страш-

ной забіяка; рѣдко проходилъ день, чтобъ онъ не заводилъ съ кѣмънибудь ссоры и не придирался бы къ комунибудь изъ товарищей, изъ которыхъ одинъ только поручикъ Костоломовъ, лихой офицеръ, гуляка, весельчакъ, но истинно добрый малый, — никогда ему не поддавался; многіе уступали Фурсикову потому, что онъ былъ человѣкъ богатый и сорилъ деньгами, а другіе, люди смиренные, не хотѣли съ нимъ связываться, какъ съ отъявленнымъ головорѣзомъ; самъ майоръ смотрѣлъ сквозь пальцы на буйное поведеніе этого Фурсикова, потому что онъ былъ роднымъ племянникомъ полковому командиру, который прибылъ къ полку наканунѣ сраженія подъ Кросеномъ.

За нѣсколько часовъ до дѣла, сошлись поболтать межъ собою человѣкъ пять офицеровъ; въ числѣ ихъ былъ и поручикъ Фурсиковъ. « Ну что, гос-
 Ч. I. 3

пода?» — сказалъ онъ, хлебнувъ водки изъ своей походной Фляги, съ которой онъ никогда не разставался. — «Сегодня, кажется, на нашей улицѣ праздникъ. Ужъ то-то мы потышимся надъ этими нѣмцами!»

— «Давай ихъ сюда!» — закричали офицеры. — «Мы ихъ порядкомъ обрабатываемъ!»

— «Дай Богъ!» — сказалъ Мирошевъ; — «а говорятъ, эти прусаки славно дерутся.»

— «Да!» — подхватилъ Фурсиковъ; — «такъ говорятъ всѣ трусы.»

— «Нѣтъ, я слышалъ это отъ нашего маіора, а кажется онъ не трусъ.»

— «Не трусъ, а всего боится. Вотъ и ты, Мирошевъ, чай, поставилъ бы рублевою свѣчу, чтобъ тебя завтра Богъ помиловалъ.»

— «За это можно и двухрублевою поставить.»

— « То-то же! Да не хочешь ли, я попрошу дядюшку, чтобъ онъ тебя въ обозъ отправилъ? »

— « Прикажутъ, такъ поѣду, а проситься не стану. »

— « Какъ, Мирошевъ! Такъ ты въ самомъ дѣлѣ согласился бы остаться при обозѣ »

— « А чтожь такос? Вѣдь надобно же кому нибудь и при обозѣ быть. »

— « Ну, Кузма Петровичъ! » — вскричалъ Фурсиковъ, ударивъ его по плечу, — « долгольтенъ ты будешь на земли! »

— « А вотъ узнаемъ сегодня, кто кого переживетъ, » — сказалъ Мирошевъ весьма спокойно.

— « Хотите ли, господа? » — перервалъ Фурсиковъ: — « я быюсь объ закладъ, что дядюшку Мирошева сегодня пуля не зацѣпитъ. »

— « Почему ты это думаешь? » — спросилъ одинъ изъ офицеровъ.

— « Да такъ! Онъ человекъ осторожный, а береженаго и Богъ бережетъ. »

— « Полно, братецъ! » — сказалъ Кузма Петровичъ: — « отъ пули не спрячешься. »

Ударили сборъ; войска стали строиться, и офицеры разошлись по своимъ мѣстамъ.

Сраженіе было упорное. Къ вечеру побѣда склонилась на нашу сторону, и непріятель, сбитый съ поля, началъ поспѣшно отступать по Франкфуртской дорогѣ. Чтобъ пріостановить натискъ нашего передоваго войска, которое сильно напирало на непріятельскій арьергардъ, Прусаки разбросали по высотамъ нѣсколько орудій, и подъ ихъ прикрытіемъ пустили въ атаку на нашу передовую цѣпь полкъ чѣрныхъ гусаръ; они промчались до второй

линіи, смяли баталіонъ пѣхоты и изрубилы сотни двѣ казаковъ. Драгунской полкъ, въ которомъ служилъ Мирошевъ, не былъ еще въ дѣлѣ; тутъ онъ получилъ приказаніе ударить во флангъ чѣрнымъ гусарамъ. Драгуны перекрестились, пошли съ мѣста на рысяхъ и, не доѣхавъ шаговъ сто до непріятеля, кинулись въ атаку. Въ эту самую минуту показалось Мирошеву, что поручикъ Фурсиковъ, который ѣхалъ съ нимъ почти рядомъ, осадилъ свою лошадь. Кузма Петровичъ не обратилъ на это никакого вниманія: ему было не до того; въ первый разъ еще въ жизни онъ сталъ лицомъ къ лицу съ непріателемъ; въ душѣ его вспыхнулъ богатырскій духъ истаго Русскаго и закипѣла въ жилахъ кровь молодецкая. Этотъ кроткій юноша, который умѣлъ сносить обиды своихъ товарищей, а самъ не обижалъ никого, превратился

въ настоящаго льва. «Ай да молодець!» кричали вокругъ его усачи-драгуны; «маль, да удалъ!» — И подлинно, Куз-ма Петровичъ дѣлалъ чудеса храбро-сти. Когда сабля его коснулась сабли вражеской, онъ не взвидѣлъ свѣта Божьяго, первый врѣзался въ толпу не-пріятелей, и очнулся только тогда, ко-гда драгуны, сломивъ чѣрныхъ гусаръ, промчались по ихъ трупамъ и вскака-ли на ближайшую непріятельскую ба-тарею, съ которой успѣли однакожь сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ карте-чью. Если вы, любезный читатель, бывали когда нибудь въ дѣлѣ, такъ знаете, что такое направленные въ тол-пу картечные выстрѣлы. Все легло во-кругъ Мирошева, болѣе десяти офице-ровъ выбыло изъ полку, а онъ какимъ-то чудомъ остался живъ и невредимъ. Полковный командиръ, который былъ слегка только раненъ, отправилъ Куз-

му Петровича съ донесеніемъ къ авангардному начальнику. Возвращаясь назадъ къ полку, Мирошевъ взялъ нѣсколько на право отъ того мѣста, гдѣ происходила кавалерійская схватка. Прѣзжая небольшимъ лѣскомъ, шагахъ въ двухъ стахъ отъ мѣста сраженія, онъ повстрѣчался съ Фурсиковымъ, который, увидавъ его, принялся шпорить и ругать немилосердо свою лошадь.

— «Ба, ба, ба! Степанъ Ивановичъ!» — вскричалъ Мирошевъ. — «Ты какъ сюда попалъ?»

— «А вотъ по милости этого чорта!» — отвѣчалъ Фурсиковъ, продолжая тиранить свою лошадь. — «Проклятый одерь!... Вотъ я тебя, бестія!»

— «Да въ чемъ она провинилась?»

— «Какъ въ чемъ?.. Ахъ ты скверная, мерзкая кляча!... Да ужъ я же тебя вышколю!»

— « Эхъ, перестань, братецъ! Мнѣ, право, жаль на нее смотреть. »

— « Издохни она, проклятая! Представь себѣ, Мирошевъ; въ ту самую минуту, какъ мы пошли въ атаку, эта упрямая скотина закусилла удила и понесла меня... »

— « Впередъ? »

— « Вотъ то-то и бѣда, что нѣтъ, братецъ. »

— « Что ты говоришь? Да какъ же это она могла занести тебя не впередъ, а назадъ? »

— « Я и самъ не знаю; видно на всемъ скаку повернула. »

— « Видно что такъ. »

— « Ужъ я ее и туда и сюда — нѣтъ, сударь, хоть зарѣжь!... Шельма этакая! »

— « Полно, Фурсиковъ! Посмотри, у ней всѣ бока въ крови! Да чтожь ты

теперь здѣсь дѣлаешь? Нашъ полкъ впереди, на непріятельской батарее.»

— «Такъ вы взяли батарею?»

— «Шесть пушекъ.»

— «А меня тамъ не было!... Ахъ ты скверная!... ахъ ты разбойница!...»

Тутъ Фурсиковъ далъ такія жестокія шпоры своей несчастной лошади, что она въ самомъ дѣлѣ закусилла удила и понесла его между деревьями; Мирошевъ выскакалъ вмѣстѣ съ нимъ изъ лѣсу. Въ эту самую минуту тяжело раненый Прусскій гренадеръ, вѣроятно желая передъ смертью убить хоть одного Русскаго, приподнялся изъ-за куста и выстрѣлилъ въ Фурсикова; онъ вскрикнулъ. «Что ты, братецъ?» спросилъ Кузма Петровичъ.

— «Я раненъ!» отвѣчалъ дрожащимъ голосомъ Фурсиковъ; — «и, кажется, очень тяжело!»

— «Постой-ка.... И — нѣтъ! тебѣ только оцарапало плечо.»

— «Не можетъ быть: я чувствую, вся рука у меня горитъ.»

— «Ну да! обожгло немножко. Вотъ видишь, Степанъ Ивановичъ,» — прибавилъ Мирошевъ, — «не говорилъ ли я тебѣ, что отъ пули не спрячешься?»

Увѣряю васъ, что добрый Кузма Петровичъ сказалъ это спроста, безъ всякаго злаго намѣренія; но Фурсиковъ судилъ о другихъ по себѣ самомъ: онъ вспыхнулъ, не отвѣчалъ ни слова, и съ этой минуты сдѣлался заклятымъ врагомъ Мирошева.

Недѣли черезъ двѣ Кузма Петровичъ прочелъ въ приказѣ, что его полковой командиръ изъ полковниковъ производится въ бригадиры, оставаясь по прежнему командиромъ полка, который подъ его начальствомъ отличился въ кросенскомъ дѣлѣ; что всѣмъ офиц-

рамъ, а въ томъ числѣ и Кузмъ Петровичу Мирошеву, объявляется благодарность главнокомандующаго, и что изъ числа раненыхъ на полѣ сраженія, поручикъ Фурсиковъ, за оказанную имъ примѣрную неустрашимость, во время кавалерійской атаки, производится въ слѣдующій чинъ. Чтожъ, вы думаете, Мирошевъ разсердился? Нѣтъ! онъ покачалъ головою, улыбнулся и пожалѣлъ только о томъ, что вмѣсто его капитана, убитаго на непріятельской батарее, назначенъ эскадроннымъ командиромъ Фурсиковъ. Кузмъ Петровичу грустно было подумать, что онъ не можетъ уважать своего начальника. Вскорѣ за этимъ наши войска соединились съ австрійскими, и одержана была знаменитая побѣда близъ Кунерсдорфа надъ прусскими войсками, которыя дрались подъ личнымъ начальствомъ своего короля, Фридерика Ве-

ликаго. Сраженіе было кровопролитное: тридцать двѣ тысячи воиновъ легло съ обѣихъ сторонъ; Русскіе взяли въ плѣнъ семь тысячъ человекъ, отбили двадцать семь знаменъ, сто шестьдесятъ орудій и захватили почти весь обозъ. За это сраженіе опять произвели Фурсикова; но и Мирошеву, который въ самомъ пылу сраженія взялъ непріятельское знамя, дали слѣдующій чинъ. Этимъ дѣломъ кончилась кампанія 1759 года. Въ слѣдующемъ году, русской генераль Тотлебенъ, вмѣстѣ съ Австрійцами, овладѣлъ Берлиномъ. Положеніе прускаго короля становилось часъ отъ часу хуже. Австрія и Франція уступали Россіи на вѣчныя времена всю восточную Пруссію, съ однимъ только условіемъ, чтобъ Россія не прекращала войны съ Фридрикомъ. Столица курфирстровъ бранденбургскихъ, древній Кенигсбергъ, былъ

причисленъ къ городамъ русской имперіи, и въ немъ даже начали бить монету и печатать газеты съ изображеніемъ русскаго двухглаваго орла. * Вдругъ все перемѣнилось: Императрица Елисавета Петровна скончалась; преемникъ ее, Петръ третій, страстный почитатель Фридерика Великаго, объявилъ себя его союзникомъ и положилъ конецъ этой кровопролитной войнѣ, извѣстной въ исторіи подъ названіемъ: «Семилѣтней». Къ концу кампаніи Фурсиковъ былъ уже маіоромъ; а Миросшевъ оставался все поручикомъ; но

* Есть очень любопытный нѣмецкій романъ тогдашняго времени, подъ названіемъ: «Путешествіе Софіи». дѣйствіе происходитъ въ Кенигсбергѣ. Читая эту книгу, можно подумать, что она переведена съ русскаго: въ ней всѣ чиновники служатъ въ нашей службѣ, говорятъ о Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ какъ о законной своей Государынѣ, и считаютъ деньги не талерами, а рублями.

такъ какъ въ полку не было на лице и половины офицеровъ, то онъ командовалъ эскадрономъ. Когда наши войска, очистивъ занятые ими прусскія провинціи, возвратились въ свое отечество, драгунскій полкъ, въ которомъ служилъ Мирошевъ, отправленъ былъ во внутренность Россіи; ему предписано было занять квартиры по рѣкѣ Хопру, въ уездѣ города Борисоглыбска. По случаю безсрочнаго отпуска полковаго командира, командовалъ полкомъ маіоръ Фурсиковъ. Вы можете себѣ представить, каково было служить бѣдному Мирошеву. Онъ одинъ во всемъ полку могъ сказать утвердительно, что Фурсиковъ, какъ подлый трусъ, бѣжалъ съ поля сраженія—всѣ прочіе офицеры полагали, что онъ былъ раненъ во время атаки. Хотя Фурсиковъ зналъ, что Кузма Петровичъ ни кому объ этомъ не говорилъ, но онъ

могъ рано или поздно высказать всю правду и осрамить его передъ офицерами всего полка. Эта мысль приводила его въ бѣшенство. Другой на мѣсть Фурсикова постарался бы привязать къ себѣ Мирошева и заставить его, хотя изъ благодарности, быть скромнымъ; но обиженная гордость и слѣпая злоба не разсуждаютъ; эти двѣ родныя сестрицы умѣютъ только мстить. Добрый Кузма Петровичъ не могъ никакъ понять, за что нападаетъ на него маіоръ, который былъ некогда его товарищемъ и съ которымъ онъ никогда не ссорился. Надобно было видѣть, какъ Фурсиковъ придирался ко всему, когда осматривалъ его эскадронъ; какъ онъ радовался, когда могъ отыскать какую нибудь не хорошо вычищенную пуговицу или плохо застегнутый крючокъ; на ученьи Мирошевъ всегда командовалъ не впору,

драгуны не знали своего дѣла; однимъ словомъ, Кузмъ Петровичу житья не было. Два мѣсяца выносилъ онъ съ христіанскимъ смиреніемъ это непрерывное гоненіе. Наконецъ терпѣніе его истоцилось: онъ рѣшился оставить службу и ѣхать въ Москву, гдѣ надѣялся, при помощи знакомыхъ покойнаго отца своего, найти какое-нибудь мѣстечко и продолжать службу по гражданской части. Онъ подалъ просьбу и его отставили отъ службы тѣмъ же чиномъ, то есть поручикомъ.

Получивъ указъ объ отставкѣ, Мирошевъ продалъ своего боеваго коня, купилъ телѣгу, пару добрыхъ крестьянскихъ лошадей и распрощался съ своими сослуживцами. Больше всѣхъ жалѣлъ о немъ поручикъ Костоломовъ, который, не смотря на свой разгульный нравъ, любилъ и уважалъ Мирошева какъ старшаго брата. Прохоръ Кондратьичъ,

уложивъ въ небольшой чемоданъ все добро своего барина, набилъ парусинную кису собственнымъ своимъ имуществомъ, положилъ туда же коровой хлѣба, три десятка печеныхъ яицъ и спряталъ за пазуху кожаную мошну, въ которой было рубли полтора мѣдными грошами. И вотъ въ одинъ прекрасный майскій день, часу въ четвертомъ послѣ обѣда, Кузма Петровичъ, съ пятыю цѣлковыми въ карманъ и съ надеждою на Господа Бога, который никогда не покидаетъ сиротъ, выѣхалъ изъ Борисоглѣбска по дорогѣ, ведущей къ Новохоперской крѣпости.

ГЛАВА V.

Сельцо Хопровка. Первая любовь.

Кузма Петровичъ, закутанный въ шинель, лежалъ задумавшись въ телѣгѣ; Кондратьичъ сидѣлъ на передкѣ, подергивалъ возжами, посвистывалъ, мурныкалъ про себя пѣсенку, а лошади плелись нога за ногу по гладкой дорогѣ, которая тянулась вдоль крутаго берега Хопра. «Да поѣзжай, Прохоръ,

скорбе!» — сказалъ Мирошевъ. — «Вотъ мы ужъ часа четыре ѣдемъ, а, чай, и пятнадцати верстъ не отъѣхали.»

— «Тише ѣдешь, дальше будешь, Кузнецъ Петровичъ.»

— «Да ты ступай хоть маленькой рысцею.»

— «Рысцею!... Эхъ, сударь! вѣдь до Москвы не близко. Шагомъ-то полѣзъта объѣдешь, а ступай-ка рысью, такъ на двадцати верстахъ лошадокъ поморишь. Да что въ Москвѣ-то, батюшка, есть чтоль у васъ мѣстечко на примѣть?»

— «Я надѣюсь, что пріятели покойнаго моего батюшки за меня похлопочуть».

— «Пріятели!» — повторилъ Прохоръ Кондратьичъ, покачивая головою. — «Знаемъ мы этихъ пріятелей!»

— «Да по чемужъ ты думаешь, Прохоръ, что никто изъ нихъ не вспом-

нить хлѣбъ-соль покойнаго моего батюшки?»

— «Память-то стада у людей коротка, Кузма Петровичъ. Дѣло бывалое, и у меня важивались пріатели. Однажды—это было еще въ деревнѣ—продаль я жеребенка; скопилось-таки у меня денжонокъ довольно. Вотъ, думаю: «по милости господской я сытъ, одѣтъ, обутъ, клѣтъ у меня важная; полдесятины подъ коноплянникомъ, осьминникъ подъ огородомъ; на что мнѣ деньги? Дай сварю себѣ бражки!» Купилъ солоду, хмѣлю, сварилъ;—брага вышла знатная! Кажись, я кличь не кликалъ, а пріателей-то у меня развелось видимо-невидимо! Вся дворня, да почитай полдеревни—и садовникъ Кудимычъ, и староста Терентій, и Герасимъ овчинникъ, и кузнецъ Трифонъ,—такіе друзья, что и сказать не лъзя!

ж) Тотъ зайдеть, посмакуеть моею браф-

ки, другой.... А посуловъ-то, посуловъ! Господи Боже мой!... Одинъ говоритъ: «Слушай, Прохоръ Кондратьичъ, коли въ чемъ ни есть нужда будетъ, прямо ко мнѣ.» Другой тятнетъ ковшикъ браги, да и начнетъ: «Что тебѣ, любезный, надо? Соломки ли, сѣнца ли? ни за что не постоемъ!»—И пригожь-то я и хорошъ.—Да! вѣстимо: за свой грошъ будешь хорошъ! Пуще всѣхъ хвалился Герасимъ овчинникъ. Бывало, подсядетъ къ яндовъ, расправитъ усы, да и примется говорить: «Пожалуй-ста, куманекъ, послушайся мменя, не покунай ты себѣ тулупа на базарь: ужъ я те, милому дружку, такой полушубокъ слажу, что на, поди!» — Вотъ я себѣ и думаю: «правду говорятъ: кинь хлѣбъ-соль на задъ, будетъ впереди.» Да, какъ бы не такъ! Покамѣсть брага у меня велась, все было ладно; а какъ съѣхалъ опять на ква-

сокъ, такъ пріятелей какъ ни бывало. Понадобилось мнѣ охапки двѣ сѣнца; я челомъ Трифону — куда, и глядѣть не хочетъ! Самому-дескать надо! — Пришла зима, вотъ я зашелъ къ Герасиму и говорю: «что жъ, братъ, полубокъ-то? — «Какой?» — Въстимо какой: ты еще мнѣ лѣтомъ сулилъ. — «А деньги принесъ?» — Пообожди немного, объ Рождествѣ заплачу. — «Вотъ еще съ чѣмъ подѣхалъ! Добро, добро, отваливай!» — Такъ пожалуй-ста, любезный, хоть старый-то тулупъ почини. — «Самъ вычинишь!» — Эхъ, братъ, Герасимъ, не хорошо! — «Что не хорошо? Что я брагу-то твою пилъ? Эко диво! Вотъ на праздникахъ приходи, я и своей поднесу.» — Что будешь дѣлать, сударь? Ругнулъ его порядкомъ, да и пошелъ прочь. Вотъ они, Кузма Петровичъ, пріятели каковы! Чай и господа-то все то же. У вашего покойнаго батюш-

ки—дай Богъ ему царство небесное!— много было пріятелей; они у него каждый день пили, ѣли, прохлаждались; а какъ онъ изволилъ скончаться, такъ врядъ ли по немъ кто нибудь и панихиду отслужилъ.»

— « Пѣтъ, Прохоръ, не можетъ статья, чтобъ изъ всѣхъ его знакомыхъ не было ни одного истиннаго пріятеля »

— « Конечно, сударь, можетъ быть и есть,—не безъ добрыхъ людей; а все, батюшка, то ли дѣло, если бъ вы сами были помѣщикомъ, если бъ у васъ была отчина, душъ тысячу, или двѣ ... »

— « И, Прохоръ! на что мнѣ?... Двѣ тысячи душъ! Да я не зналъ бы куда съ ними и дѣваться. Былъ бы только пріютъ, небольшая деревенька, при рѣчкѣ, на видномъ мѣстѣ.... Ну вотъ этакая, видишь, на лѣво-то? »

— « Вижу, сударь. »

— «Что если бь у меня было такое помѣстье! Посмотри, какъ хорошо разбросаны эти избы по берегу Хопра!... Какой у нихъ веселый видь!... Ну точно нарисованныя!»

— «Да! деревушка хоть куда; не великонька, а стоитъ на привольномъ мѣстѣ.... Ахъ, батюшки! смотрите-ка, сударь, на задахъ-то словно другая деревня изъ адоньевъ!... Ну, видно землицы у нихъ вдоволь!...»

— «Прохорь! вѣдь это, кажется, господской домъ?»

— «Да, сударь!... И домъ и службы; вонъ барское гумно.... амбары... скотный дворъ — знатная усадьба!..»

— «Видишь, передъ домомъ какой прекрасный лугъ до самаго Хопра?»

— «Вижу, сударь. И лугъ-то, кажется, поёмный. То-то сѣнцо-то, я думаю, знатное!»

— « А позади дома.... посмотри —
въ гору идетъ какая славная роща! »

— « Да, Кузма Петровичъ, кажется,
лѣсъ строевой »

— « Погляди-ка, Прохоръ, что это
на самомъ верху горы — часовня
чтоль? »

— « Часовня, сударь. »

— « Какой оттуда долженъ быть
прекрасный видъ! »

— « Да, батюшка, мѣсто дальновид-
ное. »

— « Послушай, Прохоръ, остановим-
ся кормить въ этой деревнѣ. »

— « Не раненько ли, сударь, бу-
детъ? Мы еще сего-дня и двадцати
верстъ не отъѣхали. »

— « Что за бѣда! »

— « Оно, конечно, на первыхъ-то
парахъ не худо лошадокъ побережь.... »

— «Вотъ то-то и есть! — Ступай, Прохоръ, — вонъ, кажется, на лѣво и поворотъ.»

Наши путешественники съѣхали съ большой дороги на проселочную, и черезъ нѣсколько минутъ, почти у самой околицы, обогнали крѣстьянскую бабу, которая шла съ поля.

— «Эй, молодица!» — закричалъ Кондратьичъ; — «какъ зовутъ эту деревню-то?»

— «Хопровкой, господинъ честной!» — отвѣчала крѣстьянка съ низкимъ поклономъ.

— «Что, у васъ стоять пускаютъ?»

— «Какъ же, батюшка: и Федоръ Безпалой пускаетъ, и староста Парфёнъ, — вонъ крайняя-то изба съ краснымъ окномъ.»

— «Спасибо, тётка!»

— «Не на чемъ, кормилецъ!»

Староста Парфёнъ, мужикъ дюжій, съ окладистой русой бородою, встрѣтилъ проѣзжихъ у воротъ своей избы.

— «Что, хозяинь,»—спросилъ Кондратьичъ, — «есть у тебя овесъ и сѣно?»

— «Есть, батюшка.»

— «А насъ покормить есть чѣмъ?»

— «Милости просимъ! Щи добрыя, баранина, каша съ масломъ; а коли милости вашей въ угоду, такъ и курочку зарѣжемъ.»

— «Не надо, — сказалъ Мирошевъ, выпрыгнувъ изъ телѣги. — «Мнѣ что-то вовсе ѣсть не хочется; а ты, Прохоръ, ужинай.»

— «Развѣ вы кушать не станете?»—спросилъ Кондратьичъ.

— «Послѣ. Теперь пойду, погуляю.»

Кузма Петровичъ не успѣлъ отойти и двадцати шаговъ отъ избы, какъ съ нимъ повстрѣчался съдой старикъ лѣтъ шестидесяти, въ старомъ, истасканомъ сюртукѣ съ большими мѣдными пуговицами; онъ снялъ свой кожаный картузь и поклонился очень вѣжливо Мирошеву.

— «Ты, вѣрно, дворовый челоуѣкъ, любезный?» — спросилъ Кузма Петровичъ.

— «Дворовый, батюшка.»

— «Можно погулять по этой рошѣ, что позади господскаго дома?»

— «Не только въ рошѣ, да и по саду извольте гулять сколько вамъ угодно.»

— «Такъ видно господа ваши здѣсь не живутъ?»

— «Да у насъ теперь никакихъ господъ нѣтъ, сударь.»

— «Какъ такъ?»

— «Вотъ ужъ пять мѣсяцевъ, какъ мы осиротѣли: скончалась наша барышня-кормилица, — дай Богъ ей царство небесное!»

— «Такъ можно и домъ посмотреть?»

— «Можно, сударь. Спросите ключницу Федосью, она вамъ покажетъ.»

Мирошевъ отправился далѣе, а старикъ пошелъ мимо избы, подлѣ которой староста Парфѣнъ толковалъ о чемъ-то съ Прохоромъ; межъ тѣмъ Кузма Петровичъ подошелъ къ барской усадьбѣ. Подлѣ отпертой калитки сидѣла на скамьѣ пожилая женщина въ мухояровой кофтѣ и черныхъ котахъ, надѣтыхъ на босую ногу; на поясѣ у нее висѣла связка ключей.

— «Не ты ли, любезная, ключница Федосья?» — спросилъ Мирошевъ.

— «Я, кормилецъ. Что тебѣ надо?»

— «Можно погулять по саду?»

— «Можно, баринъ.»

— «А посмотрѣть господской домъ?»

— «Пожалуй.»

Ключница Федосья встала, и Кузма Петровичъ вошелъ въ слѣдъ за нею на обширный дворъ, поросшій густой крапивою и репейникомъ «Вотъ тутъ покойница, бывало, часто изволила чай кушать,» — сказала Федосья, указывая на вѣтвистую черемуху, которая раскинулась зеленымъ шатромъ посреди двора. — «Родная ты наша! бывало, по милости своей, и мнѣ чашечку чайку пожалуетъ. Не стало ее, нашей матушки!»

Кузмѣ Петровичу очень полюбилось расположеніе и убранство дома: въ немъ было семь просторныхъ и свѣтлыхъ комнатъ. Въ нихъ стѣны были голыя— это правда, мебель обита простымъ трапезомъ, не было въ простѣнкахъ

зеркалъ и большая часть печей была съ лежанками; но все было въ такомъ порядкѣ, все имѣло такой чистый и опрятный видъ, какъ будто бы хозяйка дома была на лицо. Ключница Федосья, проведя Мирошева черезъ приемныя комнаты и дѣвичью въ широкой корридоръ, который раздѣлялъ надвое весь домъ, остановилась у запертыхъ дверей. «Здѣсь, баринъ,» — сказала она, — «образная комната покойницы. Вотъ ужъ тутъ есть что посмотреть! Ей достались еще отъ бабушки такія богатые иконы, что и Господи!... Да чтожъ это я, ключа-то не найду?... Ахти, батюшки! да я никакъ оставила его у себя на столѣ!... Побожди, кормилецъ; я сейчасъ за нимъ сбѣгаю.» — Федосья ушла, а Кузма Петровичъ, замѣтивъ на противоположномъ концѣ корридора еще другія, до половины растворенныя двери, подошелъ

къ нимъ потихоньку, заглянуль и остановился неподвижно на одномъ мѣстѣ. Прошла минута, двѣ, три, а онъ все стоялъ какъ вкопанный. Что жъ такое приковало его къ порогу этой комнаты? Въ ней не было ничего особеннаго: нѣсколько креселъ, работный столъ, небольшой шкафъ съ книгами, и больше ничего; правда, у стола съ книгою въ рукъ сидѣла дѣвушка лѣтъ семнадцати.... Такъ чтожъ? Развѣ Кузма Петровичъ въ жизнь свою не видывалъ молодыхъ дѣвушекъ? О, конечно! онъ много пересмотрѣлъ хорошенькихъ личекъ и въ Россіи, и въ Германіи, и въ Польшѣ; но такого миловиднаго лица, такой неизъяснимо-пленительной фizioноміи онъ никогда не видывалъ. Эта дѣвушка была въ простомъ ситцевомъ платьѣ, длинная русая коса ея висѣла ниже пояса, а на плечи накинута была алая шелковая

платочекъ; румянецъ здоровья и молодости игралъ на бѣло-снѣжныхъ щекахъ ея; глаза ея, устремленные въ книгу, были совершенно закрыты длинными рѣсницами; но Мирошевъ побился бы объ закладъ, что эти глаза прекраснѣе всѣхъ женскихъ глазъ, которыми онъ любовался въ Россіи, Польшѣ и Германіи. Вотъ дѣвушка перестала читать, облокотилась, опустила на руку свою голову и задумалась. На кроткомъ лицѣ ея изображалась спокойная, но глубокая горестъ; вдругъ слезы заблестали на густыхъ ея рѣсницахъ — у Мирошева сердце облилось кровію. «Боже мой!» — подумалъ онъ, — «и это небесное созданіе, этотъ ангель несчастливъ!» — «Сей часъ, баринъ!» — раздался голосъ въ передней; — «иду, иду!» — Кузма Петровичъ отскочилъ отъ дверей. «Эка память-то у меня!» — шептала ключница Федосья,

идя на встрѣчу къ Мирошеву; — а ужъ я искала, искала: этотъ — прости Господи — проклятый ключъ! и на столъ и подъ лавкою — сгибъ да пропалъ! Насилу-то вспомнила, что сама положила его въ ларецъ. Пожалуй, батюшка!» продолжала Феодосья, отворяя двери образной. Они вошли въ небольшую комнату. Одиный уголь ея былъ занятъ широкимъ кивотомъ, наполненнымъ образами; передъ ними висѣла стеклянная лампада. Молча помолились они оба святымъ иконамъ; потомъ Феодосья начала ихъ показывать Мирошеву. «Вотъ, батюшка,» — говорила она, — «Иверская Божія Матерь: на ней всѣ ризы изъ жемчуга; а вотъ Спасъ Нерукотворенный: говорятъ, вѣнецъ-то на немъ изъ дорогихъ каменьевъ; а это икона Печерскихъ Чудотворцевъ, Антонія и Феодосія. Ее привезла покойница изъ Кіева, куда она изволила

ѣздить на богомолье, тому лѣтъ двѣнадцатъ назадъ.»

Пересмотрѣвъ поодиначкѣ почти всѣ иконы и помолясь опять передъ кивотомъ, они вышли изъ образной. Проходя корридоромъ мимо сосѣднихъ дверей, Кузма Петровичъ заглянулъ въ комнату: въ ней никого уже не было.

— «Что, любезная,» — спросилъ Мирошевъ, когда они вышли на крыльцо, — «теперь въ этомъ домѣ никто не живетъ?»

— «Никто, батюшка.»

— «Какъ же мнѣ показалось въ одной комнатѣ.. въ корридорѣ....»

— «А что тебѣ, баринъ, показалось?»

Кузма Петровичъ вспыхнулъ.

— «Развѣ тамъ кто былъ?» — продолжала Федосья.

— «Да.... мнѣ показалось.... я такъ, нечаянно заглянулъ въ эту комнату....»

въ ней какъ будто кто-то сидѣлъ....
кажется, дѣвушка....»

— «А! это вѣрно Марья Дмитріевна.»

— «А кто она такая?»

— «Сирота, батюшка, офицерская дочка. Вотъ изволишь видѣть: годовъ десять тому назадъ остановился проѣздомъ въ нашей деревнѣ одинъ служивой, какой-то отставной офицеръ; съ нимъ была дочка лѣтъ шести,—вотъ эта самая, что ты, баринъ, видѣлъ. Батюшка ея пробирался въ Москву, чтобъ пристроить себя къ мѣстечку; да видно ему на роду было написано не выѣзжать изъ нашей деревни: схватила его какая-то немощь, отнялись руки и ноги; началъ онъ, сердечный, хилѣть да хилѣть, да недѣли черезъ три Богу душу и отдалъ. Покойная наша барышня была человекъ милостивый: она проѣзжаго во время болѣз-

ни не покидала; а какъ онъ умеръ, взяла сироту къ себѣ въ домъ, взростила ее, вскормила и хотѣла ей, какъ родной дочери, укрѣпить все свое имѣнье. Я сама это не разъ слышала отъ покойной барышни; да видно Господу Богу не угодно было, чтобъ наша деревня досталась этой сиротинкѣ. Покойница сбиралась да сбиралась, — все хотѣла сама за этимъ въ Саратовъ ѣхать, а незваная-то гостыя и шастъ на дворъ!.. Вотъ этакъ какъ нынче бы занемогла, а завтра поутру и не стало ее, нашей кормилицы!»

— «Такъ эта бѣдная сирота осталась безъ куска хлѣба?»

— «Кусокъ-то хлѣба найдемъ, батюшка. Покаместъ я жива и живъ Лаврентій Сидорычъ и его сожительница, такъ она съ голоду не умретъ: послѣднія крохи пополамъ съ нею раздѣлимъ.»

— « А кто этот Лаврентій Сидорычъ? »

— « Онъ былъ при покойницѣ управителемъ.... Да ты, баринъ, какъ шёлъ сюда, такъ съ нимъ повстрѣчался. »

— « Такъ вы очень любите эту сироту? »

— « Какъ же, батюшка! Вѣдь Марья Дмитріевна не человекъ, а ангелъ во плоти. Вотъ прошлаго года Лаврентій Сидорычъ былъ при смерти болѣнь, а жена-то его на ту пору была въ Саратовѣ: ѣздила съ родными пови-
даться — кто за нимъ ходилъ? Марья Дмитріевна! Кто просиживалъ подле его постели цѣлыя ночи? Марья Дмитріевна! Бывало начну говорить: « барышня! ступай почивать; вѣдь ты этакъ себя совсѣмъ уходишь; поди, матушка, поди! я посижу! » — А она и слышитъ не хочетъ. « Ты-дескать, Федосьюшка, человекъ старій,

тебѣ покой надобенъ, а я и днемъ высплюсь.» — Да что — Лаврентій! Кто въ деревнѣ не занеможеть, или какое горе кому пошлетъ Господь—Марья Дмитріевна тутъ какъ тутъ!... А ужъ умна-то какъ!... Грамотница какая! — Вотъ когда, бывало, мы всѣмъ домою говѣемъ, она изволить читать намъ и утреннія и вечернія молитвы — да еще какъ! Лучше всякаго дьячка, батюшка! Вотъ съ годъ тому назадъ и меня отчитывала, окаянную грѣшницу!»

— «Какъ отчитывала?»

— «Да, кормилецъ! Умерла у меня дочка лѣтъ двадцати пяти, — одна только и была, какъ порохъ въ глазу; вся была и лицомъ и обычаемъ въ покойнаго мужа: такая же смиренная и богомольная, и такъ же, какъ онъ, умерла сухоткою. Вотъ я, батюшка, съ горя-то совсѣмъ обезумѣла; плачу съ утра до вечера, какъ рѣка льюся и

мѣсяць, и два, и три; да это еще ничего: пришелъ на меня такой грѣхъ, что страшно вымолвить, батюшка! Ну, вотъ шепчетъ мнѣ кто-то на ухо: «что, дура, молилась, много вымолила?» Вѣришь ли, баринъ, церковь Божья опостылѣла; только и думаю, какъ бы самой на себя руки наложить. Ужъ меня увѣщавали, увѣщавали, и покойная барышня и отецъ духовный—все ничего! Сижу цѣлый день въ уголку, разливаюсь горькими слезами, да на Господа Бога жалуясь. Вотъ Марья Дмитріевна начала ко мнѣ по вечерамъ приходить, да читать отъ божественнаго и житія Святыхъ, и Апостолъ; и всякія другія разныя книги. Этакъ недѣльки черезъ двѣ, со мною стало какъ будто бы полегче: лукавый унялся шептать мнѣ на ухо, а тоска все мѣня не покидала; вотъ такъ лиходѣйка сердце у меня и со-

сеть; да вдругъ—что ты думаешь, батюшка?—какъ рукой сняло!»

— «Какъ же это?»

— «А вотъ какъ. Вижу я во снѣ, что я какъ будто бы въ какой-то степи: ни деревца, ни травки — все голо; и куда не поглядишь, этой степи и конца нѣтъ; а небо-то—ну такъ бы и не смотрѣла! такое темное, туча на тучѣ; только вдали передо мною чуть, чуть какъ будто бы заря занимается. Я туда—иду, иду—а заря все больше, да больше! Вотъ я какъ будто бы на какую-то горку взошла; глядь внизъ — Господи Боже мой!... что за рай небесный такой: и лѣсочки, и ручейки, и зеленыя поляны; а цвѣты-то какіе, цвѣты!... А небо свѣтлое какъ солнце, и отъ него такъ и пахнетъ Божьей благодатью и прохладою. Вотъ я вижу, ко мнѣ кто-то идетъ—ближе, ближе... Ахти! моя Дуняша!... Она протя-

нула ко мнѣ руки, я бросилась къ ней,— да вдругъ, гляжу, между нами рѣка; вода такая чѣрная, мутная, и кипитъ какъ въ котлѣ. Я хочу кинуться въ рѣку—да нѣтъ! что-то не пускаетъ. Вотъ дочка моя на томъ берегу и заговорила: «Матушка! вѣдь эта рѣка твои слезы. Полно тебѣ роптать и гнѣвить Бога; перестань обо мнѣ плакать: дай этой рѣкѣ пересохнуть, а не то она будетъ становиться все шире, да шире, и мы вѣкъ съ тобой не сойдемся.»—Тутъ вдругъ все потемнѣло; я стала просышаться, и въ просонкахъ точно слышала, что кто-то меня поцаловалъ и шепнулъ на ухо: «прощай, матушка! увидимся!»—Вотъ какъ я совсѣмъ очнулась,—ну, бабушка! откуда слезы взялись, да только ужъ не такія, какъ прежде: тѣ мнѣ сердце такъ и жгли, а отъ этихъ ему становилось все легче, да легче. Видно

отъ того, что я ужъ грустила не по дочери, а плакала о грѣхъ моемъ. Ахти!»—продолжала Федосья—«да ужъ солнышко-то садится!... Ну, баринъ, какъ я съ тобой заболталась; а у меня дѣло есть.... Прощенья просимъ, батюшка! Коли хочешь погулять по саду, такъ вонъ калитка; она отперта.»

Когда Мирошевъ, поблагодаривъ словоохотную ключницу Федосью, вошелъ въ садъ, его обдало ароматомъ. Въ одномъ углу росла кустами пахучая *заря*, въ другомъ подымался изъ среди полевыхъ цвѣтовъ душистый калуферъ; цѣлыя лужайки были усыпаны благовонными ландышами; куртины вишень и черешни, сотни яблонь, грушевыхъ деревьевъ и огромныя черемухи въ полномъ цвѣтѣ росли по обѣимъ сторонамъ широкой дорожки, которая вела прямо въ рощу. Въ одномъ мѣстѣ, посреди кустовъ смороди-

ны, малины и крыжовника, журчалъ по камешкамъ невидимый ручеекъ, разливая вокругъ себя свѣжесть и прохладу.—«Ахъ, какъ здѣсь хорошо!»—сказалъ въ полголоса Мирошевъ;—«и все это должно было принадлежать ей... Бѣдная сирота! Такъ добра, такъ прекрасна и такъ несчастлива!... О, если бѣ зависѣло отъ меня, если бѣ я былъ душеприкащикомъ покойницы и имѣлъ право исполнить ея послѣднюю волю, съ какою бѣ радостью я сказалъ этой несчастной сиротѣ: «Вотъ твое наслѣдїе, возьми его! Будь хозяйкою, будь ангеломъ этого земнаго рая!... Бѣдная, бѣдная дѣвушка!... Ты зышь чужой хлѣбъ, живешь по милости людей, которые сами живутъ по чужой милости. Но ты молода и прекрасна, Господь вѣрно пошлетъ тебѣ добраго мужа; а я... я такой же сирота, какъ и ты; но, мнѣ кажется, еще несчастнѣе: я

видѣлъ тебя и долженъ навсегда съ тобой разстаться!... Черезъ нѣсколько часовъ я помчусь.... помчусь!... то есть, потащусь шагомъ въ Москву, гдѣ, можетъ быть, никто не встрѣтитъ меня ласковымъ привѣтомъ, гдѣ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ забыли даже и имя отца моего!... »

Мирошевъ горько заплакалъ; да и было отъ чего: онъ не понималъ самъ, что происходило въ душѣ его; однако жъ чувствовалъ, что теперь сиротство и бѣдность не составляютъ ужъ главную причину его грусти; что его ждетъ еще другое горе, несравненно ужаснѣе и бѣдности, и сиротства, и всѣхъ возможныхъ бѣдствій. Кузма Петровичъ не умѣлъ объяснить себѣ этого темнаго чувства, такъ мы скажемъ за него: онъ въ первый разъ въ жизни и страстно — влюбился!... Да! влюбился — и въ кого же? въ бѣд-

ную дѣвушку, которая никогда его не видала и, вѣроятно, никогда не увидитъ.

Размышляя такимъ образомъ, Кузма Петровичъ дошелъ до конца сада; онъ отыскалъ небольшую калитку, вышелъ въ дубовую рощу и, по извиистой тропинкѣ, сталъ подыматься въ гору. Солнечные лучи не проникали сквозь сросшіяся вершины столѣтнихъ дубовъ; но внизу не было ни кустовъ, ни валежника, и вѣтерокъ пробирался свободно межъ деревьями. Пройдя шаговъ триста, Мирошевъ вышелъ изъ рощи. Остальная часть холма до самой вершины была покрыта частымъ кустарникомъ; вдали шумѣлъ горный источникъ и подымалась кровля часовни. Кузма Петровичъ, отдохнувъ нѣсколько времени, началъ взбираться выше, и черезъ нѣсколько минутъ стоялъ уже въ часовнѣ, передъ иконой Божіей Матери, утвержденной въ стѣнѣ надъ

самымъ истокомъ родника; онъ былъ ключемъ изъ-подъ камня и переливался съ шумомъ черезъ дубовый срубъ, который служилъ ему бассейномъ. Мирошевъ вышелъ изъ часовни, поглядѣлъ вокругъ себя, и вся грусть его исчезла, онъ забылъ все, когда передъ нимъ развернулся роскошный видъ Хопра и его окрестностей. — Не знаю, какъ вы, любезный читатель, а я совершенно согласенъ съ Карамзинымъ, что все можетъ надоесть и приглядѣться, кромѣ пркрасныхъ видовъ. — Не отъ того ли, что все создаваемое людьми мертво, а все творимое Богомъ живетъ собственною своею жизнію и говоритъ душѣ нашей, а не земному разуму, который, какъ и все земное, непостояненъ, измѣнчивъ и лживъ. Великолѣпныя зданія, гениальныя произведенія живописцевъ и ваятелей, конечно, приводятъ насъ въ восторгъ; но это восторгъ об-

Думанный, холодный; мы удивляемся дарованію художника, разбираемъ по правиламъ искусства его произведеніе, и едва ли не менѣе наслаждаемся самимъ созданіемъ художника, чѣмъ мыслію, что мы можемъ понять и оцѣнить его; а если вы такъ же художникъ, — то не примѣшивается ли къ этому чувству еще другое, которое отравляетъ всякое наслажденіе, губитъ все прекрасное, и можетъ самый рай сдѣлать адомъ — чувство зависти и обиженного самолюбія? То ли бываетъ съ нами, когда мы любимъ твореніемъ Божиимъ? Что чувствуетъ душа ваша, когда вы смотрите съ высокаго холма на эту живую зелень обширныхъ равнинъ и тѣнистыхъ рощей нашей родины? На эту кормилицу Россіи, иную Волгу, вдоль которой, какъ бѣлыя чайки, несутся подъ всеми парусами красивые струга и разливья? —

Что чувствуетъ душа ваша, когда вы въ первый разъ видите передъ собою этотъ земный образъ вѣчности, этотъ безбрежный океанъ? когда вы смотрите на снѣжныя вершины заоблачныхъ горъ, и въ ушахъ вашихъ раздается громовый гулъ, современныхъ міру, вѣчно шумящихъ водопадовъ? Разбираете ли вы тогда по правиламъ ледяной эстетики, въ чемъ состоятъ красоты этой дикой природы?—О, нѣтъ! нѣтъ! Вы можете только наслаждаться и молча благоговѣть передъ величіемъ Божиимъ. Не потухаютъ ли тогда всѣ страсти въ груди вашей, не радуется ли душа, проникнутая какимъ-то небеснымъ спокойствіемъ и кроткимъ умиленіемъ? Вы чувствуете всю вашу ничтожность и всю благодать Того, который, создавъ этотъ дивный свѣтъ, сказалъ человѣку: «ты будешь его владыкою, потому что сей конечный міръ и всѣ преходящія, по-

добно ему, безчисленные міры не значать ничего передъ одной безсмертною душой твоею; ибо она одна можетъ познавать и любить Меня.»

Съ полчаса стоялъ Кузма Петровичъ на одномъ мѣстѣ. Онъ молча любовался разнообразіемъ и прелестью видовъ, которые измѣнялись при каждомъ его движеніи. Его очарованный взоръ то обгаль съ быстротою мысли обширный небосклонъ, обставленный селами, и старался проникнуть за темный боръ, который тянулся дымчатою полосою позади Новохоперской крѣпости; то скользилъ по голубымъ струямъ изгибастаго Хопра, то носился надъ его живописными берегами и, перелетая съ одного холма на другой, отдыхалъ наконецъ на зеленѣющихъ поляхъ, усыянныхъ рощами. Когда Мирошевъ оборотился назадъ, у ногъ его, въ лѣво отъ господской усадьбы, мелькнули

опять голубья воды Хопра; вся деревня, въ которой онъ остановился, была передъ нимъ какъ на ладонь, такъ что онъ могъ видѣть все, что происходило на улицъ. Около двора старосты Парфёна толпился народъ, по улицъ взадъ и впередъ бѣгали ребятишки, крестьянскія бабы въ нарядныхъ сарафанахъ выходили изъ избъ — во всемъ было замѣтно какое-то особенное движеніе, какая-то общая суета. — «Это что нибудь не даромъ,» — подумалъ Кузма Петровичъ. — «Когда я пошелъ гулять, на улицъ никого не было, а теперь она запружена народомъ и, кажется, всѣ въ такихъ хлопотахъ.... вѣрно что нибудь случилось необычайное.» — Желая узнать скорѣй причину этого народнаго сходбища, Мирошевъ пошелъ по тропинкѣ, которая вела не къ барской усадьбѣ, а прямо на зады деревни.

ГЛАВА VI.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ И НЕОЖИДАННОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ.

Тропинка, по которой пошелъ Куз-
ма Петровичъ, свела его въ нѣсколько
минуть къ подошвѣ холма. Пробираясь
вдоль огородовъ и коноплянниковъ де-
ревни, онъ дошелъ, не встрѣтивъ ни-
кого, до крайней избы, перелѣзъ черезъ
плетень и очутился на дворѣ у ста-
росты Парфѣна. У самыхъ дверей избы

съ нимъ повстрѣчалась дородная и пригожая баба въ красномъ кумачномъ сарафанѣ и въ широкой шелковой фатѣ: это была хозяйка дома, старостиха Василиса. Увидѣвъ Мирошева, она, не говоря ни слова, повалилась ему въ ноги, и въ тоже самое время раздаля позади его голосъ Прохора Кондратьевича: «А! батюшка, Кузма Петровичъ! насилу-то вы пришли! . . . Пожалуйте въ избу—пожалуйте!»

— «Да что у васъ здѣсь за суматоха?» — спросилъ Мирошевъ.

— «Пожалуйте въ избу, пожалуйста!»

— «Ну вотъ я и вошелъ,» — сказалъ Кузма Петровичъ, садясь на лавку. — «Теперь скажи мнѣ, что такое случилось?»

— «Такъ-съ, ничего-съ!» — проговорилъ Прохоръ такимъ чуднымъ голосомъ, что баринъ его вѣрно бы испугался, если бъ не замѣтилъ съ перваго

взгляда необычайную веселость, которая выражалась во всѣхъ чертахъ лица добраго Кондратьича, а особливо въ его небольшихъ прищуренныхъ глазахъ, которые такъ и блистали радостію.

— «Ты что-то отъ меня скрываешь, Прохоръ?»—сказалъ Мирошевъ.

— «Помилуйте, сударь, что мнѣ отъ васъ скрывать!»

— «Такъ и ты не знаешь, отъ чего въ деревнѣ сдѣлалась такая тревога?»

— «Да никакой тревоги нѣтъ, Кузма Петровичъ. Мужички собрались встрѣчать своего новаго помѣщика.»

— «А развѣ его ждуть?»

— «Видно что такъ, сударь. Ну что, батюшка, погуляли?»

— «Какъ же!»

— «Каково, сударь, помѣстье?»

— «Прекрасное!»

— «Диковинное, сударь!... Вы изволили быть въ барскихъ хоромахъ?»

— « Былъ. »

— « И все осматривали? »

— « Кажется все. Премиленькой домикъ! »

— « Домикъ? Помилуйте! какой это домикъ! Восемь большихъ покоевъ, не считая двухъ кладовыхъ и одного чулана съ окномъ, да на антресоляхъ четыре комнаты. А службы-то какія!... Вы ихъ изволили видѣть? »

— « Нѣтъ. »

— « А на скотномъ дворѣ были? »

— « Нѣтъ. »

— « А на барскомъ гумнѣ? »

— « И тамъ не былъ. »

— « Такъ гдѣ же вы были, Кузма Петровичъ? »

— « Я былъ на горѣ. »

— « Эхъ, сударь, что гора! Гора сама по себѣ — нѣтъ! вы посмотрѣли бы, какія угодыя. А садикъ-то, сударь, садикъ! »

— « Да, очень хорошгь. »

— « То-то же, батюшка! Ну что, сударь, если бь это помѣстье было наше? »

— « И, полно, Прохорь! Охота тебь вздорь говорить. »

— « Да почему жь и не поговорить, Кузма Петровичь? Вѣдь оть этого нашей казны не убудеть. А что, батюшка, если бь въ самомь дѣлѣ эта деревня была ваша, вѣдь вы бь ужь тогда не поѣхали въ Москву искать себь мѣстечка? »

— « Помилуй, зачѣмь? »

— « Не правда ли, вѣдь оть добра добра не ищуть? »

— « Разумѣется; я навсегда бы здѣсь остался. »

— « И были бы счастливы? »

— « О, совершенно счастливы! »

— « Такъ извольте же быть счастливы! » — закричалъ такимъ нелѣпымъ

голосомъ Кондратьичъ, что Мирошевъ вскочилъ съ лавки.

— «Что ты, что ты, Прохоръ?» — сказалъ онъ. — «Перекрестись!»

— «И сто разъ перекрестимся, батюшка, и благодарственный молебенъ отслужимъ!... Эй, Парфёнъ!» — продолжалъ Кондратьичъ, выглянувъ въ окно; — «ступай со всѣмъ міромъ!»

Прежде чѣмъ Мирошевъ успѣлъ опомниться отъ удивленія, двери растворились и толпа крестьянъ ввалила въ избу. Впереди всѣхъ вошелъ староста Парфёнъ; онъ держалъ на деревянномъ блюдѣ каравай хлѣба, на которомъ насыпана была соль и лежало пять цѣлковыхъ; рядомъ съ Парфёномъ, держа подъ мышкою индѣйскаго пѣтуха, стоялъ бывший управитель, Лаврентій Сидорычъ. Помолясь иконамъ, староста подошелъ къ столу,

поставилъ на него каравай хлѣба и, вмѣстѣ со всѣми крестьянами, повалился въ ноги Мирошеву.

— «Что это значитъ?» — проговорилъ Кузма Петровичъ, внѣ себя отъ удивленія. — «Да встаньте, Бога ради!... Что вы?... Встаньте, говорятъ вамъ!»

Парфёнъ всталъ, а за нимъ и всѣ крестьяне.

— «Зачѣмъ вы пришли? чего вы хотите?»

— «Какъ же, батюшка!» — сказала Парфёнъ; — «вѣдь ты нашъ родной!... кормилецъ нашъ....»

— «Кормилецъ нашъ!» — повторили всѣ крестьяне и повалились опять въ ноги.

— «Да полноте!» — вскричалъ Мирошевъ; — «что вы мнѣ кланяетесь?»

— «Они, батюшка, пришли къ вамъ съ поклономъ,» — перервалъ Кондратичъ.

— « Ко мнѣ? »

— « Ну да, сударь! Вѣдь это ваши мужички. »

— « Мои мужики? »

— « Ваше благородіе! » — сказалъ униженнымъ голосомъ Лаврентій, передавая своего индѣйскаго пѣтуха Прохору Кондратьевичу: — « вѣдь вы Кузма Петровичъ Мирошевъ? »

— « Да! я отставной поручикъ, Кузма Петровичъ Мирошевъ. »

— « Ваша матушка, Катерина Семеновна, была урожденная княжна Бирдюкова?... »

— « Да. »

— « А вѣдь покойная-то наша барышня, Елена Семеновна, была такъ же княжна Бирдюкова, сестрица вашей матушки и родная ваша тетушка. »

— « Ну, сударь! » — вскричалъ Прохоръ, — « изволите ли понимать теперь? »

Кузма Петровичъ не отвѣчалъ ни слова: онъ совершенно обезумѣлъ. Все это казалось ему не сномъ — онъ чувствовалъ, что не спитъ; но какимъ-то обаяніемъ, колдовствомъ, волшебной сказкою, въ которой — «*по шучьему велльнiю, по моему прошенiю*» — исполняются всѣ желанiя какого-нибудь Ивана Царевича. Бѣдный, безпріютный сирота видитъ провздомъ хорошенькую деревеньку, останавливается въ ней, чтобъ полюбоваться ея прелестнымъ мѣстоположеніемъ; онъ очарованъ, онъ думаетъ: «о! если бъ этотъ благословенный уголокъ земли принадлежалъ мнѣ — какъ бы я былъ счастливъ!» — и вдругъ желанье его исполняется, это помѣстье становится его собственностію; за минуту онъ не зналъ, куда преклонить свою голову, а теперь онъ баринъ, помѣщикъ!... Да отъ этого хоть какая голова закру-

жится! — «Возможно ли!» — проговорилъ наконецъ Мирощевъ; — «такъ все, что я видѣлъ, чѣмъ любовался....».

— «Все ваше, батюшка!» — перервалъ Кондратьичъ; — «все ваше!... Ахъ ты Господи Боже мой!» — продолжалъ онъ; — «подлинно правду говорятъ, что сердце въ насъ вѣщунъ! Ну что вамъ вздумалось остановиться въ этой деревнѣ? Кабы не вы, такъ мы бы сюда и не заѣхали. Ужъ какъ же и я, сударь, удивился!... Толкуемъ мы у воротъ съ Парфёномъ, гляжу — ахти, батюшки! Лаврентій Сидорычъ!.. Мы съ нимъ ужъ лѣтъ двадцать пять не видались, а я тотчасъ его узналъ. — «Ба, ба, ба! куманекъ! ты какъ здѣсь?» — «А ты, Прохоръ Кондратьичъ?» — «Я здѣсь съ моимъ бариномъ, его благородіемъ, Кузмою Петровичемъ Мирощевымъ.» — «Кузмою Петровичемъ? Ужъ это не сынокъ ли Петра Кузмича и Катерины Семе-

**

новны Мирошевыхъ?» — «Ну, да!» — «Ахъ, батюшки! да вѣдь онъ нашъ помѣщикъ!» «Какъ такъ?» — «А вотъ какъ!» — И началъ мнѣ рассказывать. Ну, такъ и есть! Вѣдь у покойной княжны Елены Семеновны только и была одна сестрица, ваша матушка; а у васъ такъ же нѣтъ никого, ни сестеръ, ни братьевъ, такъ, разумѣется, наследникъ-то вы.»

— «Ваше благородіе, батюшка Куз-ма Петровичъ!» — сказалъ Лаврентій, — «осмѣлюсь вамъ рабски доложить: не благоугодно ли будетъ вамъ пожаловать въ ваши барскія хоромы?»

— «Въ самомъ дѣлѣ, сударь,» — подхватилъ Кондратычъ, — «что намъ теперь гостить у Парфёна: вѣдь ужъ мы съ вами не проѣзжіе.»

— «А тамъ Федосья и столъ накрыла для вашей милости,» — прибавилъ Лаврентій. — «Просимъ покорно, батюшка, чѣмъ Богъ послалъ!»

— «А я, сударь,» — шепнулъ Кондратьичъ, — «отправилъ на село купить два ведра вина, да Парфёнъ на радостяхъ кланяется вамъ бочкой браги: надобно вашихъ мужичковъ поподчивать.... Э! да вонъ и бабы собрались на улицъ! Пожалуйте, Кузма Петровичъ, пожалуйста!»

Хотя Мирошевъ все еще былъ въ какомъ-то чаду и съ трудомъ понималъ то, что ему говорили, однако жъ послушался Прохора и вышелъ изъ избы. На улицъ дожидались его толпа крестьянокъ и старостиха Василиса, которая не могла вмѣстѣ съ ними совершить обычнаго земнаго поклона, потому что держала обѣими руками огромное рѣшето съ ящиками. Торжественное шествіе Мирошева, задержанное на нѣсколько минутъ этой новой депутаціею, продолжалось отъ избы старосты Парфёна до барскаго двора,

черезъ всю деревню. Зрителей было мало, потому что въ этомъ ходѣ участвовали почти всѣ обыватели Хопровки; кой гдѣ стояли на завалинахъ идуныя двѣчонки, высовывались изъ подворотенъ блбволосыя головки ребятишекъ и выглядывали изъ оконъ, покрытыя морщинами, лица дряхлыхъ стариковъ и старухъ, которые слѣзали съ палатей, чтобъ взглянуть, хотя издалека, на своего новаго барина. У растроенныхъ воротъ господскаго двора встрѣтила Кузму Петровича ключница Федосья, скотникъ Антонъ, садовникъ Трифонъ, сожительница Лаврентья, барская барыня, Аксинья, и пять или шесть дворовыхъ ребятишекъ. Взоры Миронцева невольно устремились на небольшой флигель, въ которомъ жилъ Лаврентій: все окна были открыты, кромѣ одного, задернутаго блбой занавѣскою.

— «Соколъ ты нашъ ясный! родной ты нашъ!» — сказала Федосья, кланяясь Мирошеву. «Милости просимъ!... Да не погнѣвайся на меня дуру, что я давеча тебя не признала. Ахъ, я глупая, глупая! ну чтобы мнѣ спросить: «кто-дескать ты, батюшка?» — такъ нѣтъ! словно замленіе какое сдѣлалось!... »

Мирошевъ не отвѣчалъ ни слова.

— «Ахти, батюшки!» — прошептала Федосья, — «ужъ баринъ-то никакъ и впрямь на меня гнѣваться изволить?... Посмотри-ка, Аксинья, отворотился, взглянуть не хочетъ.»

Въ самомъ дѣлѣ, Кузма Петровичъ не слышалъ ничего и не замѣчалъ Федосьи; ему показалось, что занавѣска, на которую обращено было все его вниманіе, начинаетъ шевелиться; вотъ мелькнули бѣленькіе пальчики, занавѣска отдернулась.... Это она!

— «Гляди-ка, Антонъ!» — шепнула Федосья, — «какъ у него щечки-то разгорѣлись — такъ и пышуть!... Въдь онъ точно гнѣвается.... Ну! пропала моя головушка!...»

— «И, полно, сватья, что ты!» — сказала въ полголоса Аксинья; — «за что ему гнѣваться? Эко диво, что ты его не признала!... Развѣ ты святодухъ какой?... Да онъ же, слышно, баринъ такой доброй! Поразговорись-ка о немъ съ Прохоромъ Кондратьевичемъ.»

Занавѣска давно уже опять задернулась, а Мирошевъ все еще смотрѣлъ на окно.

— «Вы, вѣрно, изволите смотрѣть на эти людскія?» — сказалъ Лаврентій. — «Да, батюшка, кровелька-то на нихъ плоха становится, стропилы поразѣхались, мѣстами течь. Не прикажете ли ихъ покрыть соломкою? Въдь это

дранье только слава-то; а, право, хуже всякой соломы.»

— «А, это ты, Федосья?» — сказалъ Мирошевъ, замѣтивъ наконецъ ключницу.

— «Я, батюшка, я!... Такъ ты не изволишь гнѣваться?»

— «За что?»

— «А вотъ что я давича-то....»

— «Напротивъ, я тебѣ очень благодаренъ. Ты человекъ добрый, Федосья, и Лаврентій такъ же. Вы меня еще не знаете, а я знаю васъ.»

— «Какъ же такъ, кормилецъ?»

— «Да, Федосья. Кто помнитъ добро и не оставляетъ сиротъ, тотъ ужъ вѣрно человекъ добрый.»

— «Вотъ ѣдетъ и Парфѣнъ съ брагою!» — вскричалъ Прохоръ. — «Не извольте, сударь, беспокоиться: ужъ я вашихъ мужичковъ угощу, а вы пожалуйста въ домъ, да поужинайте. Вѣдь

ВЫ СЕГОДНЯ ИЗВОЛИЛИ ТОЛЬКО ЗАВТРАКАТЬ. »

— « **МНѢ ЧТО-ТО ВОВСЕ ЪСТЬ НЕ ХОЧЕТСЯ. »**

— « **Съ радости, батюшка, съ радости! Ну да это само по себѣ; и я радуюсь, сударь, а зайду шей похлебать къ Лаврентью Сидорычу. Ступайте-ка, батюшка, да покушайте на здоровье. »**

Кузму Петровича ожидалъ въ столовой накрытый столъ. Около его суетился буфетчикъ Тома, племянникъ Лаврентія, который такъ же вошелъ въ столовую, въ слѣдъ за своимъ новымъ бариномъ, и сталъ съ тарелкою позади его стула.

Ужинъ продолжался не долго.

— « **Если вамъ угодно почивать, батюшка, »** — сказалъ Лаврентій, когда **Мирошевъ всталъ изъ-за стола, — такъ**

пожалуйте въ спальную: тамъ все приготовлено. »

— « Хорошо, любезный; да войди сюда въ гостиную: мнѣ надобно поговорить съ тобою. »

— « Слушаю, сударь. »

Кузма Петровичъ горѣлъ какъ на огнѣ: онъ очень хотѣлъ поговорить съ Лаврентьемъ о воспитанницѣ покойной его барыни, но никакъ не могъ собраться съ духомъ: при одной мысли объ этомъ сердце его сжималось и слова замирали на языкѣ. Минутъ пять продолжалось молчаніе; Кузма Петровичъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, а Лаврентій стоялъ, вытянувшись въ струну, у дверей. Не зная, какъ начать разговоръ, Мирошевъ подошелъ къ окну, постучалъ пальцами въ стекла и сказалъ: — « Какой прекрасный садъ! »

— « Да, батюшка, хорошгь! » — проговорилъ Лаврентій.

— « И какое множество цвѣтовъ! »

— « Да-съ! покойница очень ихъ жаловала. »

— « Что она.... одна этимъ занималась? »

— « Никакъ нѣтъ-съ. »

— « Такъ у ней были помощники? »

— « Какъ же-съ! Садовникъ Трифонъ. »

Мирошевъ замолчалъ.

— « Да, сударь, » — продолжалъ Лаврентій, желая поддержать разговоръ; — « бывало, весною, покойница съ утра до вечера въ саду. Она изволишь надсматривать, Трифонъ сажаетъ цвѣты, а барышня поливаетъ. »

— « Барышня? » — перервалъ Кузма Петровичъ, оборотясь къ Лаврентію. — « А, да! знаю! воспитанница покойной тетушки? »

— « Точно такъ-съ. »

— « Кто она такая? »

— « Офицерская дочь, Марья Дмитріевна Терпугова. »

— « Гдѣ жъ она теперь? »

— « Здѣсь, сударь. Послѣ смерти покойной вашей тетюшки она живетъ со мною. »

— « Въ людской? »

— « Да, сударь. »

— « Въ людской! » — повторилъ про себя Мирошевъ. Щеки его пылали; онъ прошелъ молча раза два по комнатѣ, потомъ остановился и, не глядя на Лаврентія, спросилъ: — « Ну что жъ она намѣрена теперь дѣлать? »

— « Да что вамъ будетъ угодно, батюшка, Кузма Петровичъ. »

— « Мнѣ! Почему же мнѣ? — Послушай, Лаврентій, пока здѣсь не было хозяина, она могла жить съ тобой и

съ Ѳедосьей въ людской, обѣдать вмѣстѣ съ вами; но теперь.... »

— «Такъ что жъ?» — перерываль Лаврентій. — «Если вы позволите мнѣ держать ее по прежнему.... »

— «Помилуй! да развѣ это можно?... »

— «Сдѣлайте милость, батюшка! — Я отъ васъ и зерна лишняго не потребую. Если вы только моей мѣщины не убавите, такъ будетъ и съ нее и съ меня. »

— «Да развѣ объ этомъ рѣчь, Лаврентій?» — вскричалъ Мирошевъ. — «Какъ тебѣ не стыдно! — Когда здѣсь никого не было, такъ она по неволѣ должна была жить съ вами; а теперь.... Ну, подумай хорошенько! Прилично ли ей — благородной дѣвицѣ, жить въ людской и обѣдать съ дворовыми людьми, когда самъ баринъ на лицѣ? »

— «Конечно, сударь!»—сказалъ Лаврентій, почесывая въ головѣ.—«Что и говорить—обидно! офицерская. дочь....»

— «Вотъ то-то и есть!»

— «Да дѣлать-то нѣчего, батюшка! Не такъ живи, какъ хочется, а какъ Богъ велѣлъ.»

— «Послушай, Лаврентій: если бъ я попросилъ ее жить въ домъ и обѣдать вмѣстѣ со мною....»

Лаврентій не отвѣчалъ ни слова.

— «Ну какъ ты думаешь?...

— «Власть ваша.»

— «Я спрашиваю тебя не объ этомъ: я хочу знать твое мнѣніе.... Да что жъ ты переминаешься? Говори прямо. Не правда ли, что это будетъ лучше?»

— «Полно лучше ли, сударь? Не ногнѣвайтесь, батюшка Кузма Петровичъ! У васъ вѣрно нѣтъ ничего дур-

наго на умъ, да человекъ-то вы молодой; Марья Дмитриевна такъ же съ небольшимъ шестнадцать годковъ, такъ, воля ваша, а ей не приходится жить съ вами въ одномъ домъ. Добро бы она была вамъ съ родни—двоюродная, или хоть внучетная сестрица, а то—помилуйте!—что скажутъ сосѣди?... »

— « Да, это правда, » — прошепталъ Мирошевъ. Онъ прошелъ молча нѣсколько разъ по комнатъ, потомъ остановился и сказалъ Лаврентію:—«А ты думаешь, что злые люди ничего не скажутъ, если она будетъ жить въ людской, а не въ домъ? Вѣдь ты не станешь же держать ее за замкомъ?... Мы будемъ съ нею встрѣчаться.... »

— « Такъ, сударь! Да все это не то; и злой человекъ разсудить, что если бъ что ни есть такое было, такъ она бы не стала жить въ людской избѣ и ѣсть съ нами гречневую кашу,

да горохъ. Конечно, всего бы лучше, если бь Господь Богъ послалъ ей женишка. »

У Мирошева замерло сердце.

— « Когда ваша покойная тетушка еще здорововала, » — продолжалъ Лаврентій, — « такъ жениховъ-то довольно наклёвывалось; вотъ, на примѣръ, Степанъ Ивановичъ Мальшевъ два раза сваху подсымалъ. »

— « Мальшевъ! А кто онъ такой? »

— « Гарнизонный прапорщикъ изъ Новохоперска. Собой не красивъ и, говорятъ, стаканчика придерживается; да ужъ теперь гдѣ разбирать, лишь только бы кто ни есть посватался... »

— « А этотъ Мальшевъ ужъ не сватается? » — спросилъ съ живостію Мирошевъ.

— « Вотъ то-то и есть, никакъ передумалъ. Бывало, въ недѣлю раза три

привдетъ, а какъ узналъ, что послѣ покойницы духовной не осталось, такъ и ногу переломилъ.»

— «Подлецъ!» — прошепталъ Кузма Петровичъ, вздохнувъ свободнѣе.

— «Да Богъ милостивъ!» — прибавилъ Лаврентій въ полголоса. — «Прошлаго воскресенья былъ у обѣдни въ нашемъ приходѣ, въ селѣ Вознесенскомъ, прѣзжій подъячій изъ Саратова: онъ что-то больно поглядывалъ на Марью Дмитриевну....»

— «Подъячій!» — повторилъ Мирошевъ. — «Да неужели она согласится выдти за подъячаго?»

— «А почему же и не выдти, батюшка? Вѣдь жениховъ-то бракуютьъ однѣ богатыя невѣсты. Онъ же молодецъ такой бравой, и лицомъ хоть куда; только лѣвый глазъ подбитъ, да вѣдь это не болѣзнь какая — пройдетъ!»

Вотъ послѣ завтра онъ вѣрно опять будетъ у обѣдни, извольте сами посмотреть.»

— «Хорошо, хорошо, Лаврентій. Прощай! я подумаю, что намъ дѣлать съ Марьей Дмитріевной.»

— «Да, батюшка, утро вечера мудренѣе. Прощенья просимъ! Крепкаго сна—покойной ночи!»

Лаврентій ушолъ, и черезъ нѣсколько минутъ явился Прохоръ раздѣвать своего барина.—«Ну, сударь,»—сказалъ Кондратьичъ — «угостилъ я знатно вашихъ мужичковъ! Староста Парфёнъ лыкомъ не вяжетъ, да и всѣ порядкомъ натянулись; а Федора Безпалова такъ раздуло отъ браги, что кушакъ на немъ лопнулъ. Я, батюшка Кузма Петровичъ, приказалъ, чтобъ завтра поутру готова была тельжка: вамъ надобно всѣ поля объѣхать; да не мѣшай-

шасть и въ лѣсъ завернуть: я слышала, въ немъ есть порубки.»

Мирошевъ не отвѣчалъ ни слова, а Кондратьичъ, выходя изъ спальни, сказалъ про себя: «Ну, видно его порядкомъ ошаломило: все еще не можетъ образумиться. Эко счастье, подумаешь!... Подлинно правду говорятъ: «голенькой охъ, а за голенькимъ Богъ.»

ГЛАВА VII.

Отчаяние и радость Прохора Кондратьевича.

— «Что это, Кузма Петровичъ,» — сказалъ Прохоръ, войдя на другой день часу въ седьмомъ къ Мирошеву, который сидѣлъ совсѣмъ одѣтый у окна и читалъ какую-то бумагу, — «да вы ужъ и готовы? Раненько, сударь, изволили подняться! И мнѣ всю ночь не спалось; сегодня, батюшка, я чѣмъ-

свѣтъ ходилъ на ваше гумно и пересчиталъ всѣ одоньи. Эка благодать, подумаешь! Одного немолоченаго хлѣба рублей на двѣсти будетъ, да житницы биткомъ набиты. Ну ужъ помѣстье! Нѣчего сказать, наградилъ насъ Господь Богъ за потерпѣнье!... Да не угодно ли вамъ чего нибудь позавтракать, сударь? иль покушаете прѣхавши съ поля? Вѣдь вы изволите ѣхать?»

— «Да, Прохоръ,»—сказалъ Мирошевъ,—«мы поѣдемъ, но только не въ поле, а въ городъ.»

— «Въ городъ! за чѣмъ, сударь?»

— «Мнѣ надобно подать просьбу.»

— «Чтобъ васъ ввели во владѣніе? Да это еще не къ спѣху, батюшка; успѣете и завтра.»

— «Ты знаешь, Прохоръ,»—сказалъ Мирошевъ, помолчавъ нѣсколько времени,—«что у покойной тетушки была воспитанница?»

— «Офицерская дочь, Марья Дмитріевна Терпугова? Какъ же, сударь, я ее видѣлъ. Что за прекрасная барышня такая! Бѣдная сиротинка! Ни отца, ни матери, ни роду, ни племени... Не оставьте ее, батюшка!»

— «А знаешь ли ты, Прохоръ, что покойная тетушка хотѣла укрѣпить ей все свое имѣнье?»

— «Кто это вамъ сказалъ, сударь? Помилуйте! Кабы хотѣла, такъ и укрѣпила бы. Что вы всему вѣрите!»

— «Но если я имѣю вѣрныя доказательства....»

— «Не можетъ быть, Кузма Петровичъ! Тетушка ваша была барыня добрая и справедливая. Не ладила она съ покойною вашею матушкой—знаю, сударь! да вы-то въ чемъ виноваты? Вѣдь вы родной ея племянникъ, а Марья Дмитріевна что? — пріемьшъ!»

— «Если ты не вѣришь мнѣ, такъ спроси у Ѳедосьи, или у Лаврентья.»

— «Что мнѣ Лаврентій, помилуйте! Эку выдумали штуку!.. Видишь, покойница хотѣла отдать все имѣнье чужому человѣку, обидѣть роднаго племянника!... Ужъ не хотѣла ли она отдать все имѣнье Лаврентью да Ѳедосьѣ!... Диво, что они этого не говорятъ! Вѣдь на мертваго лги что хочешь.»

— «Да вотъ, кажется, и Лаврентій; мы сей-часъ узнаемъ всю правду. Поди сюда, любезный!»—продолжалъ Мирошевъ, развертывая бумагу, которую держалъ въ рукѣ. «Ты грамоту знаешь?»

— «Какъ же, сударь.»

— «Посмотри, чья это рука?»

— «Это рука покойной вашей тетушки.»

— «Хорошо. Ступай, попроси сюда Марью Дмитриевну.»

Лаврентій поклонился и вышелъ.

— «Я нашель эту бумагу нечаянно,» — сказалъ Мирошевъ; — «она лежала вмѣстѣ съ другими бумагами въ письменномъ столикъ. Знаешь ли, Прохоръ, что въ ней написано? Это черновая духовная покойной тетушки: она отказываетъ въ ней все имѣнье воспитанницъ своей, Марья Дмитриевна Терпуговой.»

— «Скажите пожалуйста!» — вскричалъ Прохоръ. — «Ну, этого я не чаялъ отъ покойницы! Эхъ, матушка княжна Елена Семеновна, согрѣшила ты на старости! А все-таки вышло не по твоему: думала покривить душой, да Богъ не допустилъ; хотѣла, да не сдѣлала.»

— «А развѣ это не все равно?» — сказалъ Мирошевъ.

— «Какъ все равно? Что вы, батюшка! Я таки по судамъ шатался довольно, знаю кой-что. Какая это духовная? куда она явлена? кто былъ свидѣтелемъ? Да и написана-то какъ—вся въ помаркахъ, на полулистѣ. Помилуйте! да этой духовной никакой судъ не утвердить.»

— «А если я захочу ее утвердить?»
Кондратьичъ остолбенѣлъ.

— «Вы?...» — проговорилъ онъ. — «Какъ вы?... Что жъ вы хотите сдѣлать?»

— «Исполнить волю покойной моей тетушки.»

— «Да что вы, сударь, шутите чтоль?»

— «Нѣтъ, Прохоръ, не шучу.»

— «Такъ вы хотите отдать Хопровку этой сиротѣ?... Ахъ Господи! Батюшка, Кузма Петровичъ, да что это съ вами сдѣлалось?...»

— «Послушай, Прохоръ. Если бѣ покойная тетушка не умерла скоропостижно, а имѣла бы время сдѣлать законнымъ образомъ и предъявить эту духовную....»

— «Мало ли что, сударь!»—перервалъ Кондратьичъ; — «если бѣ то, если бѣ другое. Да вѣдь этого ничего не было. Да чтожъ вы, Кузма Петровичъ, грѣха чтоль не боитесь? Господь Богъ послалъ вамъ свою милость, а вы не принимаете!... «Онъ-дескать рѣшилъ такъ, а я перерѣшу по своему!» Полноте, батюшка, что вы! вѣдь Бога-то умнѣй не будете.»

— «И, Прохоръ! да развѣ не все дѣлается по волѣ Божіей? Развѣ не Онъ вложилъ въ меня совѣсть, которая запрещаетъ мнѣ обидѣть эту круглую сироту?»

— «Круглую сироту! А вы-то что, сударь?»

— «Оставить ее безъ куска хлѣба!»

— «А вы-то сами что будете кушать?»

— «Я мужчина — я могу служить; если не найду мѣста въ Москвѣ, то вступлю опять въ военную службу.»

— «Да, много вы въ ней выслужили!»

— «Почему знать, что будетъ впередъ? Богъ милостивъ!»

— «Да, сударь, Онъ былъ до васъ милостивъ: свалилось съ неба имѣнье, да видно на васъ и Богъ-то не угодить.»

— «Сердись на меня какъ хочешь, Прохоръ, а межъ тѣмъ ступай-ка укладываться.»

— «Укладываться!» — повторилъ Кондратьичъ испуганнымъ голосомъ. — «Такъ вы и подумать-то не хотите?»

— «Я и такъ ужъ довольно думалъ.»

— «Господи, Господи!» — вскричалъ Прохоръ съ совершеннымъ отчаяніемъ. «А помѣстье-то какое! Домъ какъ полная чаша; одного хлѣба на пять сотъ рублей!... Да долго ли мнѣ, окаянному, мыкаться съ вами по бѣлу свѣту! Да что это меня не приберетъ Господь!... Батюшка, Кузма Петровичъ! не торопитесь — Бога ради, не торопитесь!... И что вамъ далась эта сирота?... Что вы съ ней дѣтей чтоль крестили?... Ну, наградите ее, выдайте замужъ... »

— «Замолчи, Прохоръ!» — перервалъ съ досадою Мирошевъ. — «Дѣлай, что я приказываю, или я и безъ тебя уѣду отсюда. »

Никогда еще Кузма Петровичъ не говорилъ такъ круто съ своимъ дядкою. У бѣднаго старика руки опустились. — «Безъ меня!» шепталъ онъ, выходя изъ комнаты. — «Безъ меня! Вотъ

до чего я дожилъ!»—Въ передней повстрѣчались съ нимъ Лаврентій и Марья Дмитріевна. Лаврентью онъ не поклонился, а на Марью Дмитріевну взглянулъ почти съ ненавистью.—«Хопровская помѣщица!» — бормоталъ онъ себѣ подъ носъ.—«Да она и на барыню-то вовсе не походить! такъ—дѣвчонка!... И что она показала мнѣ хорошею? — вовсе не хороша! А ужъ какая ледящая — взглянуть не на что: того и гляди по поламъ переломится. »

Лаврентій вошелъ въ спальную и доложилъ о Марьѣ Дмитріевнѣ.—«Попроси ее въ гостиную,» — проговорилъ Мирошевъ перерывающимся голосомъ. Сердце его такъ сильно билось, что ему нужно было нѣсколько минутъ, чтобъ собраться съ духомъ. Онъ всю ночь провелъ въ ужасной борьбѣ съ самимъ собою. Сначала онъ совсѣмъ-

было рѣшился предложить Марьѣ Дмитриевнѣ свою руку. Казалось, чего бы лучше? Воспитанница его покойной тетки была бы пристроена, а онъ сдѣлался бы самымъ счастливейшимъ человекомъ въ мѣрѣ; но вдругъ онъ вспомнилъ слова Лаврентья: «вѣдь жениховъ-то бракують однѣ богатые невѣсты, а ужъ теперь гдѣ ей разбиться: лишь только бы ктонибудь по-сватался!»—И такъ если бѣ онъ не понравился Марьѣ Дмитриевнѣ, то она и тогда бы отдала ему свою руку, для того только, чтобъ имѣть кусокъ хлѣба. Сдѣлать предложеніе этой бѣдной дѣвушкѣ въ ту самую минуту, когда участь ея была совершенно въ его рукахъ, не то же ли самое, что сказать ей: «ты меня не знаешь, никогда меня не видала; быть можетъ, я человекъ дурной,—быть можетъ, наружность моя тебѣ не нравится, — быть

«можетъ даже, что ты любишь друга-
«го; но это все равно: ты должна выд-
«ти за меня замужъ, потому-что ты
«нищая, потому-что благодѣтельница
«твоя хотѣла, но не успѣла обезпечить
«твое состояніе; ты любила ее какъ
«родную мать, а я не зналъ даже, что
«она и существуетъ; но ты ей чужая,
«а я родной племянникъ, законный на-
«слѣдникъ и слѣдовательно имѣю пол-
«ное право лишить тебя послѣдняго
«убѣжища, выгнать вонъ изъ дому, или
«изъ милости кормить вмѣстѣ съ мо-
«ими людьми на застольной.»—«О, нѣтъ,
нѣтъ!»—подумалъ Мирошевъ; — «пусть
будетъ она прежде владѣть тѣмъ, что
ей было назначено, пусть выборъ ея
будетъ совершенно свободенъ, и тогда,
если она не отвергнетъ любовь мою,
если согласится добровольно отдать
мнѣ свою руку — о, тогда я буду ис-
тинно счастливъ!»—Въ наше время ка-

кой нибудь романтической любовникъ и этимъ бы не удовольствовался: его стала бы мучить мысль, что она соглашается выдти за него замужъ только изъ одной благодарности; но разборчивость Мирошева не простиралась до этой степени, во-первыхъ потому, что, не смотря на свою скромность, онъ зналъ, что у него наружность довольно пріятная, а во-вторыхъ потому, что тогда бы уже онъ не могъ ни въ какомъ случаѣ быть ея мужемъ, и слѣдовательно, *ради* утонченности своихъ чувствъ, обрекъ бы самъ себя на вѣчное страданіе. Не знаю, какъ думаютъ другіе, а по мнѣ такіе вольные мученики интересны только на сценѣ, гдѣ всѣ горести, бѣдствія и мученія оканчиваются вмѣстѣ съ опущеніемъ занавѣса.

Мирошевъ вышелъ въ гостиную. Марья Дмитріевна въ томъ же самомъ

платъ и аломъ платочкѣ, въ которыхъ онъ видѣлъ ее въ первый разъ, стояла посреди комнаты; щеки ея пылали, а изъ потушенныхъ глазъ катились крупныя слезы.

— «Оставь насъ однихъ,» — сказалъ Мирошевъ Лаврентью, который стоялъ у дверей столовой. Марья Дмитриевна вздрогнула и робко оглянулась назадъ, а Лаврентій посмотрѣлъ съ недоумѣніемъ на нее, потомъ на своего господина и хотѣлъ что-то сказать; но Мирошевъ повторилъ твердымъ голосомъ свое приказаніе, и Лаврентій вышелъ вонъ.

— «Садитесь, Марья Дмитриевна,» — сказалъ Мирошевъ, указывая рукою на канапѣ. — «Мнѣ нужно поговорить съ вами.... да сдѣлайте милость!... я прежде васъ не сяду.»

Почтительный и даже робкій голосъ Мирошева ободрилъ бѣдную си-

роту: она подняла глаза, и когда взоры ихъ встрѣтились, когда она взглянула на это кроткое, милое лице, исполненное добродушія и чести, то сердце ея перестало замирать отъ страха и забилося свободнѣе. «Прошу покорно!» сказалъ Мирошевъ, взявъ ее за руку и посадивъ на канапъ. «Это настоящее ваше мѣсто: вы здѣсь хозяйка.»

— «Хозяйка!» прошептала бѣдная дѣвушка. Она взглянула почти съ укоромъ на Мирошева и горько заплакала.

— «Да о чемъ же вы плачете?» — вскричалъ Мирошевъ, садясь противъ нее на стуль. — «Успокойтесь, Бога ради! Я повторяю вамъ еще разъ: вы здѣсь хозяйка; не вы у меня, а я у васъ въ гостяхъ.»

— «Извините, Кузма Петровичъ,» — сказала прерывающимся голосомъ Ма-

рья Дмитріевна, — «я очепь помню, что я сирота и живу здѣсь по вашей милости.»

— «Вотъ въ этомъ-то вы и ошибаетесь. Вы вѣрно знаете, что покойная моя тетушка хотѣла вамъ укрѣпить все свое имѣнье?»

Марья Дмитріевна не отвѣчала ни слова.

— «Да будьте же со мною откровенны,» — продолжалъ Мирошевъ. — «Не правда ли, вы это знаете?»

— «Да!» проговорила въ полголоса Марья Дмитріевна, — «матушка.... то есть, благодѣтельница моя, говорила мнѣ объ этомъ за нѣсколько дней до своей смерти; но едва ли она имѣла право это сдѣлать....»

— «О, что имѣла, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія!»

— «Но не должна была имъ воспользоваться, хотите вы сказать?» — перерва-

ла съ живостию Марья Дмитріевна. — «Я совершенно съ вами согласна. Я думаю, было бы несправедливо, если бъ она для чужаго человѣка обидѣла своего роднаго племянника.»

— «А развѣ она для васъ была чужая?»

— «О, нѣтъ, нѣтъ!» — вскричала бѣдная дѣвушка, залившись слезами.

— «Я никогда не видалъ покойной моей тетушки,» — продолжалъ Мирошевъ; — «а вы были утѣшеніемъ ея старости, она любила васъ какъ дочь родную...»

— «Да, это правда.»

— «Ну, вотъ видите ли, Марья Дмитріевна, что не вы, а я былъ чужой человѣкъ для покойницы; слѣдовательно это имѣнье должно, по всей справедливости, принадлежать вамъ.... Что вы смотрите на меня съ такимъ удивленіемъ? Вѣдь тетушка точно хотѣла укрѣпить вамъ свое имѣнье; вотъ

и доказательство этому,» — прибавилъ Мирошевъ, подавая Марьѣ Дмитріевнѣ черновую духовную. — «Эта бумага не значить ничего передъ закономъ,» — продолжалъ онъ, — «но никто не можетъ запретить мнѣ исполнить то, что въ ней написано, и отказаться въ вашу пользу отъ этого наслѣдства.»

— «Въ мою пользу!» — повторила Марья Дмитріевна, поблѣднѣвъ какъ смерть. — «Кузма Петровичъ, вы смѣетесь надо мной!...»

— «Можете ли вы это думать? Да, Марья Дмитріевна, съ этой минуты здѣсь все принадлежитъ вамъ. Позвольте мнѣ только остаться еще нѣсколько дней вашимъ гостемъ: мнѣ надобно будетъ съѣздить въ городъ, подать просьбу и похлопотать, чтобъ васъ скорѣй ввели во владѣніе.»

— «Боже мой, Боже мой!» — прошептала Марья Дмитріевна, сложивъ

набожно руки; — « не сонъ ли это!...
Ахъ, Кузма Петровичъ!... »

— « Благодарите не меня, » — сказалъ Мирошевъ, вставая, — « а вашу благодарительницу: я только исполнитель послѣдней ея воли. Вотъ все, что мнѣ нужно было вамъ сказать. Ступайте! Обрадуйте скорѣе добрыхъ людей, которые не оставили васъ въ несчастіи: теперь вы можете съ ними по квитаться. Прощайте, Марья Дмитріевна! »

Кто испыталъ надъ самимъ собою, какъ сильно дѣйствуютъ на душу, не постепенный, а внезапный переходъ отъ горя къ счастью, или отъ счастья къ горести, тому будетъ весьма понятно, что Марья Дмитріевна почти совершенно потеряла разсудокъ. Въ передней дожидался ее Лаврентій; она упала ему на грудь, рыдала, улыбалась, крестилась и не могла выговорить ни слова. Кондратьичъ, который

**

былъ такъ же въ передней, смотрѣлъ на все это съ примѣтнымъ ужасомъ и, казалось, готовъ былъ отъ отчаянія удариться головой объ стѣну.

— « Матушка, барышня! что вы это? » — говорилъ Лаврентій; — « что съ вами сдѣлалось? Да перестаньте, ради Христа! Господь съ вами! что вы это: и смѣетесь и плачете!... »

— « Да! » — прошепталъ Кондратьичъ сквозь зубы, — « есть отъ чего и посмѣяться и поплакать съ радости. Не было ни полушки, да вдругъ алтынъ! Что, сударыня, » — продолжалъ онъ, обращаясь къ Марьѣ Дмитріевнѣ, — « баринъ-то вамъ отдалъ Хопровку? »

— « Какъ такъ? » — вскричалъ Лаврентій.

— « Да, » — проговорила наконецъ Марья Дмитріевна, — « Кузма Петровичъ хочетъ непременно исполнить волю покойной моей благодѣтельницы. О, ка-

кой это добродѣтельный и благородный человекъ!»

— «Да, конечно,» — перервалъ Кондратьичъ, — «баринъ мой человекъ благородный; да вотъ посмотримъ, что-то онъ станетъ дѣлать съ своимъ благородствомъ, какъ перекусить-то нѣчего будетъ.»

— «Что вы говорите?» — перервала съ живостию Марья Дмитріевна. — «Да неужели Кузма Петровичъ человекъ бѣдный?»

— «А вы, чай, думали богатый? — То-то и есть: тороватаго съ богатымъ не распознаешь.»

— «Однако жъ у него есть какое-нибудь имѣнье?»

— «Какъ же! Тельга, да пара лошадей.»

— «Но, можетъ быть, у него есть деньги?»

— « И деньги есть: у насъ у обоихъ цѣлковыхъ пять наберется. »

— « Возможно ли!... Да чѣмъ же онъ самъ будетъ жить? »

— « А чѣмъ живутъ птицы небесныя. Баринъ пробирается въ Москву, чтобъ поискать какой ни есть службы; да надежда-то плоха: ни сродниковъ, ни знакомыхъ; найдетъ мѣстечко — хорошо.... »

— « А если нѣтъ? »

— « Такъ дѣлать нечего: авось Христовымъ именемъ проживемъ какънибудь. »

— « Боже мой, Боже мой! » — вскричала Марья Дмитріевна, всплеснувъ руками. — « Кузма Петровичъ сирота, у него ничего нѣтъ и онъ рѣшился.... »

— « Матушка-барышня, ваше благородіе! » — перервалъ Кондратьичъ; — « я вижу, вы человекъ добрый, — будьте

мать родная, не пустите насъ по міру! Ну ужъ такъ и быть, грѣхъ по поламъ! — будетъ и съ васъ и съ него.»

Марья Дмитріевна молчала. Вдругъ лице ея покрылось яркимъ румянцемъ, глаза заблестали, она воротилась назадъ и вошла поспѣшно въ гостиную. Мирошевъ сидѣлъ задумавшись у окна. Увидѣвъ ее, онъ вздрогнулъ и вскочилъ со стула.

— «Кузма Петровичъ!» — сказала Марья Дмитріевна твердымъ голосомъ. — «вы рѣдкій, необычайный человекъ, — я вѣчно буду молить за васъ Бога; но ни за что не соглашусь принять ваше благодареніе.»

— «Что это значитъ?» — спросилъ Мирошевъ; — «что съ вами сдѣлалось?»

— «Теперь я знаю все,» — продолжала Марья Дмитріевна: — «вы сами ничего не имѣете; вы такой же сирота, какъ я, и хотѣли уступить мнѣ —

совершенно чужой для васъ и незна-
комой дѣвушкѣ, законное ваше наслѣд-
ство.... О! нѣтъ, нѣтъ! я никогда на это
не соглашусь!»

— «Но если это была воля покой-
ной вашей благодѣтельницы?»

— «Почему вы это знаете? Почему
вы знаете, что происходило въ душѣ
ея, когда она разставалась съ жизнью?
Можетъ быть, умирая, тетушка ваша
благодарила Бога, что Онъ не допу-
стилъ ее поступить такъ несправедли-
во? И неужели вы думаете, что бла-
годѣтельница моя, эта добродѣтельная,
святая женщина рѣшилась бы лишить
наслѣдства роднаго племянника, если бъ
знала, что онъ останется безъ куска
хлѣба?»

— «Вы напрасно это думаете. Я мо-
лодъ, могу служить.... а вы...»

— «Обо мнѣ не беспокойтесь. У меня
нѣтъ ни отца, ни матери; но тамъ —

на небесахъ, есть Отецъ, Который никогда не покидаетъ дѣтей Своихъ. Съ вашей покойной тетушкой была знакома игуменья женскаго монастыря, который недалеко отсюда: она вѣрно не откажется принять меня въ свою обитель.... »

— «Какъ!» — вскричалъ Мирошевъ, «вы хотите покинуть мѣръ?»

— «Да для чего же я въ немъ останусь? Здѣсь я сирота, а тамъ будутъ у меня и мать, и сестры... »

— «Но кто же станетъ заботиться о счастья здѣшнихъ крестьянъ? кто наградитъ добрыхъ людей, которые не покинули васъ въ сиротствѣ?»

— «Вы, Кузма Петровичъ! Это имѣнье принадлежитъ вамъ.»

— «Слѣдовательно, я имѣю право отдать его тому, кому хочу?»

— «Только не мнѣ!» — перервала съ жаромъ Марья Дмитріевна. — «Бога ради,

не мнѣ! Въмѣсто добра, вы сдѣлаете мнѣ зло. Это благодареніе, какъ тяжелый камень, ляжетъ на груди моей. Теперь я ничего не имѣю; но я сплю спокойно, ничто не тревожитъ моей совѣсти; а тогда!... Да неужели вы думаете, что я или забуду вашъ великодушный поступокъ, или, живя сама въ изобиліи, стану равнодушно думать о томъ, что вы племянникъ моей второй матери, мой благодѣтель, терпите нужду, не имѣете пристанища, или, что еще грустнѣе, живете по милости чужихъ людей?... О! эта мысль была бы для меня ужаснѣе и нищеты, и сиротства, и всего на свѣтъ!... Нѣтъ, Кузма Петровичъ, заклинаю васъ Богомъ, не дѣлайте этого!... »

Когда высокое, святое чувство одушевляетъ всѣ черты лица, когда въ нихъ выражается вся неизъяснимая доброта, все великодушіе, къ которому

способно сердце женщины, то если бы эта женщина была и дурна собою, она въ эту минуту становится прекрасною. Что же была Марья Дмитриевна, когда, устремивъ на Мирошева свои небесно-голубые глаза, она просила у него, какъ милости, дозволить ей остаться бѣдной сиротою?... О! въ эту минуту она не походила на существо земное! Ей не доставало только крыльевъ, чтобъ быть ангеломъ небеснымъ. Мирошевъ готовъ былъ упасть къ ея ногамъ; не смотря на свою робость, онъ чувствовалъ, что не можетъ долѣе скрывать любви своей.

— «Если вы не желаете,» — сказалъ онъ, заикаясь, — «владѣть однѣмъ имѣньемъ покойной моей тетушки, то согласитесь, по крайней мѣрѣ, владѣть имъ вмѣстѣ со мною.»

— «Какъ вмѣстѣ съ вами?»

— « Да, Марья Дмитріевна, » — продолжалъ Мирошевъ, — « если вы хотите, чтобъ я не отказался отъ этого наслѣдства, то должны.... вмѣстѣ съ нимъ.... отдать мнѣ вашу руку!... » Больше этого Мирошевъ не могъ сказать ничего, потому-что языкъ его пересталъ двигаться.

Марья Дмитріевна поблѣднѣла, потомъ снова румянецъ заигралъ въ ея щекахъ. Она до того была поражена этимъ внезапнымъ предложеніемъ, что не могла вымолвить ни слова. Кузма Петровичъ былъ такъ же не въ лучшемъ положеніи. Онъ высказалъ то, что было у него на душѣ; но этотъ отчаянный порывъ истощилъ все его мужество: онъ стоялъ какъ приговоренный къ смерти и только думалъ про себя: — « Боже мой! что-то она скажетъ?... » Но Марья Дмитріевна молчала. Вотъ прошло нѣсколько минутъ,

Мирошевъ собрался съ духомъ, мысленно перекрестился и сказалъ: «Марья Дмитріевна, хотите ли вы быть моею женою?»

— «Но вы видите меня въ первый разъ,» — прошептала испуганная дѣвушка; — «вы меня не знаете....»

— «Я вижу, что вы прекрасны!» — вскричалъ съ восторгомъ Мирошевъ, — «и знаю, что вы добры какъ ангелъ! Чего же мнѣ больше?»

Застѣнчивый человѣкъ, когда онъ преодолеваетъ наконецъ это врожденное чувство, очень походить на труса, которому нѣкуда спрятаться: онъ до того можетъ разхрабриться, что его ужъ ничѣмъ не уймешь. Да и любовь дѣло великое: она хоть кому развяжетъ языкъ. Стыдливый и робкій Мирошевъ вдругъ сдѣлался такъ смѣлъ и настойчивъ, какъ будто бы во всю свою жизнь только и дѣлалъ, что изъяснялся въ любви.

Напрасно Марья Дмитріевна просила небольшой отсрочки, Кузма Петровичъ былъ неумолимъ; онъ требовалъ, чтобъ она, не сходя съ мѣста, отвѣчала на его вопросъ. — «Если вы теперь же не рѣшите моей участи,» — говорилъ онъ, — «то я приму ваше молчаніе за отказъ: сей-часъ ускачу въ городъ, укрѣплю за вами Хопровку, отправлюсь въ Москву, умру съ горя, сойду съ ума и уѣду на край свѣта!»

Читатели, вѣроятно, замѣтятъ, что говоря эти слова, Кузма Петровичъ вовсе не заботился о логической постепенности: ему надобно было прежде уѣхать на край свѣта и сойти съ ума, а потомъ ужъ умереть съ горя; но въ этихъ случаяхъ истинное чувство убѣждаетъ лучше всякой логики, и одинъ взглядъ, который высказываетъ всю душу, дѣйствуетъ сильнѣе сотни самыхъ правильныхъ силлогизмовъ. Вы

знаете, что Мирошевъ имѣлъ пріятную наружность, а что онъ былъ добръ и благороденъ, въ этомъ Марья Дмитріевна сомнѣваться не могла; чтожь оставалось ей дѣлать? Разумѣется, она закрыла руками лице, заплакала, потомъ взглянула украдкою на Мирошева, потомъ улыбнулась, потомъ протянула ему руку и сказала: «да!»

Кузма Петровичъ, какъ и всѣ добрые люди, не умѣлъ скрывать своей радости, и всегда спѣшилъ подѣлиться ею съ другими. Натурально, первыя минуты были посвящены безмолвнымъ восторгамъ, еще нѣсколько минутъ увѣренія въ вѣчной любви и вѣрности; потомъ Мирошевъ вышелъ вмѣстѣ съ своей невѣстою въ столовую, позвалъ Лаврентья и Прохора, и сказалъ имъ: «Вотъ ваша барыня!» Лаврентій поклонился, а Кондратьичъ пресбормоталъ

сквозь зубы: «Барыня!.. Ну, пожалуй себѣ барыня, да только не моя.»

— «Марья Дмитріевна,» — продолжалъ Кузма Петровичъ, — «этотъ старикъ былъ моимъ дядькою, или лучше сказать, вторымъ отцемъ моимъ. Онъ давно уже имѣетъ отпускную, но не хотѣлъ никогда меня покинуть. Любите его такъ же, какъ я буду всегда любить Лаврентья и Федосью, которые не оставили васъ въ сиротствѣ. Ну чтожь ты, Прохоръ, на меня смотришь?» — прибавилъ Мирошевъ. — «Кланяйся Марья Дмитріевна: она моя невѣста.»

— «Невѣста!» — повторили въ одинъ голосъ оба старика.

— «Да, мои друзья! Марья Дмитріевна согласилась выдти за меня замужъ и сдѣлать меня самымъ счастливымъ человѣкомъ въ мірѣ. Теперь она моя невѣста, а чрезъ недѣлю, надѣюсь, будетъ моей женою.»

— « Матушка, Марья Дмитриевна! » — вскричалъ Лаврентій, — « честь имѣю поздравить! Батюшка, Кузма Петровичъ!... »

— « Прошу любить меня и жаловать! » — сказалъ Кондратычъ. — « Пожалуйста ручку, матушка! Ну, слава Тебѣ Господи! Вотъ ужъ будетъ парочка!.. Ухъ, батюшки! отлегло отъ сердца!... Такъ Хопровка-то теперь наша, Кузма Петровичъ? »

— « Разумѣется, » — отвѣчалъ съ улыбкою Мирошевъ. — « Это приданое моей невѣсты. »

ГЛАВА VIII.

КАКЪ МАРЬЯ ДМИТРИВНА ВЕШЛА ЗАМУЖЬ ЗА КУЗЬМУ
ПЕТРОВИЧА, И КАКЪ ПОКОЙНАЯ ЕГО ТЕТУШКА ВЛАГО-
СЛОВИЛА ЭТОТЪ СОЮЗЪ.

Радостная вѣсть о помолвкѣ помѣщи-
ка сельца Хопровки съ Марьей Дмит-
ріевной Терпуговой облетѣла въ нѣ-
сколько минутъ всѣ крестьянскія избы.
Староста Парфѣнь, у котораго отъ вче-
рашней попойки голова едва держалась
на плечахъ, явился первый съ поздрав-
леніемъ. Вслѣдъ за нимъ пришли ста-

рики и всѣ тягловыя поклониться будущей своей барынь; одни изъ усердія, другіе изъ крестьянской политики, третьи изъ любопытства, а большая часть для того, чтобъ при сей вѣрной аказіи опохмѣлиться и выпить по чаркѣ барскаго вина. Прохоръ Кондратьичъ, какъ человекъ знающій порядокъ, стоялъ уже въ лакейской, держа въ одной рукѣ штофъ, заткнутый клочкомъ бумаги, а въ другой рюмку съ отбитой ножкою. Женихъ и невѣста вышли къ своимъ крестьянамъ; мужички, какъ слѣдуетъ, повалились въ ноги, пожелали имъ *совѣта и любви*, и отправились по домамъ рассказывать своимъ женамъ, какъ ихъ баринъ стоялъ рядышкомъ съ невѣстою, какъ она держала его за руку, и какъ они оба весело и любовно другъ на друга поглядывали. Одинъ Федоръ Безпалой, у котораго раздутое отъ браги лице ло-

снилось, какъ покрытое лакомъ, возвратясь домой, не хотѣлъ ничего отвѣчать на разспросы своей жены, а только бормоталъ про себя: — «Ну ужъ отподчивали! по чаркѣ вина! эка невидаль!... Да и чарка-то съ наперстокъ — въ руки взять нѣчего! Хоть бы по ковшику бражки поднесли!»

По просьбѣ Марьи Дмитриевны свадьба была отложена на двѣ недѣли. Объ этомъ такъ же очень хлопотала Федосья. — «Нельзя же, батюшка Кузма Петровичъ» — говорила она — «въ одну недѣлю снарядить невѣсту какъ слѣдуетъ; вѣдь это не около пальца обвести. Конечно, покойница позапасла кое-что для барышни; да мало ли что еще надобно: и наволоки не готовы, и сорочки не прострочены, и то и другое.... Дай, отецъ мой, справиться. Вѣдь поспѣшишь, людей насмѣшишь!»

Наконецъ наступилъ день свадьбы. Это было въ воскресенье. Приходская церковь Хопровскихъ жителей находилась въ селѣ Вознесенскомъ, до котораго было не далѣе трехъ верстъ. Часовъ въ восемь поутру стояла уже у крыльца господскаго дома запряженная четверкою врядъ древняя колымага, въ которой обыкновенно ѣзжала покойница къ обѣднѣ. Женихъ и невеста сидѣли въ гостиной; глаза у невесты были заплаканы: это въ порядкѣ вещей; но отъ чего Кузма Петровичъ былъ такъ же невеселъ? отъ чего и на его глазахъ блистали такъ же слезы? О! на это была весьма важная причина! Можетъ быть, нынче, она покажется совершенно ничтожною; но отцы и дѣды наши не такъ объ этомъ думали. Кузма Петровичъ и Марья Дмитриевна ѣхали вѣнчаться, а ихъ нѣкому было благословить. У дверей сто-

яли: Федосья, Кондратьичъ и Лаврентій; они смотрѣли съ грустію, но безъ всякаго удивленія, на печаль своихъ молодыхъ господъ. Добрые, простодушные люди! они понимали, что въ эту минуту и женихъ и невѣста вполнѣ чувствуютъ свое сиротство.

— « Чу! » — прошепталъ Кондратьичъ, — « благовѣсть! »

— « Сегодня служба будетъ пораньше, » — сказалъ Лаврентій; — « вѣдь послѣ обѣдни вѣнчанье, а тамъ молебень.... Не пора ли, батюшка, Кузма Петровичъ? »

— « Да, пора! » — промолвилъ Миронъ, вставая. — « Послушайте, мои друзья, » — продолжалъ онъ, — « мы оба сироты, — насъ нѣкому благословить. Федосья и ты, мой добрый дядька, возьмите образъ и благословите насъ вмѣсто отца и матери. »

Лаврентій побѣжалъ въ образную, принесъ икону Спаса Нерукотворенна-

го, — и вѣрно съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ этотъ христіанскій обычай въ нашемъ отечествѣ, не было пролито слезъ теплѣе и благочестивѣе тѣхъ, которыя лились въ эту торжественную минуту, когда молодые господа, преклонивъ колѣна, принимали благословеніе отъ собственныхъ слугъ своихъ. Федосья и оба старика плакали навзрыдъ. О, конечно, родные отецъ и мать не могли бы усерднѣе молиться за дѣтей своихъ, какъ молились они Господу Богу, чтобъ Онъ ниспослалъ благодать и милость Свою на этихъ двухъ безродныхъ сиротъ!

Когда Мирошевъ пріѣхалъ съ своей невѣстою въ церковь, въ ней было еще довольно просторно; но къ концу обѣдни она до того наполнилась народомъ, что почти нельзя было пошевелиться. Едва ли гдѣ нибудь любопытство видѣть молодыхъ подъ вѣнцомъ дохо-

дигь до такого неистовства, какъ у насъ въ Россіи: стóбитъ только растворить церковныя двери и впускать всѣхъ безъ разбору, такъ въ нѣсколько минутъ не останется свободнаго мѣста ни для священника, ни для молодыхъ. И старики, и дѣти, и мужчины, и женщины, всѣ считаютъ какой-то обязанностію войти въ церковь, не молиться, — объ этомъ во время вѣнчанья никто не думаетъ, — а такъ, взглянуть, если можно, на жениха и невѣсту, или хоть издалека послушать, какъ поютъ: «Исаія ликуй.» — Спросите, у кого хотите, изъ этихъ любопытныхъ, за чѣмъ онъ ломится въ двери? за чѣмъ даетъ себя давить и давить самъ другихъ? однимъ словомъ: за чѣмъ онъ пришелъ въ церковь если вовсе не думаетъ молиться? и онъ вѣрно будетъ вамъ отвѣчать: «какъ зачѣмъ? свадьба!» — Другой причины вы отъ

него не добьетесь. И это бываетъ въ городахъ, гдѣ дворянскія свадьбы все не рѣдки; представте же себѣ, какая была давка въ деревянной маленькой церкви села Вознесенскаго, когда пронесся слухъ, что въ ней будетъ вѣнчаться помѣщикъ сельца Хопровки, съ офицерской дочерью, которая жила у покойной княжны Бирдюковой. Лишь только обѣдня отошла, Прохоръ Кондратьичъ, при помощи дьячка, порастолкалъ кой-какъ народъ и обрядъ вѣчанья начался.

Кузма Петровичъ и Марья Дмитріевна во все время такъ усердно молились, что не замѣтили даже двухъ молодыхъ человѣкъ, которые смотрѣли на нихъ болѣе, чѣмъ съ любопытствомъ. Одинъ изъ нихъ былъ въ военномъ мундирѣ, другой въ нѣмецкомъ кафтанѣ. — «Видишь ли этихъ господъ,» — шепнулъ Лаврентій на ухо Кондрать-

ичу, — «вонъ что въ мундирь-то? Это гарнизонный прапорщикъ Малышевъ: онъ сватался за Марью Дмитриевну.»

— «Право?»

— «Какъ же! Да не по Сенькѣ шапка!»

— «А что?»

— «Да такъ: забрили молодцу затылокъ! А вотъ другой-то, дѣтина такой видный, приказный изъ Саратова, и онъ, говорятъ, хотѣлъ сваху заслатъ; да ужъ мы бы ее порядкомъ со двора спровадили. Велика фигура, — приказный! да еще съ подбитымъ глазомъ — и туда жъ нарохтился — подъячій!...»

Если читатели замѣтятъ, что Лаврентій за недѣлю до этого говорилъ совсѣмъ другое, то я попрошу ихъ не судить его слишкомъ строго за это невинное хвастовство. Онъ уважалъ Марью Дмитриевну какъ свою барыню и любилъ

какъ дочь родную; а сколько есть отцевъ и матерей, которые, говоря о женихахъ своей дочери (ихъ обыкновенно бываетъ очень много), поступаютъ точно такъ же, какъ Лаврентій, и подь часъ отказываютъ даже тѣмъ женихамъ, которые вовсе и не думали свататься.

Когда молодые отслужили молебенъ и приложились къ мѣстнымъ иконамъ, Кондратьичъ и Лаврентій отправились домой, чтобъ встрѣтить новобрачныхъ съ хлѣбомъ-солью, а Марья Дмитриевна предложила своему мужу сходить на могилу покойной его тетки. — «Съ мѣсяць тому назадъ,» — сказала она, идя съ Мирошевымъ по церковной паперти — «я посадила на ея могилѣ кустъ розановъ; сначала онъ очень хорошо принялся, да вдругъ не знаю что съ нимъ сдѣлалось. На прошлой недѣлѣ я служила здѣсь панихиду — жаль было ви-

дѣтъ: цвѣты, которые стали-было распускаться, всѣ завяли, листья облетѣли, совсѣмъ пропаль. Надобно посадить другой. »

— « Хорошо, мой другъ; я прикажу садовнику. »

— « Нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ самой. »

— « Какъ хочешь, мой ангелъ! Да гдѣ же тетущкина могила? »

— « Вонъ тамъ, на той сторонѣ погоста, за березами. »

Молодые подошли къ двумъ толстымъ березамъ, позади которыхъ виднѣлся деревянный крестъ, окрашенный черной краскою. Вдругъ Марья Дмитриевна остановилась. — « Боже мой! » — вскричала она; — « что это значить? »

— « Что ты, мой другъ? » — спросилъ съ безпокойствомъ Мирошевъ.

— « Вы не присылали сюда садовника? »

— « Нѣтъ. »

— « Посмотрите, посмотрите! »

Подлѣ чернаго креста подымался одѣтый яркой зеленью и усыпанный цвѣтами роскошный кустъ розоноуъ.

— « О, матушка, матушка! » — вскричала Марья Дмитріевна, упавъ на могилу своей благодѣтельницы; — « я понимаю тебя: ты благословляешь дитя свое, ты радуешься его счастьемъ! »

Мирошевъ сталъ на колѣни подлѣ жены своей, и тихая молитва этихъ кроткихъ христіанскихъ душъ, которыя слились върою въ одну душу, какъ чистый гиміамъ, вознеслась къ престолу Всевышняго.

— « О, мой другъ! » — сказала Марья Дмитріевна, обнявъ своего мужа, — « теперь нѣтъ сомнѣнья, мы будемъ счастливы! Она благословляетъ нашъ союзъ. Вчера этотъ кустъ походилъ на мертвый трупъ, а сегодня... Посмотри,

какъ пышны. эти розны, какъ свѣжа эта зелень! Видишь ли, какъ блестягь на листочкахъ эти алмазныя капли росы?... О, нѣтъ, нѣтъ! это не роса: это радостныя слезы моей второй матери!»

Теперь, любезные читатели, я разскажалъ вамъ все; вы знаете, кто такой Кузма Петровичъ Мирошевъ и какъ онъ сдѣлался помѣщикомъ сельца Хопровки; но, можетъ быть, вы не знаете, что я до сихъ поръ не приступалъ еще къ моему разсказу, и что все прочитанное вами есть только вступленіе или, говоря языкомъ драматическихъ писателей, экспозиція моей были. Если мнѣ удалось обмануть васъ, если вы прочли эти восемь первыхъ главъ безъ скуки, которая почти всегда бываетъ неразлучной подругою всякаго вступ-

ленія и всякой экспозиціи, то я могу вздохнуть свободно и съ радостію опытнаго моряка сказать: « ну, слава Богу! теперь есть надежда, что я кончу благополучно мое плаваніе: я миновалъ самое опасное мѣсто, не наткнулся на этотъ подводный камень, который такъ страшенъ для всякаго кормчаго, и могу теперь плыть подъ всѣми парусами. » Да, любезные читатели, вступленіе, изложеніе, экспозиція, это такіе камни преткновенія, такія подводныя скалы, что упаси Господи! Предисловіе ничего: это простая отмель, на которой стоитъ маякъ и которую почти всѣ объѣзжаютъ.

Однако жъ, постойте! Вы еще не совсемъ отдѣлались отъ этого длиннаго вступленія. Ради ясности, которую я очень люблю, и для необходимой связи этой истинной повѣсти, мнѣ нужно кой-что еще вамъ пересказать; — да не

пугайтесь! право только два, три слова. Во-первыхъ мнѣ должно васъ предупредить, что эту главу раздѣляютъ съ послѣдующею главою ровно осмнадцать лѣтъ; что эти осмнадцать лѣтъ протекли для Мирошевскихъ какъ одинъ тихій и свѣтлый майскій день, разумѣется не въ Москвѣ, гдѣ май всегда бываетъ хуже апрѣля; который былъ бы очень хорошъ, если бы можно было безъ шубы гулять по улицамъ. У Мирошевскихъ всего навсе дѣтей была одна только дочь, которая родилась въ первый годъ ихъ супружества. Ее называли Варенькой; она была прекрасна, станомъ походила на свою мать, лицомъ на отца, а душой на обоихъ. Пылкое сердце и какалято-наклонность къ мечтательности составляли отличительную черту ея характера: въ этомъ она вовсе была не похожа на своихъ родителей, которые не

давали волю своему воображенію, не летали въ туманную даль, а жили по просту, какъ Богъ велѣлъ,—и вѣрно въ нашъ романтическій вѣкъ показались бы людьми весьма обыкновенными, прозаическими и даже пошлыми. Бѣдняжки! они не знали, что разгульная и буйная жизнь имѣетъ свою поэзію; что жизнь спокойная, не волнуемая страстями, вовсе не жизнь, а прозябаніе; что мы хотя живемъ на сѣверѣ, а должны смотрѣть на западъ, и такъ же, какъ тамъ, думать объ одномъ только земномъ просвѣщеніи, то есть: что мы можемъ забыть о небесной нашей родинѣ; но за то должны предъ наукою благоговѣть какъ предъ святынею и художеству поклоняться какъ божеству.

Въ эти осмнадцать лѣтъ много перемѣнилось въ окрестностяхъ Хопровки. Новохоперскую крѣпость переиме-

новали въ уѣздный городъ, село Вознесенское отъ прежняго помѣщика перешло во владѣніе знаменитаго графа Р*****. Въ близкомъ разстояніи отъ помѣстья Миршева поселилось нѣсколько небогатыхъ дворянъ, и одинъ отставной бригадиръ Иванъ Никифоровичъ Кирсановъ, у котораго было восемь сотъ душъ крестьянъ, а спѣси достало бы и на тысячу. Его село съ огромнымъ барскимъ домомъ расположено было по берегу рѣки верстахъ въ двухъ отъ Хопровки. У этого Ивана Никифоровича Кирсанова.... Да нѣтъ, довольно! Пора кончить это безконечное вступленіе; а не то, пожалуй, вы скажете, что мои два-три слова не упишутся на десяти листахъ бумаги.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

	Стр.
Глава I. О томъ, гдѣ и когда случилось то, о чемъ разсказывается въ этой истинной повѣсти.....	4
Глава II. Откуда происходилъ родъ Мирошевыхъ, и отъ чего у прадеда Кузмы Петровича было двѣ тысячи душъ, а у него только пятьдесятъ.....	20
Глава III. Кто такой былъ Прохоръ Кондратьичъ и какъ онъ выторговалъ тридцать рублей у Нѣмца портнаго.....	45

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Глава IV.	Въ которой доказывается справедливость пословицы: «хорошо тому жить, кому бабушка ворожить».....	67
Глава V.	Сельцо Хопровка. — Первая любовь.....	90
Глава VI.	Чрезвычайное и неожиданное приключеніе.....	124
Глава VII.	Отчаяніе и радость Прохора Кондратьича.....	151
Глава VIII.	Какъ Марья Дмитріевна вышла замужъ за Кузму Петровича, и какъ покойная его тетушка благословила этотъ союзъ.....	184

МИРОШЕВЪ.

ГЛАВА IV.

ГЛАВА V.

ГЛАВА VI.

ГЛАВА VII.

ГЛАВА VIII.

**КУЗМА ПЕТРОВИЧЪ
МИРОШЕВЪ.**

**РУССКАЯ БЫЛЬ
ВРЕМЯНЪ ЕКАТЕРИНЫ II.**

СОЧИНЕНІЕ

М. Н. Загоскина.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФИИ НЕКОЛАЯ СТЕПАНОВА.
1847.

**КУЗМА ПЕТРОВИЧЪ
МИРОШЕВЪ.**

РУССКАЯ БЫЛЬ

ВРЕМЯ ЕКАТЕРИНЫ II.

СОЧИНЕНИЕ

М. Н. Загоскина.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФИИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.
1847.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Февраля 16 дня 1847 года.

Ценсоръ и Кавалеръ *И. Снегиревъ.*

ГЛАВА IX.

Нѣсколько новыхъ лицъ, съ которыми нужно
познакомиться читателямъ.

Я думаю, вы не забыли, что передъ домомъ Кузмы Петровича, на самой срединѣ двора, росла вѣтвистая черёмуха. Въ тысяча семь сотъ осьмидесятомъ году, въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, то есть часу въ седьмомъ послѣ обѣда, подъ тѣнью этой черемухи, за круглымъ столомъ, на которомъ ки-

пѣлъ самоваръ, помѣщики сельца Хоп-
 ровки угощали чаемъ своихъ сосѣдей.
 Около самовара хлопотала барыня лѣтъ
 за тридцать, съ такимъ привѣтливымъ
 и миловиднымъ лицомъ, что нельзя
 было на нее не полюбоваться. Вы, я
 думаю, не вдругъ бы узнали въ этой
 румяной, бѣлолицей и плотной бары-
 нѣ прежнюю вашу знакомую Марью
 Дмитриевну Терпугову. Изъ юной кра-
 савицы съ воздушнымъ станомъ Силь-
 фиды, про которую Прохоръ Конд-
 ратьичъ говорилъ, что она того и гля-
 ди переломится, Марья Дмитриевна сдѣ-
 лалась дородной женщиною съ пре-
 краснымъ лицомъ—это правда,—но во-
 все не съ гибкимъ станомъ. Противъ нее
 сидѣлъ мужчина лѣтъ сорока двухъ или
 трехъ; онъ такъ мало перемѣнился, что,
 взглянувъ на него, вы тотчасъ бы
 сказали:—« Это Кузма Петровичъ! »—
 Однако жъ волосы его начали сереб-

рится, а на лбу и около глазъ, въ которыхъ выражалось совершенное спокойствіе, стали показываться кой-гдѣ морщины. Ему подавала чашку, наливала въ нее сливокъ и всячески старалась услуживать дѣвушка лѣтъ семнадцати, прелесть собою, съ задумчивыми голубыми глазами, очаровательной улыбкою, высокаго роста, стройная какъ пальма.... Извините! это сравненіе вовсе не русское; да вѣдь не лѣзя же сравнить тонкой и ровный станъ прекрасной дѣвушки съ русской сосною;—не смотря на то, что это сравненіе едва ли не будетъ вѣрнѣе, оно рѣшительно никому не понравится. Что будешь дѣлать! и не хочешь, да идешь по битой тропинкѣ. Кажется, не нужно говорить читателямъ, что эта молодая красавица, дочь Мирошевыхъ—Варенька. Какъ будто нарочно для того, чтобъ показать различіе

между стройнаго и худаго стана, рядомъ съ ней сидѣла барыня лѣтъ тридцати пяти. Въ ней замѣтны были большія претензіи на красоту и ловкость: она безпрестанно ребячилась, кусала губы, щурила глаза и наклоняла на лѣвую сторону свою голову. Эта барыня точно была бы не дурная и видная собою женщина, если бы можно было назвать женщиною однѣ кости, обтянутыя кожею. Не смотря на свои бочки и пышное фуру съ фалборомъ, она была такъ худа, что походила, безъ всякой лести, на существо *бесплотное*, и такъ плоска, какъ будто бы ее сей-часъ пропустили сквозь плющильную машину. Агрипина Львовна Вертлюгица—такъ называлась эта щеголиха — держала себя прежде довольно порядочно и говорила какъ всѣ добрые люди; но съ тѣхъ поръ, какъ побывала въ Москвѣ у родственницы

своей, супруги сенатскаго оберъ-секретаря, Авдотьи Савишны Припекиной, первой щеголихи всего замоскворечья — Агрипина Львовна совершенно перемѣнилась: стала коверкаться, говорить съ ужимками, и употреблять самыя отборныя слова и щегольскія выраженія второкласныхъ модниковъ и модницъ тогдашняго времени*.

Супругъ этой барыни, Илья Сергѣевичъ Вертлюгинъ, сидѣлъ подлѣ хозяина. Это былъ мужчина лѣтъ пятидесяти, но довольно еще свѣжій, росту средняго, съ небольшимъ брюшкомъ, краснощекой, курносый, съ маленькими сѣрыми глазами и важной миною чловѣка, душевно убѣжденнаго въ сво-

* Надъ этимъ вычурнымъ языкомъ, который, разумѣется, никогда не былъ языкомъ хорошаго общества, безъ всякой пощады забавлялся одинъ известный журналъ, который въ 1772 году выходилъ подъ названіемъ *Живописца*.

ей глубокой учености. Надобно сказать правду, онъ точно имѣлъ право гордиться своимъ образованіемъ. Илья Сергѣевичъ былъ изъ духовнаго званія, воспитывался въ семинаріи, доходилъ до риторикки и не возвратился вспять, какъ знаменитый Кутейкинъ Фонвизина; но перешелъ въ гражданскую службу, втерся какъ-то въ милость къ супругъ саратовскаго воеводы и, благодаря этому покровительству, отправленъ *былъ на поживу* въ какой-то небольшой городокъ. Конечно, значительныхъ *акциденцій* Илья Сергѣевичъ тамъ ожидать не могъ; но онъ былъ человекъ терпеливый и держался пословицы: «курочка по зернышку клюетъ, а сыта бываетъ.» — И точно, сначала онъ завелъ себѣ парочку лошадокъ, а тамъ годика черезъ три и домикъ выстроилъ; велъ себя умненько, ни съ кѣмъ

не ссорился и такъ пригрѣлъ себѣ мѣстечко, что прослужилъ на немъ пятнадцать лѣтъ сряду. Межъ тѣмъ благодѣтельница его скончалась, и онъ остался бы совсѣмъ безъ покровителей, если бѣ ему не пришла въ голову счастливая мысль породниться съ какой-нибудь знатной особою. Давно ужъ онъ замѣчалъ, что Агрипина Львовна Припекина, двоюродная сестрица сенатскаго оберъ-секретаря, весьма умильно на него поглядываетъ. Она жила въ одномъ съ нимъ городѣ, въ домѣ своей тетки; Илья Сергѣевичъ посватался, — ему не отказали, онъ женился и вскорѣ, по рекомендаціи новаго своего родственника, переведенъ на другое мѣсто, повыгоднѣе прежняго. Онъ прослужилъ еще пять лѣтъ, купилъ на имя жены сто душъ крестьянъ въ Новохоперскомъ уѣздѣ и вышелъ наконецъ въ отставку съ чиномъ

коллежскаго ассессора. Не смотря на то, что Илья Сергѣевичъ былъ человекъ скупой, онъ одѣвался очень опрятно, всегда въ нѣмецкомъ кафтанѣ, шелковомъ камзолѣ, въ башмакахъ съ пряжками и напудренномъ парикѣ, съ двумя толстыми пучками и длиннымъ пучкомъ, который висѣлъ у него до самаго пояса. Гражданская служба не могла однако жъ изгладить въ немъ совершенно слѣды прежняго воспитанія, и господинъ Вертлюгинъ, не смотря на свою одежду, походилъ болѣе на пожилаго семинариста, чѣмъ на отставнаго подъячаго.

Еще одинъ гость въ долгополомъ синемъ сюртукѣ, который начиналъ примѣтнымъ образомъ бѣлѣть по швамъ, сидѣлъ за общимъ столомъ. Это былъ одинъ изъ ближайшихъ сосѣдей Мирочева, мелкопомѣстный дворянинъ, Андрей Фомичъ Зарубкинъ, самый унижен-

ный и низкоокленный старичекъ лѣтъ шестидесяти. Онъ служилъ когда-то въ бомбардирской ротѣ преображенскаго полка: солдатомъ и, какъ человѣкъ грамотный, употреблялся ротнымъ командиромъ для письменныхъ дѣлъ; потомъ былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ штыкъ-юнкера, и отправился на Хоперь управлять пятнадцатю душами крестьянъ, которыя достались ему по наследству отъ родителей. Андрей Ѳемичъ никогда не былъ женатъ, но всегда велъ себя примернымъ образомъ и, по словамъ собственнакъ его крестьянъ, за нимъ на праздникъ зудожесмызъ не важивалось; притомъ, онъ любилъ водѣ-часъ выпить лишній стаканчикъ вина, никогда не отяжелялся отъ наливки, и не только по праздникамъ, но частехонько и въ будни, бывалъ навеселѣ. Да вѣдь нехвѣя же человеку одному не вы-

пить иногда съ горя—скучно!—«Помилуйте!»—говаривалъ онъ всегда,—«за что меня называть пьяницей? Ну, конечно, я пью вино, потому-что оно веселитъ сердце человеческое; а видалъ ли ктонибудь, чтобъ я валялся въ грязи какъ свинья? или буянилъ, или пѣлъ какія-нибудь непотребныя пѣсни?»—И подлинно, вопреки известному дѣйствию съѣхъ крѣпкихъ напитковъ, Андрей Ѳомичъ чѣмъ болѣе пилъ, тѣмъ становился смирнѣе; но только вино вовсе не веселило его сердце, потому-что онъ обыкновенно при второмъ стаканѣ начиналъ вздыхать, а при третьемъ принимался такъ горько плакать, что приходской пономарь Феропонтъ, съ которымъ онъ особенно часто бесѣдовалъ, не могъ никакъ смотреть на него равнодушно, и всякой разъ возвращался домой съ заплаканными глазами. Лице у Андрея Ѳомича было

красное и все въ морщинахъ; на самой верхушкѣ головы сіяла кругообразная лысина, а на затылкѣ мотался обвитый черной тесемкою жиденькой пучокъ, или, лучше сказать, косичка рыжихъ волосъ съ просѣдью. Зарубкинъ могъ бы назваться чело^вкомъ рослымъ, хотя это вовсе въ глаза не бросалось, потому-что онъ былъ очень сутуловатъ—не отъ природы, а по привычкѣ, и сверхъ того обладалъ необычайнымъ искусствомъ, въ нужныхъ случаяхъ, какъ-то съѣживаться и становиться не только средняго, но даже малаго роста. Это обыкновенно случалось, когда онъ встрѣчался съ чело^вкомъ, который былъ чиновнѣе его или богаче; говорятъ такъ же, что у него язычокъ былъ не очень хорошъ, и что иногда, съ видомъ глубочайшей кротости и какъ будто бы безъ намѣренія, онъ отпускалъ преобидныя вещи

для тѣхъ, которые съ нимъ разговаривали. Хотя Зарубкинъ имѣлъ дурную привычку выносить соръ изъ избы и ссорить межъ собой сосѣдей, но самъ жилъ со всѣми въ ладу, и рѣшительно никогда и ни за что ни съ кѣмъ не ссорился.

Нѣсколько поодаль отъ другихъ сидѣла на особой скамеечкѣ дѣвушка лѣтъ семнадцати, весьма миловидная собою, съ живыми черными глазками и маленькимъ ротикомъ, который улыбался весьма пріятно. Это была Дуняша, воспитанница и фаворитка Марьи Дмитриевны, дочь Лаврентья, который, вскорѣ послѣ смерти жены своей, то есть лѣтъ восемь тому назадъ, отошелъ въ слѣдъ за нею къ своимъ праотцамъ.

— «Что вы, Андрей Ѳомичъ!» — сказалъ Мирошевъ, замѣтивъ, что Зарубкинъ не пьетъ чаю; — «да неужели

вамъ еще не подавали? Хозяйка! чтожь ты это смотришь?»

— «**Подавала, Кузма Петровичъ, да не хочетъ.**»

— «**Что такъ? Сосѣдушка любезный!...**»

— «**Нѣтъ, сударь!**» — отвѣчалъ съ низкимъ поклономъ Зарубкинъ, — «**увольте! Что намъ привыкать къ этому чаю, — не по деньгамъ! Да и пить-то его не хорошо.**»

— «**Отъ чего жъ? Вы прежде у насъ пивали?**»

— «**То было прежде, батюшка, а теперь, какъ мнѣ порастолковали, такъ, воля ваша, какъ-то и совѣсть зазирасть.**»

— «**Полно, братецъ, что ты вздоръ-то говоришь!**» — перервалъ съ важностію Илья Сергѣевичъ Вертлюгинъ. — «**Да развѣ ты не знаешь, что всякое**

зелье и всякой элакъ созданъ на потребу челоуька? »

— «Такъ, сударь, такъ-сь! Да вѣдь это не обо всѣхъ говорится: челоуькъ челоуьку не указъ. Вотъ вы, напрымьрь, ваше высокоблагородіе, вы люди важные, вамъ и Господь Богъ разрѣшилъ; а мы народъ мелкой, съ насъ больше спросится. Я ужъ говорилъ объ этомъ чаъ съ нашимъ приходскимъ пономаремъ, такъ и онъ не очень его похваливаетъ.—«Во всей-дескать кормчей книгѣ нѣтъ на это зелье никакого разрѣшенія, такъ еще Богъ знаетъ, что это за трава такая.»

— «Заслони меня, радость!» — шепнула Варенькъ Агрипина Львовна. — «Я вовсе теряю контенансъ! Слыщишь, чай называетъ травою? . . . Ахъ, шерочка, какъ онъ смѣшонъ—ужасть!»

Кузма Петровичъ проговорилъ что-

то потихоньку Марья Дмитриевна; она улыбнулась и сказала Зарубкину:

— « Да не угодно ли вамъ чаю-то съ французской водкою? »

— « Какъ-съ!... Съ французской водкою-съ? »

— « Да. Въдь этакъ, я думаю, можно? »

— « То есть, изволите видѣть, это ужъ будетъ не чай, а французская водка, разбавленная чаемъ? »

— « Разумѣется. »

— Ну, конечно-съ, это не вредить. Но просто чай,» — продолжалъ Зарубкинъ, принимая съ поклономъ чашку изъ рукъ козяйки, — « воля ваша — не христіанское питье, матушка! »

— « Перестань, лобезный! » — закричалъ Вертлюгинъ. — « Не знаешь ни аза въ глаза, а туда жъ хочешь о законъ толковать! Скажи-ка лучше намъ, какъ это, братецъ, богатый-то нашъ сосѣдъ,

Иванъ Никифоровичъ Кирсановъ, стравилъ тебя вчера съ своимъ дуракомъ Аюнькою?»

— «Да, сударь, привязался ко мнѣ, проклятый! Научили чтоль его — не знаю. Началъ такія непригожія рѣчи говорить, всячески меня морочить; я сначала все въ шутку поворачивалъ, да онъ ужъ больно сталъ нахальничать: натянулъ палецъ, да и счюкъ меня по лосу; я его отпехнулъ, а онъ и драться. А Иванъ Никифоровичъ, чѣмъ бы дурака-то унять, кричитъ: «не поддавайся, Аюнька!» — а тотъ и нуще! Гляжу: ахти! дуракъ-то ужъ до рожи добирается!.. Я и руками и ногами, кричу: «батюшки бѣть! баюшки бѣть!» а его высококордіе такъ и умираетъ со смѣху. Да ужъ сынокъ-то его, Владиміръ Ивановичъ, — дай Богъ ему здоровье, такой добрый! — схватилъ Аюньку за воротъ и оттащилъ прочь;

и все-таки этот шальной разѣ два съѣздили меня по уху. Что будущее дѣлать?»

— «Эхъ, Андрей Ѳомичъ!» — сказала Марья Дмитріевна, — «что это вы такъ даете себя дурачить?»

— Да что жъ, матушка, прикажете дѣлать? Мы люди маленькіе, а его высокородіе человекъ большой; а вѣдь большому кораблю большое и плаванье.»

— «Полно, братецъ!» — перервалъ Вердлюгинъ, — «что это за плаваніе такое? Бьютъ тебя по рожѣ, а ты это называешь плаваніемъ! Не хорошо, Андрей Ѳомичъ, право не хорошо! Ну ачѣмъ ты къ нему таскаешься?»

— «Какъ же, батюшка! я человекъ бѣдный...»

— «То-то и ест — изъ полтинки? А туда жъ хочеть бѣгъ нашимъ бра-

томъ дворяниномъ!... Ну какой ты дворянинъ?»

Багровое лице Зарубкина какъ будто бѣ сдѣлалось еще краснѣе, а на лбу прибавилось нѣсколько морщинъ; но это продолжалось одно только мгновеніе: лице его приняло снова прежній смиренный видъ, онъ проглотилъ свою досаду, и только не могъ скрыть насмѣшливой и коварной улыбки, которую однако жъ почти никто не замѣтилъ.

— «И что такое этотъ Кирсановъ?» — продолжалъ Вертлюгинъ. — «Надменная тварь, про которую можно сказать: «на челъ твоємъ, нечестивый, возлежитъ гордыня, и уста твои глаголятъ тщетная.»

— «Нѣтъ, батюшка, Илья Сергѣевичъ,» — сказалъ Мирошевъ, — «вы напрасно это говорите. Иванъ Никифоровичъ свѣсивъ — это правда, а человекъ добрый... Спросите-ка его мужичковъ:

никто не пожалуется; бѣдныхъ сосѣдей не обижаютъ, съ богатыми не ссорятся; ну, а кто самъ пойдетъ къ нему охотою въ шуты, такъ не прогнѣвайтесь!»

Зарубкинъ взглянулъ изъ подлобья на Мирошева.

— «Вотъ я хоть, напримѣръ,» — прибавилъ Кузма Петровичъ, — «кромѣ ласки отъ него ничего не видѣлъ.»

— «Да, конечно!» — промолвилъ Андрей Ѳомичъ какъ будто бы нѣхотя, — «Иванъ Никифоровичъ со всеми ласковъ; а кабы вы изволили знать, какъ онъ за глаза-то трактуетъ все здѣшнее дворянство?... Эхъ, сударь! говорить-то мнѣ только не хочется!...»

— «И не говорите, Андрей Ѳомичъ!» — перервалъ Мирошевъ. — «Мало ли что болтаютъ заочно.»

— «Да-съ!» — продолжалъ Зарубкинъ, прихлебывая изъ своей чашки. —

« Не мнѣ одному достается. Вотъ намедни изволилъ мнѣ говорить: «Послушай, Зарубкинъ, за что тебя зовутъ Андреемъ Ѳомичемъ? — По мнѣ вотъ какъ: у дворянина душъ пятьсотъ, такъ онъ Андрей Ѳомичъ; не меньше сотни — такъ Андрей Ѳоминъ; а коли и сотни-то не наберется, такъ будетъ съ него, если назовутъ и Андрюшкою.»

— « Вотъ что! » — сказалъ насмѣшливымъ голосомъ Вертлюгинъ. — « Такъ по этому я Илья Сергѣевъ, сирѣчь дворянинъ второй статьи? »

— « Нѣтъ, сударь! Васъ-то онъ и дворяниномъ назвать не хочетъ. »

— « Не хочетъ?... Ахъ, онъ гордецъ! Да чтожъ онъ, штабъ-офицерской-то мой чинъ и въ грошъ не ставитъ? »

— « И я ему докладывалъ. Вѣдь вы, ваше высокоблагородіе, по табели о рангахъ состоите въ маіорскомъ чинѣ. »

— « Чтожъ онъ? »

— « Свое говоритъ: какой-дескать дворянинъ?... Да Богъ съ нимъ, батюшка!... Въдь у него языкъ-то, прости Господи, какъ бритва. »

— « Ну, ну! Что онъ говоритъ? »

— « Ахъ, да! »—вскричала Агрипина Львовна.—« Душенька Зарубкинъ, скажи! Я ужасть хочу знать. Это должно быть безпримѣрно славно! — Ну что жъ говоритъ о моемъ папенькѣ этотъ мусьё Кирсановъ? »

— « Да мало ли что. Не погнѣвайтесь, Илья Сергѣевичъ: я не свои рѣчи говорю. « Хорошъ-дескать дворянинъ, есть чѣмъ похвастаться: съ молодубль кутью, а подъ старость запиваль чернилами. »

— « Заврался, мой свѣтъ! » — перервала Агрипина Львовна.—« Не можетъ быть, чтобъ онъ осмѣлился такъ шпестить моего Илью Сергѣича »

— «Видитъ Богъ, такъ, матушка! Да вотъ хоть вчера, при мнѣ изволилъ сказать: «Ну что за дворянинъ, у котораго отецъ пономарь, а мать про-свирия?» Такой грѣховодникъ, подумаешь!... Одолжите, Марья Дмитріевна, еще чашечку.»

Илья Сергѣевичъ хотѣлъ съ презрѣніемъ засмѣяться, но у него что-то за-сѣло въ горль: онъ поперхнулся, сталъ поправлять свой парикъ, сдернулъ его на сторону, опрокинулъ молочникъ, однимъ словомъ, совершенно растерялся.

— «Эхъ, Андрей Ѳомичъ!»—сказалъ Мирошевъ.—Ну что вамъ за охота пересказывать всякой вздоръ? Мало ли что заочно болтаютъ? Всѣ эти глупости надобно мимо ушей пускать.»

— «Правду изволите говорить,» — подхватилъ Зарубкинъ.—«Я и самъ, батюшка, всякихъ сплетней и переносовъ терпѣть не могу, да это какъ-то къ

слову пришлось. А вѣдь если правду сказать, такъ Иванъ Никифоровичъ любить только пошутить. Человѣкъ онъ добрый и какой набожный, батюшка!...»

— «Набожный!» — перервалъ Вертлюгинъ. — Кто?... этотъ безграмотный баричъ? этотъ гордый Сарданапаль? этотъ тучный Вителій?... Нѣтъ, любезный: наѣхся, упихся, разжирѣхъ, забыхъ Бога живаго!»

— «Да, конечно,» — продолжалъ Зарубкинъ, — «сынокъ лучше батюшки.»

— «Прекрасный молодой человѣкъ!» — сказалъ Мирошевъ.

— «Такой скромный и вѣжливый!» — прибавила Марья Дмитриевна.

— «Ахъ, да!» — подхватила Агришина Львовна. — «Безпримѣрно миль! Ужась какъ славень!»

— «И какой хорошенькой!» — прошептала Дуняша.

Изъ всего общества только двое не похвалили молодаго Кирсанова: {Илья Сергѣевичъ и Варенька. Первый ворчалъ что-то про себя о томъ, что яблочко не далеко отъ яблони падаетъ; а другая въ эту минуту чрезвычайно была занята разсматриваніемъ чайнаго блюдичка и, вѣроятно, для этого наклонилась такъ низко, что вся кровь бросилась ей въ лицо.

— «А какъ онъ хорошо тонцуетъ миनावеть а-ла-рень!» — продолжала Агрипина Львовна; — «какъ неподобенъ въ гавотъ!... О! такихъ дансеровъ не скоро и въ большомъ свѣтъ набъжишь! Я съ нимъ встрѣчалась въ Москвѣ въ разныхъ обществахъ. Однажды меня пригласили на балъ къ ея сіятельству княгинѣ Финиковой — это помнится было.... да, точно такъ!... на святкахъ.... кажется въ *ужмойся*....»

— «Какъ, сударыня?» — спросилъ Мирошевъ.

— «Въ умойся. У насъ въ Москвѣ — понимается въ большомъ свѣтъ — такъ зовутъ субботу. Это уже всеми принято.»

— «Вотъ что! А другіе-то дни, ма-тушка?»

— «У всякаго свое имя: понедѣль-никъ — сѣренькой, вторникъ — пестрень-кой, среда — колется, четвергъ — мѣд-ный тазъ, пятница — сайка, суббота — умойся, воскресенье — красное.»

— «Ну, выдумка!» — воскликнулъ За-рубкинъ. — «Подлинно вѣкъ живи, вѣкъ учишь! Пятница — сайка! четвергъ — мѣд-ный тазъ!... Ахъ батюшки! куда чело-вѣкъ-то мудренъ, подумаешь!»

— «Вотъ на этомъ-то балѣ,» — продол-жала Агрипина Львовна, — «видѣла я въ первый разъ Владиміра Ивановича.

Какъ теперь гляжу: онъ былъ въ зеленомъ бархатномъ кафтанѣ съ стразовыми пуговицами, въ кружевныхъ манжетахъ, распрысканъ духами,—ну такой шармантонъ, что способу нѣтъ! Правда, и все общество было самое бонтовное. Я еще помню, тутъ со мной все танцевалъ какой-то военный мужчина; до смерти надоѣлъ своими декларациями,—ну вотъ такъ и напрашивался ко мнѣ въ болванчики!»

— «Охъ эти мнѣ болванчики!» — сказалъ Вертлюгинъ.

— «Фуи, папенька! какъ тебѣ не стыдно? Ужъ въ свѣтъ такъ принято: всѣ куртизаняты.»

— «А что, сударыня,» — спросилъ Зарубкинъ, надъ которымъ французская водка, разбавленная чаемъ, начала производить обычное свое дѣйствіе,—«осмѣлюсь васъ спросить: чай на

этомъ княжескомъ пиру, не такъ какъ у насъ многогранныхъ, угощенье было отличное?»

— «Какъ же! Всякія фрукты, конфекты, цукаты, питье...»

— «И питье такъ же?»

— «Разумьется! Комнаты были освещены до невозможности; всѣ подсвѣчники литые серебряные...»

— Литые серебряные!... А у насъ и мѣдныхъ нѣтъ!... Прогнѣвали мы Господа!»

— «Илья Сергвичъ,» — сказала Марья Дмитріевна, — «да вы никакъ ужъ плачете?»

— «Грустно, матушка!... Пожалуйте-ка еще чашечку.»

— «Но что всего было лучше,» — прибавила Агрипина Львовна, — «такъ это вотъ что: за ужиномъ на столѣ было

безподобное зеркальное плато, посреди его чрезвычайный храм, а въ храмъ фонтанъ изъ настоящей воды...

— «Фонтанъ!» — воскликнулъ Зарубкинъ. — «О, Господи!»

— «Сирьчь — водометь,» — сказала Вертлюгинъ.

— «Знаемъ, батюшка, знаемъ! Мы въ Петергофъ бывали и Самсона видѣли; да тамъ вода-то стекаетъ въ каналы, а на столъ — помилуйте! куда жъ ей дѣваться?»

— «Экой ты, братецъ, какой! Машина такая сдѣлана.»

— «Чудны дѣла Твои, Господи!» — пробормоталъ Зарубкинъ съ умиленіемъ, принимаясь за третью чашку чая съ французской водкою.

— «Ужинъ былъ безпримѣрно славенъ,» — продолжала Агрипина Львов-

на; — « играла музыка, пѣвчіе пѣлиці
« на бережку у ставка »... »

— « Батюшка, Кузма Петровичъ! » —
раздался вдругъ голосъ челоуѣка, ко-
торый, по видимому, торопился доло-
жить о чемъ-то хозяину.

ГЛАВА X.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ПОСОЛЬСТВО ОТЪ ПАНКРАТЯ ЛУКИЧА
КУРОЧКИНА КЪ КУЗМЪ ПЕТРОВИЧУ МИРОШЕВУ.

Человѣкъ, который помѣшалъ Агрипинѣ Львовнѣ описать со всею подробностію великолѣпный балъ княгини Финиковой, былъ, судя по лицу, лѣтъ семидесяти, но весьма еще бодрый и вовсе не похожій на дряхлаго старика. Его сюртукъ, изъ толстаго сѣраго сукна, былъ подпоясанъ кушакомъ; въ

одной рукъ держалъ онъ кожаный картузь, а въ другой, покрытую различными мѣтками, палку. Она служила ему въ одно и тоже время тростию и памятной книжкою, на которой зарубалось число лѣтъ обмолоченнаго хлѣба, пудовокъ выданной мѣщены, и вообще всѣ предметы прихода и расхода по хозяйственной части. Ровно восемнадцать лѣтъ вы не видѣлись, любезные читатели, съ этимъ старикомъ; но такъ какъ годы не произвели въ немъ никакой перемѣны, кромѣ только того, что клочки сѣдыхъ волосъ, на его затылкѣ, пожелтѣли, а носъ изъ краснаго сдѣлался сине-багровымъ: то я не стану вамъ описывать его наружность, а скажу просто, что этотъ старикъ былъ Прохоръ Кондратьичъ, прежде бывшій дядька Мирошева, а теперь, по смерти Лаврентья, дворецкой Кузмы Петровича и прикащикъ

его отчины, сельца Зеленяя горки, Хопровка тожъ.

— «Что ты, Прохоръ?» — спросилъ Мирошевъ.

— «Да что, сударь, бѣда сдѣлалась.»

— «Что такое?»

— «Воля ваша, намъ отъ Вознесенскихъ житья нѣтъ. Что это за сосѣди — помилуйте!»

— «Да говори скорѣй, что случилось?»

— «Я ссейчасъ былъ въ полѣ, сударь, не далеко отъ выгона; гляжу — бѣжить ко мнѣ пастухъ Федотка — лица на немъ нѣтъ! Ну, думаю, вѣрно бѣда! Вчера видѣли волка, ужъ не зарѣзалъ ли онъ барана или телушку?... Какой волкъ! — хуже, батюшка! Вознесенской прикащикъ, Панкратій Лукичъ Курочкинъ, объѣзжалъ графскія дачи,

да и увидѣлъ, что наша бурая коро-
ва, бѣлый бычокъ, да двѣ свинки пе-
решли за межу.... и добро бы за ней
хоть луга были, а то болото.... »

— « Что жъ, онъ велѣлъ загнать? »

— « Да, сударь. Я бросился къ не-
ву—куда! и къ дому—то близко не под-
пустили: изволить—дескать отдыхать. »

— « Съѣзди опять, да проси отъ
меня. »

— « Дѣлать-то нѣчего, батюшка, по-
клонишься! »

— « Ну! этотъ Панкратій Лукичъ
бѣдовый человѣкъ! » — сказалъ Миро-
шевъ. — « Съ тѣхъ поръ, какъ онъ
здѣсь прикащикомъ, только и слы-
шишь: у того скотину загнали, этого
въ лѣсу съ грибами поймали, того по-
тянули въ судъ, у другаго землю от-
рѣзали »

— « А что будешь съ нимъ дѣлать,
Кузма Петровичъ? » — перервалъ Верт-

люгинъ. — « Волостный прикащикъ его высокографскаго сіятельства! Здѣсь въ уѣздѣ до четырехъ тысячъ душъ у него подѣ началомъ — поди-ка! потягайся! »

— « Сохрани Господи! » — промолвилъ Зарубкинъ: — « послѣднюю рубашку стащить. »

— « Рука-то сильна больно! » — продолжалъ Илья Сергѣевичъ. — « Вотъ мой сосѣдъ, князь Лялинъ, человекъ съ состояніемъ, съ родствомъ, только очень глупый.... »

— « Что это вы, батюшка! » — перервалъ Зарубкинъ; — « да развѣ князя-то бываютъ глупые? »

— « Случается. Вотъ, сударь, этотъ князь Лялинъ не захотѣлъ знаться съ Понкратѣемъ Лукичемъ. « Мнѣ-дескать низко водить компанію съ какимъ-нибудь прикащикомъ »; — анъ прикащикъ-то его и жигнулъ! Подаль просьбу,

да и отхватилъ у него пять сотъ десятинъ земли. Тотъ-было судиться — гдѣ! — Плетью обуха не перешибешь; и мы въ старину дѣла-то ломали—знаемъ! Пять сотъ десятинъ земли присудили отдать его графскому сіятельству, да въ силу какого-то документа, который будто бы по дѣлу открылся, прирѣзали ему же изъ дачей Лялина что ни лучшіе поемные луга по Хопру. Вотъ тебѣ и низко знаться!... То-то и есть, говорятъ: «съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тягайся». А по мнѣ пуще всего: передъ слугою большаго барина къ верху носъ не вздергивай. Ну, конечно, прикащикъ! не велика птица — прикащикъ, — да чей? Въ этомъ-то вся и сила! Вотъ, Андрей Оумичъ, природный дворянинъ, а, чай, этому прикащику въ поясъ кланяется?»

— «Что я, сударь?» — сказалъ Зарубкинъ. — «Мнѣ и Богъ велѣлъ всѣмъ

**

кланяться; ужъ такая моя горькая чаша!»

— «Ну полно, не плачь!» — перервалъ Вертлюгинъ. — «Я не въ обиду тебѣ сказалъ. Если ты въ самомъ дѣлѣ въ поясъ ему кланяешься....»

— «Да какъ же мнѣ ему не кланяться, батюшка?» — подхватилъ Зарубкинъ; — «когда и вы, ваше высокоблагородіе, за полверсты шляпу передъ нимъ снимаете; да и почище васъ Иванъ Никифоровичъ Кирсановъ, и тотъ называетъ его пріятелемъ, говоритъ ему: «любезнѣйшій!» и изволитъ самъ изъ одной чарки водку съ нимъ кушать.»

— «Я его почти не знаю,» — сказалъ Кузма Петровичъ. — «Въ церкви онъ всегда стоитъ на прѣвомъ крилосѣ, а я на лѣвомъ. Поклонимся издали другъ другу, да и только. Богъ съ нимъ! Человѣкъ-то онъ, въ самомъ дѣлѣ, такой неблагонамѣренный: только и ду-

масть притѣснить, да обидѣть сосѣда. Я все дивлюсь, какъ графъ это терпитъ? Вѣдь о немъ идетъ молва, что онъ настоящій русской бояринъ, справедливъ, милосердъ, любитъ и праздники давать, любитъ и Богу помолиться; а ужъ сколько бѣдныхъ людей живутъ его милостью, такъ, говорятъ, и счету нѣтъ!»

— «И, Кузма Петровичъ!» — сказалъ Вертлюгинъ, — «гдѣ такому большому барину все знать? Прикащикъ изъ усердія къ господскому интересу заведетъ несправедливую тяжбу, судья изъ подобострастья къ знаменитому вельможѣ покривитъ душою, а до него-то дойдетъ ужъ яичко облупленное. «У такого-де сосѣда была въ насильственномъ завладѣніи земля вашего сіятельства, но по рѣшенію суда обращена снова въ вашу собственность» — вотъ и все! Что жъ графу-то? иль сказать:

« не хочу брать то, что мнѣ принадлежитъ по законамъ? » Будетъ и того, если онъ, по милосердію своему, не прикажетъ взыскивать за пожилое, да за протори, убытки и волокиты. »

— « Да, конечно! Это ужъ наше несчастіе, что къ его сіятельству такой ябедникъ попался въ прикащики. Да что онъ, отпущеникъ чтоль графской? »

— « Никакъ нѣтъ, сударь, » — сказалъ Кондратьичъ. — « Я доподлинно знаю, онъ крѣпостной человѣкъ его сіятельства; а что онъ этакъ фардыбачится, такъ извѣстное дѣло: « посади свинью за столъ »....

— « Эхъ, Кондратьичъ, что ты это говоришь! » — вскричалъ Вертлюгинъ. — « Кто бы не былъ Панкратій Лукичъ, а онъ все-таки довѣренная особа его сіятельства, волостный прикащикъ, ведетъ хлѣбъ и соль съ узднымъ судъ-

ею и живетъ за понибрата съ нашимъ капитаномъ-исправникомъ. Крѣпостной! Да если графъ захочетъ, такъ онъ завтра же будетъ дворяниномъ. »

— « Ужъ не столбовымъ ли, какъ баринъ мой? » — сказала съ усмѣшкою Кондратьичъ. — « Нѣтъ, сударь, далеко кулику до Петрова дня! »

— « Полно, Прохоръ! » — перервалъ Мирошевъ. — « Что тутъ столбовой, не столбовой! Да баринъ-то Курочкина, самъ графъ, вѣдь ужъ знаменитый бояринъ, — нечего сказать, а кто онъ былъ прежде? »

— « Да ужъ правда ли, Кузма Петровичъ? » — промолвилъ вполголоса Вертлогинъ. — « Не можетъ статья, чтобъ его сѣятельство былъ съ молоду.... ну, вы знаете что? »

— « Помилуйте! да это всѣмъ извѣстно. »

— «Въ самомъ дѣлѣ? Ну вотъ изволите видѣть!»—вскричалъ торжественнымъ голосомъ Илья Сергѣевичъ.—«И послѣ этого какой нибудь дворянчикъ Кирсановъ смѣетъ говорить.... Да только — воля ваша! неужели дѣйствительно его высокографское сѣятельство происходитъ изъ людей низкаго званія?...»

— «Ну, да! и вовсе этого не стыдится; оттого что онъ человекъ отличнаго ума, и если не по роду, такъ по дѣламъ и душѣ своей истинный вельможа.»

— «О, конечно!... Если онъ самъ этого не стыдится.... такъ разумѣется.... Но все-таки, Кузма Петровичъ, говорить-то объ этомъ не слѣдуетъ.»

— «Не безпокойтесь! Онъ самъ объ этомъ говорить. Мнѣ рассказывали, будто бы однажды, когда у него полонъ домъ былъ гостей, ему показалось, что

сынъ его возгордился: вотъ онъ и ска-
залъ во услышаніе всѣмъ, что пока-
жетъ рѣдкость, то есть, платье, кото-
рое онъ носилъ въ молодости; да и
велѣлъ принести въ гостиную — знаете
ли что?... сѣрый крестьянской зипунъ.»

Вертлюгинъ не усидѣлъ на мѣстѣ.

— «Что вы это, Кузма Петровичъ?» —
вскричалъ онъ, вскочивъ со стула. —
«Побойтесь Бога! Ну можетъ ли быть,
чтобъ его сіятельство захотѣлъ себя
такъ унижить?... Это сочинилъ какой-
нибудь сорванецъ, вольнодумецъ, по-
сквилантъ!... Какая дерзость!... Эхъ
сосѣдушка, любезный!» — продол-
жалъ онъ вполголоса, — «какъ вы не-
осторожны!... Ну если это разойдется
какънибудь?... Иль вы никогда не
читали: «не сварися съ человѣкомъ
сильнымъ, да нѣкогда впадеша въ ру-
цѣ его». Если, помилуй Господи, дой-
детъ какъ-нибудь до его сіятельства....

Да вотъ хотъ этотъ Зарубкинъ, вы думаете онъ дремлетъ? Нѣтъ! все слышитъ. Онъ передастъ Курочкину, Курочкинъ донесетъ графу, графъ доложитъ Государынѣ.... О-охъ, Кузма Петровичъ! молоды вы еще, батюшка, молоды!»

— «Богъ милостивъ!» — перервалъ Мирошевъ съ улыбкою; — «авось пройдетъ даромъ. Да дѣло не о томъ: я хотѣлъ только сказать, что иногда и неродовой дворянинъ достойнѣй уваженія всякаго родоваго, и если бѣ Панкратій Лукичъ былъ человекъ честный, добрый, прямодушный и вышелъ бы какъ нибудь въ дворяне....»

— «Въ дворяне!» — повторилъ сквозь зубы Кондратычъ. — «Нѣтъ еще, погоди! улита ѣдетъ, когда-то будетъ! А теперъ онъ все-таки нашъ братъ холопъ.»

— «Однако жъ сынъ-то у него давно уже офицеромъ,» — сказалъ Илья Сергѣевичъ. — «Графъ записалъ его въ военную службу и вывелъ въ прапорщики. Онъ теперь прѣхалъ въ побывку къ своему батюшкѣ, и вчера вмѣстѣ съ нимъ былъ у насъ въ гостяхъ. Науки, кажется, въ немъ большой нѣтъ; а молодецъ такой видный, вершковъ двѣнадцати росту, держитъ себя прямо, рѣчиствъ, и хотъ говорить отрывисто, но очень внятно.»

— «Ахъ, шерочка!» — шепнула Агрипина Львовна Варенькѣ, — «какой это безпримѣрный уродъ! Такой длинный, деревянный — ну настоящій чурбанъ! Я не знала, что съ нимъ дѣлать. Онъ до того темень въ свѣтъ, что не умѣлъ даже ко мнѣ къ рукъ подойти. Представь, радость: чудъ было не поцѣловалъ меня въ губы! Мужикъ, совершенный мужикъ!»

— «Что это?» — вскричалъ Прохоръ. — «Батюшка, Кузма Петровичъ, у васъ глазки-то лучше моихъ, извольте-ка взглянуть на улицу: никакъ это гонять бурую корову?»

— «Въ самомъ дѣлѣ!» — сказалъ Кузма Петровичъ, подойдя къ забору.

— «А вонъ и бѣлый бычокъ! вонъ и свинки!... Ахти, батюшки! да ихъ гонить Вознесенскій пастухъ! Что за диковинка! какъ это Панкратій Лукичъ умиловивилъ?... Еге! да при нихъ и посоль есть, сударь.»

— «Посоль! какой посоль?»

— «А какъ же?» — продолжалъ Кондратьичъ. — «Вонъ изволите видѣть, позади пастуха ѣдетъ на тельжкѣ дѣтина въ зеленомъ бекешѣ? Вѣдь это ишарь изъ волостной конторы, Антонъ Федотовъ, — такой краснобай, что и сказать нельзя! Посмотрите, какія онъ

начнетъ отпускать вамъ турысы на колесахъ. »

— « Да! » — сказалъ Вертлюгинъ, — « онъ говоритъ съ висока, и его не скоро поймешь; да и самъ-то онъ себя не всегда понимаетъ; а что за рожа!... Андрей Оомичъ, ты знаешь Антона Оедотова? »

— « Какъ же, сударь! Въдь онъ правая рука Панкратья Лукича. Полированный человекъ, батюшка: все говорить по книжному. »

На господской дворъ вошелъ человекъ лѣтъ сорока, весьма опрятно и даже щеголевато одѣтый для деревенскаго писаря; но съ такой уродливой фигурою и такъ глупо ухмыляющемся лицомъ, что при первомъ взглядѣ Кузма Петровичъ едва могъ удержаться отъ смѣха. Этотъ повѣренный въ дѣлахъ господина волостнаго прикащика, подошелъ къ Мирошеву, поклонил-

ся, скосилъ самымъ дурацкимъ образомъ глаза и началъ говорить въ носъ съ какимъ-то присвистомъ:

— « Ваше благородіе-съ, я присланъ отъ Панкратья Лукича-съ, ради того, чтобъ учинить изъявленіе его нижайшаго высокопочитанія, и совокупно принести экскузацію въ несоразмѣрномъ загнаніи скота вашего. »

— « Признаюсь, это нѣсколько меня удивило, » сказалъ Мирошевъ.

— « Таковая случайность, батюшка, Кузма Петровичъ, » — продолжалъ писарь, — « возымѣла свое происхожденіе единственно по незнанію, что оная скотина принадлежитъ особѣ вашего благородія. »

— « Да если бъ и не мнѣ, такъ, право, грѣшно загонять съ болота. »

— « Но рѣченное болото, ваше благородіе, яко неприкосновенная собственность его высоко-графскаго сія-

тельства не долженствуетъ, къ ущербу его интересовъ, подвергаться, безъ всякаго возмездія, попиранію, различныхъ четвероногихъ, топтанію и погрѣвъ; а посему Панкратій Лукичъ собственно только изъ атенціи къ особѣ вашей не обращаетъ сего казуса въ тяжebный искъ, подлежащій законному слѣдствію. »

— « Конечно и за это благодаренъ. Если сказать правду, такъ я не ожидалъ отъ Панкратья Лукича никакого снисхожденія. »

— « Помилуйте, ваше благородіе! Да я осмѣлюсь вамъ партикулярно донести, что Панкратій Лукичъ ни единого оказующаго случая не упуститъ, дабы не поусердствовать о благополучіи и благоповеденіи вашемъ, и ради вящаго доказанія своего эстима персонально явится завтрашняго числа къ вашему благородію. »

— « Милости просимъ! Я очень буду радъ; а межъ тѣмъ не хочешь ли, пріятель, выпить рюмку водки, закусить чего нибудь? »

— « Приношу мое всепокорнѣйшее благодареніе, если милость ваша будетъ!... »

— « Кондратьичъ! попроси къ себѣ господина писаря, да угости его. »

— « Пожалуйте, батюшка Антонъ Федотычъ, » — сказалъ Прохоръ. — « Просимъ покорно! »

— « Сей моментъ, любезнѣйшій! — Панкратій Лукичъ » — продолжалъ писарь, откланиваясь Мироцеву — « находится въ такой надеждѣ, что его почтительный аташементъ къ особѣ вашего благородія доставитъ ему такой авантажъ, что онъ со временемъ удостоится вашей дружеской опробации. »

— « Фу ты батюшки! » — вскричалъ Кузма Петровичъ, когда писарь вошелъ

вмѣстѣ съ Прохоромъ въ людскую; — «ну ужъ точно красной! Да я знаю, при покойной Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, вотъ точно такія посольскія рѣчи печатались въ газетахъ. Гдѣ это онъ набрался такой премудрости?»

— «Да въ нихъ-то и набрался,» — сказалъ Вертлюгинъ. — «Онъ сначала былъ писаремъ при самомъ графѣ и читалъ ему по вечерамъ Санктпетербургскія вѣдомости; да видно поспился немного, такъ его сюда на смиренье и отправили. Однако, что жъ это значить? Курочкинъ не только возвратилъ безъ всякихъ придирокъ загнанный скотъ, да еще прислалъ къ вамъ писаря съ извиненіемъ! Это что-нибудь да не даромъ. Ужъ не пронюхалъ ли онъ, что васъ хотятъ въ будущій дворянскій съездъ выбрать въ капитанъ исправники, или въ уѣздные судьи?»

— «Что вы, Илья Сергѣичъ, помилуйте, какой я судья! Вотъ вы, дѣло другое: васъ секретарь за носъ водить не станетъ.»

— «Надѣюсь!» — промолвилъ съ улыбкою Вертлогинъ.

— «А я» — продолжалъ Мирошевъ — «человѣкъ военный, законовъ вовсе не знаю. И кто на выборахъ станетъ обо мнѣ хлопотать? Охотниковъ и безъ меня много.»

— «Да вѣрно же есть какая нибудь причина, что Курочкинъ такъ въ глаза вамъ забѣгаетъ?»

— «Какая причина! Я думаю, просто добрый стихъ нашолъ.»

— «Нѣтъ, батюшка Кузма Петровичъ,» — сказалъ Зарубкинъ, — «и я такой же вѣры: что нибудь да есть!»

— «Постойте-ка!» — шепнулъ Вертлогинъ. — «Вотъ эта дѣвица, что жи-

веть у васъ въ домъ, фаворитка Марья Дмитриевны.... »

— « Дуняша, дочь покойнаго моего прикащика Лаврентья? »

— « Вѣдь она вольная? »

— « Какъ же. »

— « И вы, помнитса, мнѣ сказывали, даете за нею въ приданое восемь сотъ рублей? »

— « И больше дамъ. Мы съ женою восемнадцать лѣтъ для этого по пятидесяти рубликовъ каждый годъ откладывали. »

— « Такъ знаете ли что? Ужъ не хочеть ли Панкратій Лукичъ посватать се за своего сына? »

— « А что вы думаете?...! Да нѣтъ! ему эта невѣста бѣдна покажется. »

— « А богатая-то за него не пойдетъ. Послушайте, Кузма Петровичъ: вѣдь, между нами будь сказано, ктожъ захочеть породниться съ Курочки-

нымъ? Конечно, сынъ его оберъ-офицеръ, да посмотрѣли бы вы — какой! Къ ставцу лицомъ състь не умѣеть. А самъ-то онъ что? Крѣпостной челоувкъ, холопъ; чуть не угодилъ барину, такъ, глядишь, и заставятъ свиней пасти. Ну, конечно, теперь нѣчего дѣлать, прїѣдетъ въ гости, посадишь, оставишь и пообѣдать; но включить въ семейство — нѣтъ! ужъ это, батюшка, извините! Всему есть мѣра.»

— «Что у васъ за секреты такіе?» — спросила Марья Дмитріевна.

— «Такъ, ничего, мой другъ!» — отвѣчалъ Мирошевъ.

— «Однако жъ» — продолжалъ Вертлюгинъ, вставая — «солнце-то совсѣмъ ужъ сѣло, пора по домамъ.»

— «Въ самомъ дѣлѣ, папенька, ужъ поздно,» — сказала Агрипина Львовна, надѣвая свою мантилью съ капишонъ.

— «Что вы такъ торопитесь?» — проговорила почти нѣхотя Марья Дмитріевна.

— «Еще рано, Илья Сергѣевичъ,» — прибавилъ Мирошевъ. — «Пужинайте у насъ.»

— «Нѣтъ, Кузма Петровичъ, надобно ѣхать зѣсвѣтло. Вы знаете, подлѣ моей деревни оврагъ, спускъ такой екверный—по косогору, а жена у меня такая трусиха....»

— «Неправда, монъ-шеръ! Ты трусишь больше моего. Прощайте, Марья Дмитріевна!»

Вертлюгины распрощались съ Мирошевыми и пошли за ворота, гдѣ стоялъ ихъ огромный фаэтонъ на пасахъ. — «Ну что, радость,» — сказала Агрипина Львовна Варинькѣ, которая провожала ее до экипажа, — «ты прочла мои книжки?»

— « Нѣтъ еще, не всѣ, » — отвѣчала Варинька.

— « Которую же ты теперь читаешь? »

— « Любовный вертоградъ, или Преодолимое постоянство Камбера и Арисены. »

— « Ахъ, шерочка! не правда ли, какая это прекрасная книжка?... Какъ неподобенъ этотъ Камберъ! — Я воображаю, что онъ точно такой же былъ, какъ Владиміръ Ивановичъ Кирсановъ!... Ну что, радость, онъ у васъ, по прежнему, часто бываетъ? »

— « Да-съ, раза три въ недѣлю. »

— « Не будетъ ли онъ послѣ завтра? »

— « Не знаю. »

— « Ахъ, Варинька, какъ онъ милъ! Безпримѣрно милъ!... Я отъ него безъ ума — почести безъ ума!... Фу, какъ

это глупо!... Что жъ я тебѣ разсказываю!... Прощай, шерочка!»

— «Садись-же, матушка!» — закричалъ Вертлюгинъ, который ужъ давно расположился въ фаэтонѣ. Агрипина Львовна, какъ воздушная Сильфида, вспорхнула на подножку, спотыкнулась и со всего размаха упала въ объятія своего мужа. — «Шалунья!» — сказалъ Илья Сергѣевичъ, тронутый ласкою своей супруги. — «Такъ ты меня любишь?»

— «Какъ же, мой жизненочекъ!»

— «Ахъ ты моя голубушка!... Однако жъ, постой-ка, мой другъ... да ты, кажется, разбила мнѣ голову до крови носъ... Ну такъ и есть!»

— «Ничего, папенька! примочимъ уксусомъ.»

— «Пошолъ скорѣй домой!» — закричалъ Вертлюгинъ, приложивъ къ разбитому носу свой платокъ.

— «Варинька! Дуняша! ступайте въ комнату,» — сказала Марья Дмитріевна; — «на дворъ становится что-то сыро. А вы куда, Андрей Ѳомичъ?»

— «Да вотъ зайду въ людскую, матушка,» — отвѣчалъ Зарубкинъ; — «попрошу Антона Ѳедотова довести меня домой въ своей тельжкѣ: ему вѣдь по дорогъ. Прощенья прошу, Кузма Петровичъ! Покорнѣйше благодарю за угощенье!.. Марья Дмитріевна! Варвара Кузмичиха! Авдотья Лаврентьевна! счастливо оставаться!»

Варинька и Дуняша пустились бѣгомъ къ дому, а Мирошевъ, идя позади ихъ, шепнулъ женѣ: — «Что ты, мой ангелъ, такъ сухо обходишься съ Агрипиной Львовной? Ты съ нею десяти словъ не сказала?»

— «Признаюсь, мой другъ, мнѣ очень не нравятся ухватки этой модницы.

Въдь ей подь сорокъ лѣтъ, пора бы перестать коверкаться.»

— «Да она и въ восемьдесятъ будеть такъ же ломаться—привычка такая; а въдь дурнаго про нее ничего не говорятъ. Ну, право, Агрипина Львовна добрая и обходительная женщина. Посмотри, какъ она привѣтлива съ нашей Варинькой — и всячески ее ласкаетъ, и книжки ей даѣтъ читать....»

— «Охъ, не люблю я этой дружбы! Ну что Варинька перейметъ у нее хорошаго? Замѣтилъ ли ты, мой другъ, какъ эта Франтиха жеманится передъ Владиміромъ Ивановичемъ? Глазки ему дѣлаетъ, улыбки отпускаетъ,—ну такъ и вѣшается ему на шею. Право, съ стороны гадко смотрѣть!»

— «И, матушка! ужъ это тебѣ такъ кажется. Глазки дѣлаетъ!... Да она всѣмъ глазки дѣлаетъ — и мнѣ, и За-

рубкину, и мужу: ужъ у нее такая натура; и если немножко вольна въ обращеніи, такъ это; просто, свѣтской обычай. Она жила въ большомъ свѣтъ, а тамъ ужъ видно всѣ такъ обходятся другъ съ другомъ.»

— «Такъ Господь съ нимъ, съ этимъ большимъ свѣтомъ!» — сказала Марья Дмитриевна, входя въ домъ. — «Слава Богу, мой другъ, что мы живемъ съ тобой въ деревнѣ!»

ГЛАВА XI,

КОТОРАЯ НАЧИНАЕТСЯ ВЪ ЛЮДСКОЙ, А ОКОНЧИВАЕТСЯ
ВЪ БАРСКОМЪ ДОМѢ.

Въ просторной комнатѣ, которая, по своему расположенію и убранству, походила болѣе на чистую крестьянскую избу съ красными окнами, чѣмъ на то, что мы называемъ комнатою, за большимъ деревяннымъ столомъ сидѣли, другъ противъ друга, старикъ Прохоръ и волостной писарь Антонъ Фе-

*

доточь. Передъ нимъ стоялъ полуштофикъ сѣфсеца, деревянное блюдо съ початымъ окорокомъ ветчины и лежалъ огромный пирогъ, начиненный гречневою кашею.

— « Любезнѣйшій! » — сказалъ Антонъ Федоточь, принимаясь за вторую чарку сѣфсеца, — « да что жъ ты самъ-то не изволишь?... Хоть ради компанства выкушай чарочку вмѣстѣ со мною. »

— « Не пью, Антонъ Федоточь. »

— « Напрасно, Прохоръ Кондратьичъ, — напрасно! Мы бы съ тобой чокнулись; я вышилъ бы за благоденствіе господъ твоихъ и многолюбезной вашей барышни, а ты бы за здравіе.... вотъ хоть нашего прѣзжаго, его благородія Алексѣя Пякратьича Курочкина, который великое и несоразмѣрное желаніе имѣеть лично изъявить вашимъ господамъ свой респектъ и достодолжную всенерацію. »

— « Да что ты, Антонъ Осодотчъ, ничего толкомъ не скажешь? » — перервалъ Прохоръ. — « Что у тебя за слова такія? Ну что за всенерація такая? »

Писарь улыбулся и сказалъ съ довольнымъ видомъ: — « Это, Прохоръ Кондратьичъ, слово уважительно. Кабы ты читалъ Санктпетербургскія ведомости, любезнѣйшій, такъ не сталъ бы меня спрашивать. »

— « А развѣ въ нихъ такія рѣчи есть? »

— « Какъ же!... Вотъ, на примѣръ, какой-нибудь иноземный посолъ начнетъ говорить и то и сѣ, да и скажетъ: « пребываемъ-дескать къ вамъ на вѣки ненарушимо, съ нашимъ глубочайшимъ эстимомъ и всенераціею, сирѣчь нижайшимъ почтеніемъ. А ему, ма прикладъ, такой дадутъ отвѣтъ: « за ваше-дескать тонкое деликатство

и мерить обыщается вамъ всякая милость и пропензія.»

— «Пропензія!... Да что жъ это такое?»

— «Должно быть или доброхотство, или другое какое-нибудь ласкательное слово.»

— «Ну, Антонъ Федоточъ! понабрался ты довольно! Нечего сказать, тёртый калачъ!»

— «Да, пріятель, мы таки, живя при лицѣ его высокографскаго сіятельства, пооболванились, понаторѣли и, какъ изволишь видѣть, изрядную шлифовку получили.»

— «Дѣйствительно такъ, Антонъ Федоточъ! Тебѣ и книги въ руки.»

— «Эхъ, любезнѣйшій! — дайте-ка только форсу Антону Федоточу Каврюгину, такъ посмотрите, куда онъ заметитъ!»

— « Да какъ же ты это залетѣлъ сюда въ писаря? »

— « Обнесли, почтеннѣйшій! Доложили его сіятельству, что будто бы я съ прикащикомъ акциденціи беру и чарочки придерживаюсь. Что будешь дѣлать!... Трудился я съ неутомленнымъ раченіемъ, всякую невразумительную ревность оказывалъ, а попалъ изъ ближнихъ графскихъ писчиковъ въ окаянные земскіе писаря!... Посмотришь, другой человекъ тёмный, неполитичный, а вышелъ какъ вышелъ въ люди! Кому какая планида, любезный! — Да вотъ, напримѣръ, не въ проносъ будь сказано, хоть нынѣшнее то его благородіе, Алексѣй Панкратычъ, конечно, человекъ добрый, смирный, а вѣдь самый ординарный. Я былъ писаремъ при его сіятельствѣ, а онъ что?... дрова носилъ, да печку топилъ; а теперь, по милости графской, титуляріи добил-

ея, въ оберъ-офицерскомъ рангѣ обрѣтается. »

— « А на долго ли онъ къ вамъ въ побывку-то пріѣхалъ? »

— « Въ какую побывку! Онъ вовсе абшить получилъ, сирѣчь: ради хворости и слабости тѣлесной уволенъ въ чистую. »

— « Ради хворости!... Что ты, Антонъ Федоточъ? Да онъ, говорятъ, такой дѣтина здоровенный, что любо дорого взглянуть. »

— « И правду говорятъ, почтеннѣйшій. Алексѣй Панкратычъ поплотнѣе насъ съ тобой, человекъ корпусный, плечистый и кушаетъ съ такимъ несообразительнымъ аппетитомъ, что ужасно видѣть. »

— « Такъ какъ же онъ это?... »

— « А вотъ изволишь видѣть: стали поговаривать, что будто бы вскорѣ имѣеть быть нарушеніе прежнихъ трак-

тѣй съ его цесарскимъ величествомъ, и что безъ всякаго сумнительства воспользуется военная кампанія противъ всей нѣмецкой земли. Вотъ Панкратій Лукичъ и подумалъ: «что-дескать за авантажъ такой, если жизнь моего единороднаго сына довершится на какой нибудь баталіи? иль какая мнѣ состисфакція будетъ, коли оторветъ ему ядромъ руки и ноги, и останется у него одно туловище?» — Подумалъ, да и написалъ сынку: «бери-дескать скорѣй свой обшитъ!» — А тотъ и взялъ.»

— «Вотъ что!... Такъ онъ совсѣмъ на житье къ батюшкѣ?»

— «Думаю, что такъ, любезный.»

— «Вѣдь онъ человекъ холостой?»

— «Да, не женатый.»

— «А сколько ему лѣтъ?»

— «Безъ малаго тридцать.»

— «Такъ не пора ли ужъ о невѣстѣ подумать?»

— « Думаемъ, почтеннѣйшій, думаемъ! »

— « И есть ужъ кто нибудь на примѣтъ? »

— « Вѣроятно. »

— « Такъ за чѣмъ же дѣло стало? »

— « За чѣмъ?... Что ты, Прохоръ Кондратьичъ! Сочетаніе законнымъ бракомъ не что другое, да и сватовство дѣло немаловажное: тутъ потребны и политичное обхожденіе, и засылка свахъ, и разныя другія трактаціи. Вѣдь Панкратій Лукичъ не захочетъ своей амбиціи уронить и, всеконечно, поступокъ свой станетъ такимъ образомъ учреждать, чтобъ ему никакого сомнительства не оставалось. »

— « Понимаю! » — сказалъ съ улыбкою Прохоръ. « Панкратій Лукичъ боится, чтобъ его сынку затылокъ не забрили? »

— «Ну, разумеется, почтенныйшій! Какъ на первыхъ-то порахъ оканфузять, такъ послѣ и покуражиться нельзя будетъ.»

— «Да вѣдь Алексѣй Панкратычъ, говорятъ, молодецъ бравый, офицерскаго чина, и если онъ прищеть себѣ невѣсту по плечу, такъ чего ему бояться? А вѣдь за такими дѣвицами дѣло не станетъ.... Да вотъ хоть и у насъ въ дому, невѣста есть: и собой взяла, и приданое-то въ осмнадцать лѣтъ накопилось порядочное: Кузма Петровичъ каждый годъ откладывалъ....»

— «Прохоръ Кондратычъ!» — перервалъ писарь, взглянувъ на него пристально. «Что жъ это? обозрительная рѣчь чтоль какая, или такъ?..»

— «Знаешь пословицу, Антонъ Федоточъ: попытка не шутка, а спросъ не бѣда.»

— « Въ самомъ дѣлѣ? » вскричалъ писарь. — « Такъ хватимъ же по одной! »

— « Не пью, любезный! »

— « Да что ты, пріятель, татаринъ чтоль?... Не пью!... При такой аказіи всякой православный пьетъ. »

— « Право не могу. »

— « Экой упрямой, подумаешь!... Пришлось пить одному. »

Писарь выпилъ чарку ерофеича, утерся рукавомъ и сказалъ: — « Ну, Прохоръ Кондратьичъ, коли на то пошло, такъ мы съ тобой это дѣльцо поразсортимъ. Вотъ изволишь видѣть.... »

— « Хлѣбъ да соль, ребяташки! » — вскричалъ Зарубкинъ, входя въ людскую.

— « Вотъ нелегкая принесла! » — шепнулъ писарь, вставая.

— « Милости просимъ! » проговорилъ Кондратьичъ сквозь зубы.

— «Я къ тебѣ съ просьбой, Антонъ Ѳедотчъ,» продолжалъ Зарубкинъ.—«Да садитесь, любезные, садитесь!... Я не спѣсивъ: я пожалуй и къ вамъ подсяду,» — примолвилъ онъ, поглядывая на полуштофикъ ерофеича.

— «Помилуйте, батюшка! намъ со-вѣстно!»—сказалъ Прохоръ.

— «Ну, полно, старина! Сиди добро!... Вотъ такъ — подлѣ меня.... Да что это, братцы, вы здѣсь попиваете?»

— «Знатная, сударь, настойка!» — сказалъ писарь.

— «Право?»

— «Не прикажете ли, Андрей Ѳомичъ?»—прибавилъ Прохоръ, наливая чарку.

— «А что, и въ самомъ дѣлѣ, дай выпью! Ночь-то сыренька, такъ это не вредить. За твое здоровье, Антонъ Ѳедотчъ! Пожалуйста, любезный, под-

вези меня: вѣдь ты мимо воротъ моихъ поѣдешь. »

— « Съ моимъ удовольствіемъ. »

— « Такъ закусимъ, братецъ, чегонибудь, да и въ дорогу. »

Зарубкинъ подсѣлъ къ пирогу, отвѣдалъ ветчины, запилъ второй чаркою настойки, снова закусилъ, а тамъ хотѣлъ опять запить, да ужъ въ полуштофъ-то ничего не осталось. Писарь, уходя, шепнулъ Кондратьичу на ухо:— «Послѣ завтра, почтеннѣйшій, какъ пойдешь отъ обѣдни, заверни ко мнѣ въ контору: мы съ тобой кой-о-чемъ по-трактуемъ. »

Теперь я попрошу моихъ читателей вообразить, что послѣ этого разговора прошло около часу, и перенестись вмѣстѣ со мною изъ людской въ столовую комнату барскаго дома. Марья Дмитріевна, поужинавъ, отправилась ходить

съ дочерью и съ своей воспитанницею, Дуняшею, по саду; а Кузма Петровичъ остался въ столовой и толковалъ о полевыхъ работахъ съ своимъ прикащикомъ, Прохоромъ Кондратьевичемъ, который, проводя гостей, пришелъ къ барину за приказаніями. «Слушаю, сударь!» — говорилъ онъ, собираясь идти. — «Я сей-часъ пошлю десятскаго повѣстить по всѣмъ дворамъ, что вы завтрашній день отдаете мужичкамъ, и | а чтобъ на барщину не выходили.»

— «Постой-ка, Прохоръ,» — сказала Мирошевъ. — «Я хочу съ тобою поговорить. Что это значить?... Отъ чего Курочкинъ сдѣлался до насъ такъ милостивъ?... Какъ ты думаешь, вѣдь это что нибудь не даромъ?»

— «Кажись, что такъ, сударь!» — отвѣчалъ Кондратьичъ съ значительной улыбкою.

**

— « Ужъ не хочеть ли онъ »—продолжалъ Мирощевъ—«посватать Дуняшу за своего сына? »

— « Да видно что такъ, батюшка. »

— « Право?... Такъ она для него не бѣдна? »

— « Бѣдна?... Что вы, сударь! Да какую еще ему невѣсту? Вѣдь вы за ней даете, почитай, тысячу рублей въ приданое. Да пусть онъ поищетъ такую невѣсту у насъ въ городѣ... Не найдетъ, видитъ Богъ, не найдетъ! Тамъ онѣ всѣ на счету: двѣ-три купеческія дочки, да межъ приказными есть невѣсть пятокъ, и все такая голь, что упаси Господи!... Чай, у самой-то богатой на пять сотъ рублей приданого нѣтъ. »

— « Вотъ то-то и есть! Ужъ не думаетъ ли Панкратій Лукичъ, что я за Дуняшей поль-имѣнья даю?... Чего

добраго: пожалуй, наговорять и Богъ знаетъ что. »

— « И, сударь, не извольте беспокоиться! Не такой человекъ Панкратій Лукичъ: онъ вѣрно ужъ все до копѣечки знаетъ; а если нѣтъ, такъ погодите, сударь, зашлетъ такую сваху, которая всю подноготную вывѣдаетъ. »

— « А что, Прохоръ, вѣдь это бы не дурно было? »

— « Да, сударь, если онъ точно, какъ говорятъ, человекъ добрый и смиренный; а на чины-то зариться нѣчего. Коли мужъ пострѣль, такъ что за радость женѣ, что онъ ходитъ при офиціи? Вѣдь офицерской-то кулакъ не легче нашего холопскаго. »

— « Разумѣется! Если онъ человекъ недобрый, такъ Богъ съ нимъ и съ его офицерствомъ!... Надобно хорошенько поразвѣдать. Да что ты, Про-

хорь, слышалъ чтоль объ этомъ отъ кого нибудь, иль только догадываешься?»

— « Не фигура догадаться, сударь: писарь Федоточъ почти все мнѣ выболталъ. Сначала говорилъ обиняками, а тамъ ужъ хотѣлъ напрямки сказать, да Андрей Фомичъ зашелъ къ намъ въ людскую, усѣлся съ нами за столъ — о томъ, о семъ, тара-бара, что будешь дѣлать — помѣшалъ какъ помѣшалъ! Однако жъ, Федоточъ шепнулъ мнѣ мимоходомъ, чтобъ я послѣ завтра за-вернулъ къ нему въ контору погово-рить порядкомъ объ этомъ дѣльцѣ. »

— « Смотри же, Прохоръ, узнай все толкомъ. »

— « Да ужъ будьте спокойны, сударь: меня Федоточъ на бобахъ не проведетъ. Что онъ съ высока-то го-

ворить — эка важность! Насъ этимъ не удивишь: мы и съ нѣмцами говоривали!»

— «Вотъ и жена идетъ изъ саду; я съ ней объ этомъ посоветуюсь. Ступай, Прохоръ; да не забудь повѣстить крестьянамъ, что завтра барщины не будетъ.»

— «Слушаю, сударь.»

— «Пора спать,» — сказалъ Мироневъ, идя на встрѣчу къ женѣ. «Прощай Варинька; Богъ съ тобой!» — продолжалъ онъ, перекрестивъ сначала дочь, а потомъ и Дуняшу. — «А ты, Дуня,» прибавилъ Кузма Петровичъ съ улыбкою, — «прошу мнѣ завтра рассказать, что тебѣ приснится — слышишь?»

— «А что такое?» — спросила Марья Дмитріевна.

— «Ничего, мой другъ, ничего!... Пойдемъ спать.»

Варинька и Дуяша, простясь съ Марьей Дмитриевной, отправились къ себѣ на антресоли. Онѣ спали въ небольшой комнатѣ, свѣтлой и опрятной, но вовсе не роскошной. Окны этой комнаты были обращены на дворъ; изъ нихъ можно было видѣть часть деревни и зеленый лугъ, который, опускаясь незамѣтнымъ скатомъ до самаго Хопра, казалось, сливался съ его голубыми водами. Въ старину и богатые люди не очень заботились объ убранствѣ внутреннихъ комнатъ своихъ домовъ; слѣдовательно вы можете себѣ представить, что Варинькина спальня вовсе не походила на комфортабельныя опочивальни нашего времени. Въ ней стояли двѣ простыя деревянныя кровати, одна съ ситцевымъ, другая съ холстиннымъ пологомъ; въ углу кивотъ съ образами; вмѣсто вычурнаго уборнаго столика рококо, покрытый

клеенкою дубовый столъ, на которомъ лежали—не Англійскіе кепсаки съ прелестными гравюрами, а святцы кievской печати съ лубочными картинками; не Бальзакъ, не Дюма, не Жоржъ Зантъ, то есть, съ позволенія сказать, *Madame du Devant*; но *Любовный вертоградъ* знаменитаго Эмипа, *Горестная любовь* Маркиза де Толедо и *Несчастные супруги*, *Италянская повесть*, импьющая печальное окончаніе. Въмѣсто жужетки и спокойныхъ кресель *à la renaissance* стояли три обитыхъ черной кожею стула, а въ замѣнъ огромнаго *псише* висѣло на стѣнѣ небольшое зеркальце въ позолоченой сусальнымъ золотомъ рамѣ, и все это освѣщалось не затѣйливой кенкетюю подъ хрустальнымъ матовымъ колпакомъ, но небольшою стеклянной лампадою, которая висѣла передъ иконами.

Вариньку и Дуняшу дожидалась въ спальной мамушка Игнатъевна, то есть бывшая ключница Федосья, которую давно уже величали по одному отчеству; во-первыхъ потому, что ей было безъ малаго семдесятъ лѣтъ, а во-вторыхъ потому, что она носила почетное званіе мамушки. Игнатъевна всегда сама съ крестомъ и молитвою укладывала почивать свою барышню, а иногда, когда ей не спалось, садилась подлѣ ея изголовья, болтала всякую всячину о старинѣ, о томъ, о семъ, и убаскивала ее своими сказками. Случалось такъ же, — что грѣхъ таить, — когда сонъ ея милаго дитяти казался ей безпокойнымъ, она шептала надъ нимъ разные наговоры, обдувала, и даже иногда опрыскивала еъ уголька водицею. Игнатъевна была очень набожна: она всегда каялась въ этомъ грѣхѣ на исповѣди, общалась своему духовнику

оставить всѣ эти суевѣрные обычаи и примѣты; но лишь только Варинькѣ не поздоровится, или даже чуть-чуть заболить у нее голова, Игнатъевна опять за то же. Правда, она всякой разъ послѣ этого, чтобъ успокоить свою совесть, положить бывало сотни двѣ земныхъ поклоновъ, въ первую обѣдню пойдетъ подъ переносъ и начнѣтъ мѣсяца два сряду понедѣльничать. Все это съ перваго раза должно вамъ показаться не только смѣшнымъ, но даже очень глупымъ—быть можетъ; а подумайте хорошенько, и вы убѣдитесь, что, не смотря на это грубое невѣжество, на эту странную смѣсь вѣры съ суевѣріемъ, въ старину едва ли не тверже вѣрили и ужъ конечно лучше нашего умѣли любить.

— «Что это, матушка Варвара Кузминична, ты такъ рано собралась почивать?» — сказала Игнатъевна; — «а я

думала, что вы еще долго прогуляете. Ночь-то больно хороша: ни одной тучки на небѣ. А полный-то мѣсяць, любу-дорого посмотрѣть! словно новинькой рублевикъ—такъ и свѣтится!»

— « Въ самомъ дѣлѣ! » — перервала Варинька, — «какая прекрасная ночь: свѣтло какъ днемъ. Дуняша, посмотри, какъ хорошо тамъ на рѣкѣ!... Видишь, какъ мѣсяць играетъ по волнамъ?... »

— « Вижу, » — отвѣчала Дуняша. — «Такъ бисеромъ и разсыпается по водѣ.»

— «Какъ ты думаешь — не погулять ли намъ?... Въдь еще рано. »

— «Извольте. Я вовсе не устала.

— «И я такъ же. »

— «Такъ погуляй, мое дитятко!» — сказала Игнатъевна, цалуя Вариньку. — «Погуляй моя родимая!... А я межъ тѣмъ пойду Богу помолось. Да только не ходите по травѣ: чай теперь роса

пала, а вѣдь роса-то не ровна: иная упаси Господи!»

— «Куда же мы пойдѣмъ?»—спросила Дуняша.—«На Хоперь?»

— «Нѣтъ, нѣтъ!» — вскричала съ живостію Варинька.—«Пойдемъ лучше въ садъ.»

— «Да послушайся меня, родная!» — подхватила Игнатъевна:—«пожалуйста не ходите въ рощу.»

— «А что, мамушка?»

— «Да такъ! что туда по ночамъ ходить?... Темноть такая! въ иномъ мѣстѣ и днемъ-то хоть глазъ выколи; еще неравно чего нибудь испугаетесь.»

— «И, мамушка! чего намъ испугаться? Да я же ничего и не боюсь.»

— «Охъ, дитятко, не хвались! Не хорошо, право не хорошо! Ну какъ Богъ попутаетъ, да что нибудь почувдись!... Знаешь ли, что добрые лю-

ди говорить объ этой часовнѣ, что на горѣ?»

— «А что такое?»

— «Да вотъ что: бѣдѣ бы подѣ большіе праздники, а иногда и въ будни, прохожіе видятъ, что тамъ огонекъ теплится.»

— «Ну что за огонекъ, бабушка? — перервала Дуняша.— «Чай какая нибудь гнилушка, или свѣтлякъ.»

— «Гнилушка!» — вскричала Игнатъевна.— «Охъ, ужъ ты разумница! Видишь, тотчасъ и гнилушка! Не успѣла подняться на ноги, а умнѣй другихъ стала!... А прошлую-то субботу на воскресенье въ самую полночь что Парфень-то видѣлъ — гнилушкѣ чтоль?»

— «А что такое онъ видѣлъ?» — спросила Варинька.

— «Охъ, матушка, страшно вымолвить!... Парфень ѣхалъ изъ города;

ночь такъ же была лунная. Вотъ онъ поровнялся съ горою, — глядь на часовню, такъ у него сердце-то и замерло! У самой часовни — съ нами крестная сила! — стоитъ кто-то, сверху весь черный, а съ низу бѣлый, да расту-то аршинъ четырехъ или пяти.... »

Варинька засмѣялась и взглянула украдкою на Дуняшу.

— «Эхъ, барышня, барышня!» — продолжала Игнатъевна; — «ну чему жъ ты изволишь смѣяться?..»

— «Такъ, мамушка, ничего. »

— «На васъ, кажется, была черная мантилья и бѣлое платье?» — шепнула Дуняша.

— «Да!» — отвѣчала Варинька, такъ же шепотомъ.

— «Ну что вы тамъ перешептываетесь?» — спросила Игнатъевна. — «Смѣетесь надъ старухою?... Эхъ, молодость,

молодость!... Вамъ все теперь тринь-трава! Поживите-ка съ мое!... »

— « Прощай, мамушка! » — сказала Варинька, шутя. — « Не дожидайся насъ: мы всю ночь проходимъ. »

— « Что ты, мамушка, Христось съ тобою! » — вскричала Игнатъевна. — « Да если барыня узнаеть, такъ и мнѣ достанется. Погуляйте этакъ съ полчасика, да и будетъ. »

ГЛАВА XII.

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА.

Варинька и Дуняша черезъ дѣвичье крыльцо отправились въ садъ и пошли по прямой дорожкѣ, которая вела въ рощу.

— «Куда же мы пойдёмъ?» — спросила Дуняша. — «Опять на гору къ часовнѣ?»

— «Да!» — отвѣчала Варинька въ полголоса.

— «Что это, какъ вы любите это мѣсто?»

— «Оттуда прекрасный видъ,» — прошептала Варинька.

— «Да, это правда. Кругомъ версть за десять видно, а домъ и вся усадьба Ивана Никифоровича Кирсанова какъ на ладонь. Если ѣхать дорогой, такъ отъ насъ до него, говорятъ, версты двѣ будетъ; а какъ стоишь на горѣ подлѣ часовни, такъ, кажется, всѣ стекла въ окнахъ пересчитать можно. Однажды мы съ вами видѣли, какъ Владиміръ Ивановичъ смотрѣлъ на насъ изъ окна въ подзорную трубку — помните?»

Варинька молчала.

— «Какой прелюбезный этотъ Владиміръ Ивановичъ!» — продолжала Дуняша. — «Такой ласковый, умный и, говорить, предѣбрый; а собой-то какой молодецъ — не правда ли?...»

Варинька опять не отвѣчала ни слова.

— «Да что жъ вы ничего не говорите?» — сказала Дуняша. — «Неужели Владиміръ Ивановичъ на ваши глаза не хорошъ?»

— «О, нѣтъ!» — промолвила Варинька; — «у него очень пріятная наружность.»

— «А какая улыбка!» — подхватила Дуняша; — «а взглядъ-то какой! А особливо когда онъ смотритъ на васъ.... Ахъ ты, Господи Боже мой!... Ну вотъ кажется глаза-то у него такъ и говорятъ!»

— «А что они говорятъ, Дуняша?» — спросила какъ будто бы шутя Варинька.

Дуня улыбнулась. — «Мало ли что,» — сказала она, взглянувъ на Вариньку, которая вся вспыхнула; — «да неужели вы сами этого не замѣчаете? Вѣдь онъ въ васъ влюбленъ.... Да, да! что вы

качаете головой? — это правда! Бѣдненькой! онъ васъ любитъ, а вы его терпѣть не можете. »

— « Почему жъ ты это думаешь? »

— « Какъ почему?... Сначала-то вы были съ нимъ такъ же ласковы, какъ и со всѣми, вовсе его не дичились; бывало и шутите съ нимъ и смѣетесь, да вдругъ, Богъ знаетъ что съ вами сдѣлалось—и отъ чего онъ вамъ такъ опостыльль? Онъ сидитъ подлѣ васъ, а вы тотчасъ и прочь; начнетъ съ вами говорить, а у васъ и рѣчей нѣтъ. Бывало, маменька станеть хвалить его, и вы хвалите; а теперъ никогда ни словечка, только что краснѣете, какъ будто бы вамъ досадно, что его хвалятъ. Вотъ третьяго дня, онъ одинъ остался съ нами въ гостиной; я хотѣла выдти, такъ вы схватили меня за руку, да такъ всѣ и помертвѣли. Вѣдь онъ все это видитъ; каково же ему ,

бѣдняжкѣ!... Нѣтъ! Агрипина Львовна такъ совсѣмъ не то: онъ отъ нее, а она къ нему; а если Владиміръ Ивановичъ начнетъ съ ней говорить, она такъ и растаитъ! Голову на лѣвое плечо, съѣжитъ свой ротикъ сердечкомъ и пойдетъ работать глазами. Ужъ они у нее вертятся, вертятся, и такъ и этакъ. Ахъ, батюшки, что она ими дѣлаетъ!... Я пробовала, да никакъ не могу. Въ прошедшую субботу, помните, онъ пробылъ у насъ цѣлый день. Съ вами что-то сдѣлалось: вы ушли къ себѣ въ комнату, да еще расплакались; Владиміръ Ивановичъ собрался ѣхать, а Вертлюгина за нимъ, настигла его въ столовой, прижала къ стѣнкѣ и пошла разсыпаться! Заговорила съ нимъ о какой-то симпатіи; начала вздыхать, да подымать глаза къ небу; а лицо-то совсѣмъ у нее искривилось, — ну точно припадокъ какой нит

будь. Я подошла поближе; гляжу, — Господи! гдѣ у нее глаза-то? Одни бѣлки остались!—Ну ужъ нечего сказать, мастерица!»

— «Полно, мой другъ! Что ты надъ ней смѣешься? Она, право, добрая женщина. Поди-ка лучше посмотри: мнѣ кажется, калитка заперта.»

Дуняша побѣжала впередъ.—«Нѣтъ, не заперта,»—сказала она, отворяя калитку.—«Ступайте, ступайте!»

Онѣ вошли въ рощу. Игнатъевна говорила правду: въ ней мѣстами было такъ темно, что должно было идти почти ощупью; кой-гдѣ только лунный свѣтъ прорывался сквозь густыхъ вѣтвей и слабо освѣщаль тропинку, которая вела на вершину холма. Привычка много дѣлаетъ; онѣ такъ часто бывали въ этомъ лѣсу, и рано поутру и поздно вечеромъ, что онѣ казался имъ не отдельной рощею, но про-

долженіемъ сада, въ которомъ всѣ уголки были для нихъ знакомы; но не смотря на это, когда онѣ вошли въ глубину лѣса и послѣдній отблескъ луннаго свѣта потухъ среди густой тмы, онѣ крѣпко схватили другъ друга за руки. Этотъ мракъ и торжественное молчаніе ночи невольно подѣйствовали на ихъ воображеніе. Дуняша начала даже трусить. Пробираясь по знакомой тропинкѣ въ гору, она со страхомъ озиралась по сторонамъ и прислушивалась къ шелесту собственныхъ шаговъ своихъ. Птица ли зашумитъ, перелетая съ одного дерева на другое, зашевелится ли ёжъ подъ кустомъ, Дуняша отъ всего вздрогивала и робко прижималась къ своей подругѣ. Варинька молчала. Болтливая Дуняша такъ же не смѣла говорить: она чувствовала, что испугается собственного своего голоса; ей казалось, что

на этотъ голосъ кто-нибудь откликнется, что подлѣ нихъ изъ-за куста аукнетъ мохнатый лѣшій, или захохочетъ лѣсная русалка. Вдругъ на вершинѣ высокаго дуба застоналъ филинъ; Дуняша вскрикнула, схватила за руку Вариньку и пустилась съ ней бѣгомъ по тропинкѣ. Въ полминуты достигли онѣ до опушки лѣса, выбѣжали на открытое мѣсто; ихъ облило луннымъ свѣтомъ, и онѣ вздохнули свободно.—«Ухъ! слава Богу!»—сказала Дуняша, перекрестясь. — «Фу! какъ страшно!...»

— «Трусиха!» — перервала Варинька, у которой такъ же голосъ не много дрожалъ.—«Ну чего ты испугалась? Совы!»

— «Да, сова!... А кто ее знаетъ? Можетъ быть оборотень какой-нибудь.»

— «И тебѣ не стыдно? Ну можно ли вѣрить такимъ глупостямъ!»

— «Вѣрить-то я не вѣрю.... однако жѣ, какъ подумаю, что надобно идти назадъ.... Ухъ, страшно!... Такъ лихорадка и бьетъ.»

— «Бѣдненькая! тебѣ надобно отдохнуть и успокоиться. Пойдемъ къ часовнѣ.»

— «Къ часовнѣ? ... А развѣ вы не слышали, что говорила Игнатъевна?»

— «Да не ты ли сейчасъ надъ нею смѣялась?»

— «Ну, конечно... да это дѣло другое: дома-то я ничего не боюсь.»

— «А здѣсь чего бояться? Посмотри, свѣтло какъ днемъ. Если хочешь, мы воротимся не лѣсомъ. Ты знаешь дорожку между кустовъ, прямо внизъ къ деревнѣ?»

— «Какъ на знать: я сколько разъ по ней ходила.»

— « Ну пойдешь же. »

Онъ подошли къ часовнѣ, помолились передъ иконою и сѣли на скамейку, съ которой можно было окинуть однимъ взглядомъ прелестный видъ обширныхъ полей и холмистыхъ береговъ Хопра, описанный нами въ нятой главѣ сей истинной повѣсти. Это очаровательное мѣстоположеніе становилось еще величественнѣе и прекраснѣе при лунномъ свѣтѣ; всѣ предметы представлялись въ какомъ-то огромномъ размѣрѣ: рощи превращались въ обширные дремучіе лѣса; холмы, кидая отъ себя густую тѣнь, поднимались какъ исполинскія горы, и освѣщенный луною Хоперь извивался широкою серебряной лентою посреди луговъ, которые казались безпредѣльными равнинами. Но вся эта роскошь природы не обращала на себя вниманія Вариньки: она смотрѣла только въ одну

сторону, туда, гдѣ, на крутомъ берегу Хопра, стоялъ обитый тесомъ большой господской домъ, окруженный садами и рощами. По прямому направленію отъ часовни, подлѣ которой сидѣла Варинька, до этой барской усадьбы, казалось, не было и полуверсты. Мѣстахъ въ двухъ или трехъ окны были освѣщены; изрѣдка долетали до внимательнаго слуха Вариньки, то голоса громко разговаривающихъ, то веселые звуки разгульной пѣсни. Мало-по-малу все стало утихать; окны дома темнѣли одно послѣ другаго; вотъ раздался лай цѣпной собаки и зазвенѣла чугунная доска ночнаго сторожа.

— «Кажется, у Кирсановыхъ всѣ спятъ?» — сказала Дуняша. — «Да неужели и Владиміръ Ивановичъ почиваетъ? Онъ мнѣ сказывалъ, что никогда не ложится спать прежде двухъ часовъ ночи.»

*

— «Да почему ты думаешь, что онъ спитъ?»—спросила Варинька.

— «А какъ же? Развѣ вы не видите на право два крайнія окна? Вѣдь вы знаете, что это его комната. Если бѣ онъ не спалъ, такъ въ ней былъ бы огонь.»

— «Да эти окна и прежде не были освѣщены.»

— «Такъ видно онъ гуляетъ. Говорятъ, что онъ съ тѣхъ поръ, какъ началъ къ намъ ѣздить, совсѣмъ перемѣнился, и сталъ такимъ полуночникомъ, что иногда до самаго разсвѣта шатается по лѣсу.»

— «Почему ты это знаешь?»

— «Мнѣ рассказывала Матреша; а она это слышала отъ своей крестной матери Афимьи, кормилицы Владиміра Ивановича.»

— «Такъ эта добрая старушка, Афимья, которую я раза два видѣла въ дѣвичьей....»

— «Ну, да! она его кормилица. Она говоритъ, что Владиміръ Ивановичъ, какъ пріѣхалъ изъ Москвы въ побывку къ батюшкѣ, такъ сначала былъ такой веселый, разговорчивый, а теперь какъ въ воду опущенный: тоскуеть, исхудалъ, не спитъ по ночамъ... а все вы!...»

— * «Почему жъ я?»

— «Потому, что онъ въ васъ влюбленъ.»

— «И, молно, Дуняша!»

— «Да что вы отъ меня таитесь? Ну можетъ ли быть, чтобъ онъ вамъ объ этомъ не намекалъ?»

— «Никогда!»

— «Скажите пожалуйста!... Ну да это отъ того, что онъ не смѣетъ къ вамъ и пристуиться. Попробуйте, будь-

те съ нимъ поласковѣе, такъ онъ сейчасъ за васъ посватается. »

— « Ахъ, Дуня! ты старѣе меня годами, а судишь какъ дитя! Да развѣ онъ можетъ располагать собою? У него есть отецъ. »

— « Ну, конечно, у него есть отецъ; да почему же отцу-то на это не согласиться. »

— « Потому, что онъ очень богатъ. »

— « А вы бѣдны чтоль? Вѣдь Хопровка-то будетъ ваша. Да гдѣ жъ Владиміръ Ивановичъ найдетъ здѣсь невѣсту богаче васъ? »

— « Ребенокъ! » — сказала Варинька съ грустной улыбкою. — « Да развѣ онъ долженъ непременно жениться на какой-нибудь здѣшней барышнѣ? Мало ли богатыхъ невѣстъ и въ Саратовъ, и въ Москвѣ, и въ Петербургъ?... »

— « Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! » — перервала Дуняша. — « Какая же я дура!

вѣдь ему никто не заказалъ жениться въ Москвѣ или въ Петербургѣ; а тамъ, конечно, много и богатыхъ невѣстъ, и графинь, и княженъ.... Ахъ, знаете ли что? Афимья сказывала Матрешѣ, что у Владиміра Ивановича въ Москвѣ есть невѣста. »

— «Право?» — проговорила Варинька протяжнымъ голосомъ, стараясь казаться равнодушною. «Кто жъ она такая?»

— «Говорять, какая-то княжна.»

— «Княжна?... богатая?»

— «Пять сотъ душъ.»

— «И вѣрно молода?»

— «Девятнадцать лѣтъ.»

— «А собой хороша?»

— «Андрей, слуга Владиміра Ивановича, говоритъ, что она прекрасная, распрекрасная собой!»

— «Чтожъ.... они помолвлены?»

Голосъ Вариньки дрожалъ болѣе и болѣе съ каждымъ новымъ вопросомъ; послѣдній едва можно было разобратъ.

— «О, нѣтъ!» — отвѣчала Дуняша. «Вѣдь объ этомъ только еще разговаривали, а настоящаго ничего не было. Сначала, когда Владиміръ Ивановичъ сюда прѣбхалъ, онъ писалъ къ этой княжнѣ письма каждую недѣлю....»

— «А теперь?» — перервала Варинька.

— «Два мѣсяца сряду ни строчки.... Что вы, что вы?...» — продолжала Дуняша. — «Что съ вами?»

Варинька рыдала; она опустила голову на плечо Дуняши и слезы полились рѣкою изъ ея глазъ.

— «Ахъ, барышня, барышня!» — сказала Дуняша голосомъ, въ которомъ отзывался нѣжный упрекъ. — «Зачѣмъ вы отъ меня тайлись?... Вы его любите?»

— « Да! » — прошептала Варинька.

— « И онъ этого не знаетъ? »

— « Нѣтъ. »

— « Такъ постоитъ же, если вы сами не хотите.... »

— « Бога ради! » — вскричала Варинька, вскочивъ съ скамьи; — « что ты хочешь дѣлать? »

— « Да, если Владиміръ Ивановичъ никогда не будетъ знать, что вы его любите.... »

— « Да! я люблю его! » — сказала Варинька съ какимъ-то отчаяніемъ, и глаза ея вспыхнули необычайнымъ огнемъ. — « О! я такъ долго скрывала эту тайну въ душѣ моей, я не смѣла повѣрять ее даже этимъ деревьямъ, не смѣла даже здѣсь, одна, ночью, сказать вслухъ: «Владиміръ, я люблю тебя!» — Пора облегчить мое сердце: оно все изныло. Слушай, Дуняша. Да, я

люблю его; но эта любовь.... О, какъ она ужасна!... Она не радость, не блаженство.... нѣтъ! это адъ со всѣми его мѹками! Когда меня ласкаетъ отецъ или мать, сердце мое разрывается, я — ненавижу, презираю себя! Въ ту самую минуту, когда я читаю въ ихъ глазахъ всю безпредѣльную любовь къ ихъ дочери, я чувствую.... не гляди на меня Дуняша!... да, я чувствую, что люблю его больше отца и матери!... А за что? Не думаешь ли, что я счастлива, когда онъ вмѣстѣ со мною?... О, нѣтъ! Я хотѣла бы высказать ему всю мою душу и — должна молчать. Повнимаешь ли, мой другъ, какъ это тяжело — любить и не смѣть сказать, что я люблю? Когда я не успѣю отъ него убѣжать и онъ начнетъ говорить со мною — о, Дуня, Дуня! если бъ ты знала, что я тогда чувствую!... Сердце мое едва бьется, въ груди горитъ, мнѣ душно!...

Когда я съ нимъ розно, я не живу; когда мы вмѣстѣ—я страдаю! Мнѣ кажется иногда, что я похожу на чело-вѣка, измученнаго жестокой болѣзнію; онъ знаетъ, что болѣзнь его неизлечи-ма, что жизнь для него одно страда-ніе и, не смотря на это, онъ любитъ жизнь, — любитъ ее болѣе всего на свѣтѣ! Въ молитвахъ моихъ я не про-шу Бога о спокойствіи: спокойствіе и равнодушіе — это почти одно и тоже; а я не хочу перестать любить его. Безъ этой любви спокойствіе будетъ для меня все тоже, что смерть для чело-вѣка, измученнаго болѣзнію: и у него такъ же сердце перестанетъ стра-дать, когда оно перестанетъ биться, и онъ такъ же успокоится, когда его опустятъ въ могилу.»

— «Боже мой, Боже мой!» — вскри-чала Дуняша, всплеснувъ руками; — «за-чѣмъ вы его такъ любите?»

— « Ты говоришь правду, мой другъ. Я чувствую, это тяжкій грѣхъ, — не должно такъ любить человѣка.... Да! Владиміръ жизнь моя; но онъ никогда не будетъ моимъ мужемъ и никогда не узнаетъ, какъ я люблю его. »

— « Да по чему же вы думаете, что онъ не будетъ никогда вашимъ мужемъ? Ну, быть можетъ, сначала батюшка его и поупрямится, а тамъ — глядишь, посердится, посердится, да и дастъ свое благословеніе. Вѣдь онъ, говорятъ, безъ памяти любитъ сына. »

— « А свой чинъ и свое богатство еще болѣе. И ты думаешь, что этотъ надменный человѣкъ дозволить единственному своему сыну и наслѣднику жениться на дочери бѣднаго отставнаго поручика? Да можетъ ли это быть?... Нѣтъ, мой другъ, зачѣмъ себя обманывать: Владиміръ Ивановичъ уѣдетъ въ Москву, забудетъ меня; увидится

опять съ своей княжною, женится на ней, или на какойнибудь другой богатой дѣвушкѣ; а я.... Богъ милостивъ, я скоро зачахну съ горя, умру.... Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! я не могу желать и этого: вѣдь я у нихъ одна!»

Варинька закрыла руками лице и горько заплакала. Дуняша молчала и плакала съ нею вмѣстѣ.

— «Пойдемъ!» — сказала наконецъ Варинька, вставая. — «Я думаю, Игнатьевна успѣла ужъ помолиться Богу и вѣрно теперь насъ дожидается.»

Варинька и Дуняша, взявшись за руки, побѣжали внизъ по тропинкѣ, которая извивалась посреди мелкаго кустарника; она вывела ихъ въ нѣсколько минутъ на берегъ рѣки, вдоль которой тянулся довольно большой *порядокъ* крестьянскихъ избъ. Пройдя деревню, онѣ остановились у самаго поворота къ дому, чтобъ взглянуть на Хоперь, ко-

торого струи, освѣщенные полной луною, искрились и блестяли какъ граненый хрусталь. «Ахъ, какъ теперь хорошо на рѣкѣ!» вскричала невольно Дуняша. — «Вѣдь, право, лучше чѣмъ днемъ?»

— «Да,» — отвѣчала отрывисто Варинька, смотря пристально внизъ по теченію Хопра.

— «Что это,» — продолжала Дуняша, — «ни кому не вздумается покататься въ лодкѣ? Теперь-то и настоящее гулянье: днемъ жарко, солнцемъ печеть; а теперь и тепло и прохладно....»

— «А, вотъ посмотри сюда,» — перервала Варинька. — «Видно есть охотники.»

Шагахъ въ пятидесяти отъ того мѣста, гдѣ стояли Варинька и Дуняша, плыла противъ теченія небольшая лодка. Въ ней сидѣлъ одинъ только чет

ловѣкъ; но онъ такъ дружно и искусно работалъ двумя веслами, что челнокъ подвигался впередъ почти такъ же быстро, какъ будто бы онъ шелъ внизъ по теченію рѣки.

— «Дуня!» — шепнула Варинька, схвативъ ее за руку. — «Это онъ!»

— «И, что вы!... Помилуйте! я съ трудомъ вижу, что кто-то сидитъ въ лодкѣ, а вы ужъ и лице разсмотрѣли.»

Варинька приложила руку Дуняши къ груди своей. «Слышишь ли,» — сказала она, — «какъ бѣется мое сердце? О! оно никогда меня не обманывало!... Это онъ!»

— «А вотъ посмотримъ! Станемте здѣсь,» — сказала Дуняша, указывая на ракитовый кустъ, который росъ надъ самой водою, прямо противъ господскаго дома. — «Насъ не будетъ видно, а мы все увидимъ.»

**

Онъ спрятались за кустъ.

Когда челнокъ поровнялся съ домомъ, тотъ, кто управлялъ имъ, пересталъ грести, и только изрѣдка опускалъ веслы въ воду, чтобъ держаться противъ теченія и стоять на одномъ мѣстѣ. Это былъ молодой человекъ лѣтъ двадцати пяти. Ночь была такъ свѣтла, и онъ причалилъ такъ близко къ ракитовому кусту, что изъ-за него можно было безъ труда рассмотреть всѣ черты лица и полюбоваться его прекрасной и благородной наружностью. Длинные черныя кудри, которыя въ деревнѣ не нужно было, изъ рабскаго подражанія французамъ, завивать въ глупыя букли и обезображивать пудрою, падали свободно на его плеча. Голубой плащъ, до половины спущенный, лежалъ у него на коленяхъ, а на голову была надѣта одна изъ тѣхъ польскихъ красныхъ шапо-

чекъ, которыя тогда были въ большой модѣ и назывались *конфедератками*. Предчувствіе не обмануло Вариньку — да! это былъ онъ. Прошло минутъ десять, а челнокъ все стоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ. Владиміръ смотрѣлъ задумчиво на господскій домъ, или лучше сказать, на два окна въ антресоляхъ этого дома; казалось, онъ хотѣлъ проникнуть взоромъ во внутренность небольшой комнаты, слабо освѣщенной лампадою. Вотъ кто-то появился въ ней со свѣчею въ рукѣ, подошелъ къ окнамъ, опустилъ подъемныя рамы, задернулъ гардинки. «Она ложится спать,» — сказалъ про себя Владиміръ. — «Почивай спокойно, мой ангелъ! О, если бъ ты хотя во снѣ, увидѣвъ меня, улыбнулась съ любовью!» — Онъ послалъ по воздуху поцалуи, который отправился прямо въ окно къ мамушкѣ Игнатьевнѣ; потомъ подобралъ веслы, —

челнокъ повернулся и полетѣлъ какъ стрѣла внизъ по теченію рѣки.

Я вѣрю, что истинная любовь вовсе неземное чувство; что человекъ, способный любить со всей непорочною и чистотою дѣтской души, обладаетъ до нѣкоторой степени вторымъ зрѣніемъ шотландцевъ, или ясновидѣніемъ погруженнаго въ магнитическій сонъ, то есть: предчувствуетъ и скорую разлуку, и скорое свиданіе съ тѣмъ, кого любить; узнаетъ по тоскѣ души своей, что тотъ, кого онъ любитъ, боленъ, или по радостному біенію сердца, что онъ близко подлѣ него. Я вѣрю всему этому, можетъ быть, по тому, что я отъ природы чрезвычайно легковѣренъ; и въ слѣдствіе этой увѣренности по неволѣ долженъ сказать, что мужчины вообще или не могутъ любить такъ духовно, какъ любятъ женщины, или любовь Вариньки была несравненно

сильнѣе той, которую чувствовалъ къ ней Владиміръ. Ей сердце оказало, что это онъ, когда глазами она не могла его еще видѣть; почему же Владиміръ, до котораго почти долетало ея дыханіе, не почувствовалъ, что она въ двухъ шагахъ отъ него, притаясь за кустомъ, не сводитъ съ него глазъ, и взоромъ, исполненнымъ неизъяснимой любви, слѣдитъ за каждымъ его движеніемъ?

— «Ну, Дуняша,» — сказала она шепотомъ, когда челнокъ, обогнувъ песчаную отмель, исчезъ за крутымъ берегомъ Хопра, — «не отгадала ли я?»

— «Нѣчего сказать, барышня! зорки глаза у влюбленныхъ.»

— «Вотъ нѣсколько счастливыхъ минутъ въ моей жизни!» — продолжала Варинька. — «Онъ не говорилъ со мною, не видѣлъ меня, не зналъ даже, что я ходю; а мнѣ можно было смотрѣть на

него, любоваться имъ!... О, если бь это наслажденье могло продолжаться годъ.... десять лѣтъ.... всю жизнь мою!... Вотъ, Дуняша, вотъ блаженство, котораго жаждетъ душа моя!... Не знаю, понимаешь ли ты меня?... »

— « Да кто васъ пойметъ, Варвара Кузминична! » — сказала почти съ досадою Дуняша. — « Вы ходите на гору смотрѣть издалека на его окны, онъ прѣзжаетъ по ночамъ въ лодочкѣ глязѣть на наши антресоли, а сойдется вмѣстѣ — такъ ни слова! Ну что это за любовь такая?... Оба вы ничего не видя худѣете, чахнете, не спите по ночамъ.... Ужъ, по моему, лучше одинъ конецъ: пусть онъ попытается, можетъ быть, ему и удастся уговорить своего батюшку.... Только вы-то сами отъ него не бѣгайте. Вѣдь нельзя же ему за васъ посвататься, если онъ будетъ думать, что вы его терпѣть не можете.

Однако жъ, пойдѣте скорѣй домой, а не то бабушка Игнатъевна такую пыль подыметъ, что Боже упаси, и вѣдь все оборвется на мнѣ!»

Дѣйствительно, мамушка встрѣтила ихъ не очень ласково. — «Что это, барышня, не стыдно ли вамъ?» — ворчала она. — «Пошли на полчаса, да часа два проходили! А, чай, все эта озарница?... «Еще погуляемъ! еще погуляемъ!» Посадилъ бы тебя плеть кружево, да по урокамъ, такъ перестала бы полуношничать!... Ну, что смѣетесь?... Молитесь-ка Богу: скоро пѣтухи запоютъ.» — Игнатъевна, уложивъ свою барышню, отправилась спать. Когда все утихло и въ сосѣдней комнатѣ захрапѣли дуэтомъ старуха-мамушка и толстая дѣвка Матрена, Дуняша, которая давно уже замѣчала, что Варинька потихоньку плачетъ, спустилась осторожно съ постели и подошла на

цыпочкахъ къ ея изголовью. «Послушайте!» — сказала она шепотомъ, — «не упрямитесь! Почему знать, что можетъ случиться? Богъ милостивъ! Вѣдь ужъ хуже этого ничего не можетъ быть: того и гляди, что вы оба зачахнете; а если вы подадите Владиміру Ивановичу хотя маленькую надежду....»

— «Никогда!» — сказала перерывающимъ голосомъ Варинька и прижалась лицомъ къ подушкѣ, чтобъ заглушить свои рыданія.

Не знаю, въ какой-то комедіи, кажется, въ *Подложномъ кладѣ*, дядя говоритъ племянницѣ: «Никогда, мой другъ, не надобно говорить никогда.» — Мы увидимъ въ послѣдствіи, могъ ли бы этотъ дядя сказать то же самое Варинькѣ.

ГЛАВА XIII.

КАВЪ АЛЕКСѢЙ ПАНКРАТЫЧЪ КУРОЧКИНЪ РАЗЩИПЪ
СЕБѢ ДОБЪ И ПЕРЕЛОМЛЪ ВИННИЦВОЕ ДЕРЕВО.

На другой день послѣ описанной нами ночной прогулки, часу въ десятомъ поутру, семейство Мирошевыхъ, напившись чаю, сидѣло въ той самой комнатѣ, въ которой, осмнадцать лѣтъ тому назадъ, Кузма Петровичъ въ первый разъ увидѣлъ Марью Дмитриевну. Варинька и Дуняша вышивали въ цѣль-

цахъ; Кузма Петровичъ читалъ Санкт-петербургскія вѣдомости, которыми снабжалъ его, по сосѣдству, Илья Сергѣевичъ Вертлюгинъ; а Марья Дмитріевна вязала филе и посматривала съ примѣтнымъ безпокойствомъ на свою дочь. — «Что это, мой другъ, Варинька,» — сказала она наконецъ, — «ты такъ блѣдна сегодня? Здорова ли ты?»

— «Здорова, маменька.»

— «Да отъ чего жъ ты такъ худѣешь?»

— «Я худѣю?... Что вы! это вамъ такъ кажется.»

Марья Дмитріевна покачала головой.

— «Не худѣть,» — сказала она въ полголоса, — «а платья надобно перешивать! Послушай, мой другъ, если ты что-нибудь чувствуешь, такъ, Бога ради, не скрывай: мы пошлемъ въ городъ за лекаремъ.»

— « Увѣряю васъ, маменька, что я совершенно здорова. »

— « Такъ отъ чего жъ ты въ два мѣсяца такъ похудѣла? »

— « Я тебѣ скажу отъ чего, » — перервалъ Кузма Петровичъ, положивъ на столъ газеты. — « Онъ съ Дуняшей каждый день верстъ двадцать обѣгаютъ. Ужъ я ли не люблю ходить пѣшкомъ, а никакъ за ними не урюняюсь. »

— « Зачѣмъ же такъ много ходить? »

— « И, матушка! не мѣшай имъ. Когда же и погулять, какъ не теперь? Вотъ придетъ дурное время, такъ поневолю стануть сидѣть дома. »

— « Кузма Петровичъ! » — сказалъ Прохоръ, просунувъ свою голову въ растворенныя двери, — « купецъ изъ города. »

— « Какой? »

— « Да вотъ тотъ самый, что на прошлой недѣль торговалъ у насъ »

писеницу, онъ хочетъ съ вами погово-
рить.»

— «Позови его въ гостиную,» — ска-
залъ Мирошевъ, вставая.

— «Слушаю, сударь... да не усту-
пайте, батюшка,» — прибавилъ Прохоръ
въ полколоса, — «дасть!»

Кузма Петровичъ подошелъ къ до-
чери, поцаловалъ ее въ лобъ и сказалъ
выходя изъ комнаты — «Жена, съ че-
го ты взяла, что Варинька сегодня
блѣдна? Посмотри — да она какъ ма-
ковъ цвѣтъ!»

— «Въ самомъ дѣлѣ!» — проговорила
Марья Дмитриевна. — «Что это, Варинь-
ка, какъ ты часто мѣняешься въ лицѣ?»

— «Это отъ того, маменька, что я
долго сидѣла нагнувшись.»

Не знаю, показалась ли Марья Дми-
триевнѣ эта причина удовлетворитель-
ною; но вы, любезные читатели, вѣро-

тно догадаетесь, что Варинька покраснѣла совсѣмъ отъ Другаго, если я скажу вамъ, что въ то самое время, какъ Мирошевъ выходилъ изъ комнаты, подѣвжалъ къ воротамъ, на лихомъ горскомъ жеребцѣ, стройный молодой человѣкъ въ щегольскомъ полевомъ кафтанѣ; онъ вскакалъ молодцемъ на дворъ, спрыгнулъ съ коня, отдалъ его стремянному, который за нимъ вхалъ, и вбѣжалъ на крыльцо.

— «Ахъ, Владиміръ Ивановичъ!» — вскричала съ ласковой улыбкою Марья Дмитріевна, когда гость вошелъ въ комнату. — «Откуда вы такъ рано?»

— «Я ѣздилъ на охоту съ батюшкой,» — отвѣчалъ Владиміръ, поцаловавъ у нее руку и поклонясь Варинькѣ и Дуняшѣ. — «Онъ отправился домой, а я хотѣлъ хоть на минуту завернуть къ вамъ и узнать о вашемъ здоровьѣ.»

— «Не прикажете ли чаю?»

Ч. II.

4

— «Покоривъше васъ благодарю! Я ужъ завтракалъ. А что, Кузма Петровичъ здоровъ?»

— «Слава Богу! Онъ сейчасъ придетъ.»

Варинька встала.

— «Куда ты, мой другъ?» — спросила Марья Дмитріевна.

— «Въ садъ, маменька: надобно полить мои цвѣты.»

— «Я ужъ приказала садовнику.»

— «Да мнѣ и пройтись хочется; я такъ долго сидѣла.»

— «Позвольте и мнѣ погулять вмѣстѣ съ вами,» — сказалъ Владиміръ. — «Я очень люблю вашъ садъ.»

— «Полноте смѣяться, Владиміръ Ивановичъ!» — перервала Мирошева. — «Послѣ вашего великолѣпнаго сада, нашъ незатѣйливый садикъ долженъ вамъ показаться простымъ огородомъ.»

— « Вы можете мнѣ не вѣрить, Марья Дмитріевна; но я, клянусь вамъ честно, что люблю его гораздо болѣе нашего преогромнаго и прескучнаго регулярнаго сада. Когда я смотрю на его зеленыя стѣны изъ липъ и подстриженныя ёлки, то мнѣ всякой разъ кажется, что его не сажали, а строили.»

— « Пойдемъ, Дуняша, » — шепнула Варинька.

— « Вы позволяете мнѣ быть вашимъ кавалеромъ? » — спросилъ ее Владиміръ.

— « Какъ вамъ угодно, » — отвѣчала она едва слышнымъ голосомъ.

— « Ступайте, Владиміръ Ивановичъ, » — сказала Марья Дмитріевна. — « Я и сама сейчасъ къ вамъ приду; теперь лучшее время для прогулки: черезъ часъ будетъ жарко. »

Владиміръ вышелъ вмѣстѣ съ Дуняшей и Варинькой.

— «Какъ онъ милъ!» — прошептала Мирошева, глядя въ слѣдъ за ними. — «Ну, право, я не знаю, кто изъ нихъ лучше.... Ахъ, если бы!... О! тогда бы я умерла спокойно....»

Чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ опять въ комнату Кузма Петровичъ.

— «Гдѣ нашъ гость?» — спросилъ онъ.

— «Пошелъ вмѣстѣ съ Варинькой и Дуняшей гулять по саду.»

Мирошевъ покачалъ головою.

— «Охъ ужъ мнѣ эти гулянья!» — сказалъ онъ. — «Марья Дмитріевна, смотри, чтобъ послѣ не тужить!»

— «О чемъ, мой другъ?»

— «О чемъ?... Да воля твоя, душенька, не худо бы ему порѣже къ намъ ѣздить.»

— «Кому?... Владиміру Ивановичу?»

— «Ну, да!»

— « Помилуй, Кузма Петровичъ! давно ли ты самъ его хвалилъ? »

— « И теперь пожалуй похвалю. Да вѣдь у насъ, мой другъ, дочь невѣста. »

— « Такъ что жь? »

— « Какъ что? Владиміръ Ивановичъ прекрасный мужчина, любезень, уменъ.... »

— « Да, это правда. »

— « Мнѣ кажется, что Варинька ему нравится. »

— « Слава Богу, замѣтилъ! » — перервала Марья Дмитріевна съ улыбкою.

— « А если и онъ такъ же понравится нашей дочери?... Если они полюбятъ другъ друга?... »

— « Тогда онъ посватается, а она вѣйдетъ за него замужъ. »

Мирошевъ опять покачалъ головою.

— « Да что это, мой другъ, ты качашь головой? » — продолжала Марья Дмитриевна. — « Мнѣ кажется, Владиміръ Ивановичъ прекрасная партія для нашей дочери.... »

— « О, конечно!... если бъ у него не было отца. »

— « Ахъ, Кузма Петровичъ! Да не все ли это равно? Вѣдь Владиміръ Ивановичъ единственный его наследникъ. »

— « Не объ этомъ рѣчь, матушка.... »

— « А! понимаю!... Говорятъ, что Иванъ Никифоровичъ вспыльчивъ: ты боишься его крутаго нрава? Да вѣдь онъ, не смотря на это, предобрый человекъ. »

— « Нѣтъ, Марья Дмитриевна, совсемъ не то.... »

— « А, вотъ что! Ты думаешь, что Иванъ Никифоровичъ вдовецъ, и мо-

жетъ самъ еще жениться?... Помилуй! ему за шестьдесятъ!»

— «Нѣтъ, нѣтъ, матушка!» — перервалъ съ нетерпѣніемъ Кузма Петровичъ. — «Я думаю, что Иванъ Никифоровичъ не позволитъ сыну жениться на нашей дочери.»

— «Не позволитъ!...» — повторила съ величайшимъ изумленіемъ Мирошева. — «Какъ не позволитъ?...»

Бѣдная Марья Дмитріевна! Она была такого высокаго мнѣнія о своей дочери, что изъ всѣхъ различныхъ препятствій, это одно не приходило ей никогда въ голову, потому что оно казалось ей совершенно невозможнымъ.

— «Ахъ, Кузма Петровичъ!» — сказала она, — «что это у тебя иногда за странныя мысли!... Да найдется ли гдѣ нибудь такой человекъ, который не захотѣлъ бы назвать Вариньку сво-

ей дочерью? И чѣмъ ты хуже Кирсанова? Ты старинный Русской дворянинъ, тебя всѣ уважають.... »

— « Все такъ, матушка; однако жъ послушай: если бъ за нашу дочь посватался какой-нибудь отставной прапорщикъ, хотя и честный человѣкъ, но вовсе безъ состоянія.... »

— « Какая разница, мой другъ! »

— « Я тутъ не вижу никакой разницы. »

— « Такъ у тебя глазъ нѣтъ. Да развѣ ты не видишь, что такое Варинька? Самъ Иванъ Никифоровичъ, когда заѣзжаетъ къ намъ, не можетъ ея налюбоваться. Да есть ли въ цѣломъ мѣрѣ кто нибудь милѣе, умнѣе и прекраснѣе нашей дочери?... Кому она не пара? Какой женихъ можетъ быть для нее слишкомъ богатъ, или знатнѣе?... »

— « А почему ты знаешь, мой другъ, что Иванъ Никифоровичъ не говоритъ тоже самое о своемъ сынѣ? Въдь и ему такъ же никто не заказалъ думать, что въ цѣломъ мѣрѣ нѣтъ невѣсты, которая была бы слишкомъ знатна или богата для его сына. Эй, Марья Дмитриевна, смотри, чтобъ намъ не нажить себѣ горя! Эти частыя посѣщенія.... »

— « Что жь? » — перервала Миросева, — « не прикажете ли отказать ему отъ дома?... »

— « Я не говорю этого; но если бы онъ порѣже съ нею видѣлся.... »

— « Признаюсь, я не ожидала, чтобъ вы такъ мало любили вашу дочь! »

— « Жена.... побойся Бога! »

— « Ну пускай бы ктонибудь другой, а то родной отецъ хочетъ помѣшать счастью своей дочери! »

— «Машенька!» — сказалъ Мирошевъ, всплеснувъ руками, — «ты ли это говоришь?»

Марья Дмитріевна замолчала, потомъ кинулась на шею къ мужу, заплакала и сказала: — «Прости меня, мой другъ! я виновата.... Но ты не знаешь, какъ я люблю ее!»

— «Право не больше моего,» — продолжалъ Мирошевъ, обнимая жену. — «Охъ вы матушки, матушки! Что съ вами дѣлать? Вы видно всѣ на одинъ покрой. Глядишь, женщина умная, разсудительная, съ толкомъ, а дошло дѣло до того, чтобъ просватать дочку за выгоднаго жениха, такъ съ ней и не говори! Все вздоръ, кромъ того, что она себѣ въ голову забрала.»

— «Душенька, другъ мой!» — прошептала Марья Дмитріевна, лаская мужа, — «какъ же ты хочешь, чтобъ я не желала этого? Впрочемъ, успокой-

ся: за Вариньку намъ бояться нечего; я не думаю, чтобъ она ему отказала, если онъ, съ позволенія отца, будетъ за нее свататься; но что она къ нему совершенно равнодушна, въ этомъ я могу тебя увѣрить. Она даже замѣтнымъ образомъ избѣгаетъ случая быть съ нимъ вмѣстѣ. Да это такъ и быть должно; я сужу по себѣ: я могла влюбиться только въ жениха своего — а Варинька вся въ меня.»

— «Полно такъ ли, мой другъ?... Душа-то у нее твоя, а сердце, или вѣрнѣй сказать, голова не вовсе на твою походить. Ты, кажется, не хаживала по ночамъ смотрѣть на луну, да мечтать; а за нею это водится.»

— «Ребячество, мой ангелъ! И я бы, можетъ быть, вздыхала по лунѣ, если бъ у меня не было причины вздыхать о другомъ. Послушай, мой другъ, оставь ихъ! Если въ самомъ дѣлѣ

Владиміръ Ивановичъ въ нее влюбленъ, такъ неужели ты думаешь, отецъ будетъ противиться его счастью? Въдь онъ у него, такъ же какъ наша Варинька, одинъ одиноконекъ.... И на что ему искать богатой невѣсты для сына, когда онъ и безъ этого будетъ богатъ?»

— «Ну, хорошо, хорошо! Только куда бы я желалъ, чтобъ это все — такъ или этакъ, только скорѣе кончилось. А межъ тѣмъ ступай-ка, душенька, къ нимъ въ садъ.»

— «Да не безпокойся! Вонъ посмотри, Владиміръ Ивановичъ садится ужъ на лошадь. Видно торопится: не зашелъ и проститься со мною.... Какой молодець!... Не правда ли, мой другъ?... А это что за гости къ намъ вдутъ?... Кто это?... Тройкой.... въ бричкѣ....»

— «Постой-ка!» — сказалъ Мирошевъ. — «Ну такъ и есть, Курочкинъ!... И кажется съ своимъ сынкомъ.... Фу,

ты батюшки! одинъ женихъ съ двора, другой на дворъ!... Только этотъ будетъ понадежнѣе; и если онъ хогь крошечку понравится Дуняшѣ, такъ и съ Богомъ!»

— «Да неужели ты думаешь, что онъ съ перваго раза такъ и начнетъ свататься?»

— «О, нѣтъ! Курочкинъ человекъ акуратный: теперь смотри, а тамъ сваху жди на дворъ; потомъ пойдутъ переговоры. Панкратій Лукичъ станетъ торговаться; мы посулимъ немножко побольше, онъ сдѣлаетъ уступочку, а тамъ и по рукамъ.»

Межъ тѣмъ бричка подъѣхала шагомъ къ крыльцу. Сначала выпрыгнулъ изъ нее сынъ, не лзя сказать, что очень ловко, потому что шпага его перевернулась ефесомъ внизъ, и онъ зацѣпилъ концемъ ея по носу кучера;

потомъ полъзъ и батюшка съ большей осторожностію, опираясь на руку сына. Часто бываетъ, что дѣти вовсе не походятъ на своихъ родителей; но едва ли вамъ случалось видѣть такую разительную противоположность и въ моральномъ и въ физическомъ отношеніи между отцемъ и сыномъ, какую представляли собою Панкратій Лукичъ и Алексій Панкратъвичъ Курочкины. Первый — то есть отецъ — былъ низкаго роста, съ кругленькимъ брюшкомъ, на двухъ тоненькихъ и короткихъ ножкахъ. Большая съ обширной лысиною голова, казалось, была приклѣена къ его плечамъ. Панкратій Лукичъ могъ бы смѣло грабить на большихъ дорогахъ въ Англіи. Всѣмъ извѣстно, что тамъ законъ исполняется буквально: онъ повелѣваетъ уличеннаго въ разбоѣ преступника вѣшать за шею; слѣдовательно Курочкина рѣшительно нельзя

было повѣсить: у него вовсе не было шеи. Если бѣ можно было олицетворить подлую и крючковатую хитрость стариннаго русскаго приказнаго, смѣшанную съ безстыднымъ нахальствомъ лакея большаго барина, то конечно бы для этого понадобилось лице Панкратія Лукича. Зеленовато-сѣрые глаза его были въ непрерывномъ движеніи; казалось, онъ боялся остановить ихъ на одномъ предметѣ и дать время прочесть въ нихъ всѣ плутовскія затѣи своей чернильной душѣнки, преисполненной подъяческими кознями. Его огромный носъ опускался широкимъ навѣсомъ надъ вѣчно-улыбающимися устами и круглымъ подбородкомъ, который, за отсутствіемъ шеи, былъ обвернутъ миткалевой бѣлой косынкою. На Панкратѣ Лукичѣ былъ сукошный бутылочнаго цвѣта нѣмецкой кафтанъ, гродетуровый шосовый камзолъ, такое же

исподнее платье, и полосатые шелковые чулки. Въ одной рукѣ держаль онъ *натуральную* трость съ серебрянымъ набалдашникомъ, въ другой трехъугольную шляпу, весьма искусно заштопанную черными нитками. Изъ подъ камзола висѣли двѣ семилѣровыя цѣпочки съ разными побрякушками; одна отъ серебряныхъ часовъ шарообразной формы, а другая—такъ—вѣроятно для симметріи.

Теперь поставте рядомъ съ нимъ виднаго тамбуръ-мажора, котораго шуткиради нарядили въ офицерской мундиръ. Этотъ сынокъ ровно на двѣ четверти былъ выше своего папеньки, то есть: въ немъ было два аршина и двѣнадцать вершковъ росту. Прибавте къ этому широкія плеча, высокую грудь, прямой, вытянутый станъ и жилистыя ноги, которыя какъ будто бы вовсе разучились сгибаться; однимъ словомъ

если у васъ нѣтъ подъ руками надежнаго столба, а вашъ домъ готовъ повалиться, подпирайте его смѣло Алексѣемъ Панкратьевичемъ и почивайте спокойно. Румяное лице его, по своему добродушному выраженію, было бы довольно пріятно, когда бы у него, вмѣсто бездушныхъ оловянныхъ глазъ, были глаза хотя нѣсколько человѣческіе. Онъ такъ же часто и такъ же некстати хохоталъ, какъ часто и безъ всякой причины улыбался его батюшка. Вы скажете ему привѣтливое слово, онъ захохочетъ; спросите о здоровьѣ — онъ умретъ со смѣху. Однажды-было отецъ вздумалъ порядкомъ пожурить за это сына, да послѣ и закаялся. «Эхъ, Алёша!» — сказалъ онъ, — «что у тебя за обычай такой? Выпучишь глаза, да, ни къ селу, ни къ городу, захохочешь словно сычъ какой? Вѣдь иной подумаетъ, что ты глупъ какъ пень!» —

Эти два вѣжливыя сравненія показались сынку такъ забавными, что онъ повалился со смѣху на полъ и чуть не задохся: насилу его отлили водою.

Входя на крыльце, Панкратій Лукничъ безпрестанно шепталъ сыну: «Смотри, Алёша, не забудь: подойди къ ручкѣ, да не хохочи пожалуйста! Ухмыляйся только ради пріятства—ну вотъ такъ же, какъ я.»

— «Знаю, батюшка, знаю!» — отвѣчалъ сынокъ, выправляя свою шпагу и прижимая къ вискамъ форменныя букли, которыя начинали топыриться и принимать по немногу видъ распростертыхъ крыльевъ.

Мирошевы были уже нѣсколько минутъ въ гостиной; Варинька и Дуняща гуляли еще по саду. — «Что жъ наши гости такъ долго нейдутъ?» — спросила Марья Дмитріевна мужа.

« И, матушка — женихъ! такъ охорашивается, чтобъ приглянуться невѣсть. »

Вдругъ что-то такъ сильно стукнуло, что стѣны затряслись въ домѣ, и въ тоже время Прохоръ Кондратычъ закричалъ въ передней: — «Батюшки, убился!» — «Ничего!» — заревѣлъ кто-то басомъ. «Скорѣй, скорѣй, мѣдный пятакъ!» раздался незнакомый голосъ.

— «Боже мой! что это такое?» — вскричала Марья Дмитріевна.

— «Это какъ будто бы кто нибудь ударилъ дубиною въ стѣну,» — сказалъ Мирошевъ, выходя изъ гостиной.

Кузма Петровичъ почти отгадалъ. Входя изъ сѣней въ переднюю, трехаршинный женихъ не обратилъ вниманія на то, что двери очень низки, и со всего размаха хватился лбомъ о притолку. Когда Мирошевъ вошелъ въ лакейскую, то ему представилась чрез-

вычайно интересная и трогательная картина: изувѣченный сынъ сидѣлъ на коникѣ; съ одной стороны заботливый отецъ, приложивъ къ его лбу мѣдный пятакъ, старался изъ всѣхъ силъ оттиснуть россійскій гербъ на огромной шишкѣ, которая, не смотря на всѣ его усилія, становилась все больше и больше; съ другой стороны Прохоръ Кондратьичъ держалъ обѣими руками голову страдальца; въ двухъ шагахъ стояли буфетчикъ Ѳомка и мамушка Игнатъевна, которой въ эту минуту толстая Матрена подавала бутылку живой воды, и двѣ босоногія дѣвчонки робко выглядывали изъ корридора. Вѣроятно, Панкратію Лукичу удалось бы наконецъ заклеить своего сына, если бъ онъ, увидѣвъ Мирошева, не вскочилъ съ коника.

— « Ахъ, батюшка Кузма Петровичъ! » — сказалъ Курочкинъ-отецъ, по-

ложивъ преспокойно въ свой карманъ чужія пять копѣекъ. «Извините!... Какой вышелъ случай!... Извольте видѣть, вотъ онъ... Это, батюшка, мой сынъ... Прошу любить и жаловать!...»

— «Вы, кажется, больно ушиблись?» — спросилъ Мирошевъ.

— «Не извольте беспокоиться!» — отвѣчалъ женихъ, обдергивая мундиръ. — «Пустякись-съ — шишка и больше ничего!»

— «Однако жъ, вы шибко ударились.»

Женихъ умеръ со смѣху.

— «Не правдали-съ?» — сказалъ онъ, продолжая хохотать; — «да это нашему брату не почемъ! У насъ и не такіе желваки бывали. Была бы только голова на плечахъ.»

— «Вы, кажется, въ отставку?» — спросилъ Мирошевъ Курочкина-сына.

— « Да-съ, вольный козакъ!... Ха, ха, ха! »

— « И долго у насъ поживете? »

— « Какъ же!... Хи, хи, хи! »

Панкратій Лукичъ толкнулъ локтемъ сына.

— « Да милости прошу къ женѣ! » — сказалъ Кузма Петровичъ.

Оба Курочкина пошли за хозяиномъ, и между ими начался шепотомъ слѣдующій разговоръ:

— « Перестанешь ли ты хохотать — дубина! »

— « Забыль! »

— « Забыль!... Эко чучело! »

— « Да полно, батюшка, ругаться!... Услышутъ! »

Когда они вошли въ гостиную, Панкратій Лукичъ отвѣсилъ пренизкій поклонъ Марьѣ Дмитріевнѣ и мигнулъ сыну; сыцъ приготовилъ правую ла-

донь, какъ нищій, который сбѣрается просить милостыню, двинулся форсированнымъ маршемъ къ хозяйкѣ, уронилъ мимоходомъ работный столикъ съ пальцами и подошелъ къ рукѣ. Въ ту самую минуту, какъ Марья Дмитриевна, по русскому обычаю, наклонилась, чтобъ поцаловать его въ щеку, Алексѣй Панкратычъ поднялъ голову и, къ счастью, не разбилъ ей носъ, а только замаралъ лице пудрою.

— «Прошу покорно садиться!» — сказалъ хозяинъ, едва удерживаясь отъ смѣха.

Куручкины съли.

— «Вы, кажется, служили въ одномъ полку съ племянникомъ сосѣда нашего, Ильи Сергѣевича Вертлюгина?» — спросилъ Мирошевъ, чтобъ начать разговоръ.

— « Да-съ! Точно такъ-съ! » — отвѣчалъ женихъ. — « Мы съ нимъ однокорытники. Расторопный офицеръ! »

— « Онъ, кажется, произведенъ въ подпоручики? »

— « Не могу знать. Хорошій товарищъ, весельчакъ; только, смѣю вамъ доложить, такой сорви-голова, что и сказать нельзя! Какъ онъ былъ еще капраломъ, такъ его частехонько подъ ружья ставили. И со мной выкидывалъ порядочныя штучки.

— « Право? »

— « Да вотъ я вамъ доложу. Прошлаго лѣта находились мы съ нимъ въ откомандировкѣ; я былъ старшимъ, а онъ младшимъ. Вѣдь вы изволите знать, въ службѣ палку поставятъ командиромъ, такъ и палки слушайся. Вотъ я, по долгу службы, потребовалъ, чтобы онъ мнѣ рапортовалъ; — что жъ

вы думаете?... Онъ подошелъ ко мнѣ и началъ какъ слѣдуетъ: «честь имѣю рапортовать....» — да и пошелъ меня позорить не на животъ, а на смерть,— совсѣмъ обругалъ! А самъ стоитъ безъ шляпы—на вытяжку: никакъ нельзя придраться.»

Мирошевъ засмѣялся, Марья Дмитріевна такъ же, а самъ раскащикъ при сей вѣрной аказіи покотился со смѣху;—это бы еще ничето, но онъ такъ навалился на спинку кресель, что опрокинулся вмѣстѣ съ ними на полъ и переломилъ у нихъ ручку.

— «Что ты это, Алексѣй?» — закричалъ Панкратій Лукичъ.—«Что это нынче съ тобой дѣлается?... Извините, батюшка Кузма Петровичъ!»

— «Ничего, ничего! — сказалъ Мирошевъ, помогая гостю подняться на ноги.»

••

— « Увести его скорѣе отсюда, » — шепнула Марья Дмитріевна мужу, — « а не то онъ все у насъ перелома-етъ. Не угодно ли вамъ, Алексѣй Панкратычъ » — продолжала она, обраща-ясь къ жениху, который оправлял-ся — « взглянуть на нашъ садикъ? »

— « Съ моимъ удовольствіемъ! Я чрезвычайно люблю сады-съ! Особли-во плодовые — очень занимательно! И гуляй себѣ до сыта, и ѣшь до от-валу! »

Мирошевъ остался одинъ съ Панкратьемъ Лукичемъ. Въ этомъ- только мірѣ, на этой только землѣ, гдѣ раз-вратъ, нечестіе и злоба идутъ рука объ руку со всѣми христіанскими доб-родѣтелями, могутъ встрѣтиться и бе-сѣдовать межъ собою два существа, изъ которыхъ одно — воплощенная честь, а другое — олицетворенное плу-

товство. Никогда еще у Панкратія Лукича не вертѣлись и не бѣгали такъ глаза, какъ въ эту минуту; онъ чувствовалъ, что они никакъ не выдержатъ встрѣчи съ чистымъ и покойнымъ взоромъ честнаго чловѣка. Какъ всѣ мы не можемъ безъ боли смотрѣть прямо на солнце, такъ точно всякой бездѣльникъ не можетъ встрѣтить взглядъ честнаго чловѣка безъ какого-то неприятнаго чувства, которое несноснѣе всякой физической боли. Я понимаю ненависть совершеннаго негодяя къ истинному христіанину, то есть, къ чловѣку доброму и честному въ высочайшей степени: онъ не можетъ смотрѣть ему прямо въ глаза. Почему жъ не можетъ? спросите вы. Потому, что въ свѣтломъ и кроткомъ взорѣ христіанина начертанъ его приговоръ; въ этомъ взорѣ сіяетъ міръ и благодать Божія, а въ его

груди кипятъ страсти, и нѣтъ душѣ его покоя.

Съ полминуты продолжалось молчаніе; наконецъ Курочкинъ собрался съ духомъ, глаза его перестали бѣгать изъ стороны въ сторону; онъ приподнялся съ кресель, началъ ухмыляться и сказалъ:—«Я, батюшка Кузма Петровичъ, долженъ вторично просить у васъ прощенья, что, по какой-то ошибкѣ, вчерашняго числа загнали съ нашихъ полей вашу скотинку. Повѣрите ли, когда я узналъ объ этомъ, такъ меня словно варомъ окатили,—насилу опомнился! Ужъ задалъ же я гонку старостѣ!... Господи Боже мой! загнать скотину Кузмы Петровича Мирошева, этого почтеннѣйшаго сосѣда нашего!... Разбойникъ!...

— «Я вамъ очень благодаренъ,» — отвѣчалъ Мирошевъ; — «да напрасно

вы и у другихъ такъ часто загоняете, а особливо съ болота: дѣло сосѣдское, не убережешься.»

— «Нельзя; благодѣтель! и радъ бы радостно, да какъ дашь повадку, такъ вовсе одоляють. Находясь здѣсь на приказѣ, я состою въ отвѣтственности передъ его графскимъ сѣятельствомъ. Охъ, батюшка! конечно мѣсто мое видное: его высоко-графское сѣятельство первый вельможа во всемъ русскомъ царствѣ, а я у него первый человѣкъ, — мнѣ иногда и губернаторъ поклонится, — такъ! да за то и отвѣтъ великъ.»

— «Кажется, Панкратій Лукичъ, вы о графскихъ пользахъ радѣете довольно. Вотъ недавно у князя Лядина вы отгягали пять сотъ десятинъ земли...»

— «Не считая луговъ по Хопру,» — перервалъ Курочкинъ, и глаза его засверкали. — «Да ништо ему — спѣсивъ! а гордымъ Богъ противится... Э, да

кстати! Я, батюшка Кузма Петровичъ, перебирая, на этихъ дняхъ, разныя крѣпостныя акты, отказныя записи и межевыя книги по селу Вознесенскому, попалъ какъ-то нечаянно на одинъ документецъ, который отчасти касается и до вашей отчины.»

— «До Хопровки?»

— «Точно такъ, милостивецъ! Вотъ изволите видѣть: это подлинная дарственная грамота царя Михаила Ѳеодоровича Стольнику князю Григорию Хворостинину, въ которой онъ жалуетъ рѣченному князю въ вѣчное и потомственное владѣніе отчину село Вознесенское съ деревнями, со всѣми угодьями, живыми урочищами и отъемными дачами, въ числѣ коихъ поименована пустошь Зеленыя горки, Хопровка тожъ; изъ чего явствуетъ, что вначалѣ помѣстье ваше было пустошью, а засе-

сно, вѣроятно, уже по переходѣ ея къ другимъ владѣльцамъ.»

— «Можетъ быть.»

— «Въ оной же дарственной грамотѣ показано въ сей пустоши земли невступно пятьдесятъ четвертей, что, по общему размежеванію помѣстныхъ земель, составитъ и съ примѣромъ, едва ли сто сороковыхъ десятинъ; а у васъ, батюшка Кузма Петровичъ, кажется, десятинокъ до осми сотъ наберется.»

— «Такъ что жъ?»

— «А то, благодѣтель, что души нарождаются, а земля-то вѣдь не растетъ.»

— «Но развѣ прежніе владѣльцы не могли прикупить земли отъ сосѣдей?»

— «Справедливо, батюшка Кузма Петровичъ, справедливо! Да сколько

мнѣ извѣстно, у васъ на сіи покупныя земли ни купчихъ, ни плана не имѣется. »

— « Это правда: я слышалъ отъ покойнаго Лаврентія, что они лѣтъ сорокъ тому назадъ сгорѣли вмѣстѣ съ прежнимъ домомъ. Впрочемъ, я думаю, и у васъ такъ же никакихъ документовъ нѣтъ, которыми можно было бы доказать, что эта земля не моя. »

— « Документовъ нѣтъ, но если бы я хотѣлъ завести съ вами тяжebку, — отъ чего избави меня Господи! — такъ я бы въ моей челобитной могъ приписать нижеслѣдующее: «въ сель-дескаты Вознесенскомъ, въ отчинѣ его высокографскаго сіятельства, господина.... и прочее, и прочее, имѣется наличныхъ душъ, по послѣдней ревизіи, сорокъ тридцать семь душъ мужеска пола, и хотя отъ поступленія онаго села изъ короннаго вѣдомства въ вотчинное вла-

дѣли различныхъ помѣщиковъ, по собраннымъ свѣдѣнїямъ, никогда изъ принадлежащихъ оному селу дачь никакихъ земель продаваемо не было; но не смотря на сіе обстоятельство, при селѣ Вознесенскомъ имѣется земли удобной и неудобной, пахатной, поsemной, подъ лѣсомъ, усадьбою, огородами, конопляниками, гумнами и выгономъ, всего вообще не болѣе двухъ тысячъ восьми сотъ десятинъ, то есть, гораздо менѣе полагаемой закономъ пропорціи, по десяти десятинъ на каждую ревизскую душу мужескаго пола. По какому же резонту при смежномъ съ вышесказаннымъ селомъ Вознесенскимъ, селцѣ Хопровкѣ, прежде бывшей пустоши, Зеленыя горки, гдѣ и теперь по послѣдней ревизіи не болѣе пятидесяти душъ, а вѣроятно было несравненно менѣе, имѣется осемьсотъ десятинъ земли, сирѣчь, по шестнадца-

ти десятинь на каждую душу? Не явствует ли изъ сего, что вся сія излишняя земля прирѣзана изъ Вознесенскихъ дачей къ сельцу Хопровкѣ неправильно и противозаконно, или находится въ насильственномъ завладѣніи у настоящаго помѣщика рѣченнаго сельца Хопровки, прежде бывшей пустоши Зеленыя горки. »

— «Помилуйте, Панкратій Лукичъ!»— сказалъ Мирошевъ, у котораго отъ этихъ приказныхъ выраженій сердце замерло отъ ужаса.—«Да этимъ имѣнемъ слишкомъ тридцать лѣтъ владѣла спокойно моя родная тетка, прежній Вознесенскій помѣщикъ ничего не отыскивалъ, жалобъ никакихъ не было.... »

— «И теперь не будетъ, батюшка, Кузма Петровичъ! Я это сказалъ такъ— ради собственной вашей осторожности.... Чтобъ я завелъ съ вами тяжбу— Боже меня сохрани! Нѣтъ, благодѣ-

тель! я постараюсь оградить васъ и отъ будущихъ притязаній. Въдъ неравенъ сосѣдъ навяжется, батюшка! Иной такой ябедникъ, что вы и отъ своей земли отступитесь, лишь только бы онъ васъ по судамъ не волочилъ.»

— «Избави Господи!»—сказалъ Мирошевъ, сложивъ набожно руки.—«Да я пуще всего на свѣтъ боюсь тяжebныхъ дѣлъ.»

— «Да какъ ихъ и не бояться, Кузма Петровичъ, — бѣда! Попадись только въ руки къ подъячимъ, къ этимъ проклятымъ пѣвицамъ, всю кровь изъ васъ выпьютъ по капельки. Подлинно крапивное сѣмя: ни стыда, ни совѣсти! И колесо подмажешь, такъ оно не скрипитъ, а подъячему сунешь цѣлковый въ правую руку, а онъ лѣвую наровитъ запустить тебѣ въ карманъ. Вѣритель Богу, Кузма Петровичъ, не могу понять, какъ есть на свѣтъ ябед-

ники?... Да ужъ изъ одного того, чтобъ не знаться съ этой чернильной тварью, я не завелъ бы ни съ кѣмъ процесса.... А дѣлать нечего! Какъ довѣренное лице его высоко-графскаго сѣятельства, я долженъ защищать его интересъ: и плачу, а челобитную подаю!... Совѣсть, батюшка Кузма Петровичъ, совѣсть этого требуетъ!»

Мирошевъ былъ человекъ не глупый; но его умъ вовсе не походилъ на то, что условились въ свѣтѣ называть умомъ. Во всю жизнь свою онъ не сказалъ ни одного остраго слова, не забавлялся легковѣріемъ дурака, ни надъ кѣмъ не смѣялся, и всегда послѣдній замѣчалъ плутни какого-нибудь обманщика, не потому, чтобъ у него не доставало для этого довольно ума и проницательности, — о, нѣтъ! Но чистая, благородная душа его не могла никогда постигнуть, что есть на свѣтѣ

люди, для которыхъ обмануть, провести, обидеть точно такъ же пріятно, какъ пріятно для него сдѣлать доброе дѣло, или оказать безкорыстную услугу. Слушавъ Панкратія Лукича, онъ готовъ былъ вѣрить его словамъ. «Почему знать, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ Курочкинъ притѣсняетъ сосѣдей безъ всякаго злаго намѣренія, а единственно изъ слѣпнаго усердія къ своему господину? Это, конечно, не хорошо, но вѣдь все зависитъ отъ нашего понятія; а если онъ убѣжденъ въ душѣ своей, что долженъ такъ поступать?... Да и станетъ ли какой нибудь закоренѣлый крючкотворецъ говорить такъ дурно о подъячихъ и ябедникахъ? Кто жъ захочетъ позорить самого себя?...» — Такъ думалъ Мирошевъ, этотъ простодушный ребенокъ съ сѣдыми волосами. Однакожъ онъ чувствовалъ, что ему какъ-то неловко съ Курочкиными; вѣроятно по-

тому, что, не смотря на громкое званіе волостнаго прикащика знаменитаго вельможи, Панкратій Лукичъ все-таки былъ крѣпостнымъ человѣкомъ, и Мирошевъ не зналъ самъ, какъ долженъ съ нимъ обходиться. Онъ не хотѣлъ оскорбить его или слишкомъ нецеремоннымъ обращеніемъ, или излишней вѣжливостію, которая могла бы ему показаться насмѣшкою; однимъ словомъ: бесѣдуя глазъ на глазъ съ Курочкинымъ, Кузма Петровичъ находился въ какомъ-то ложномъ и чрезвычайно непріятномъ положеніи. Мирошевъ не зналъ еще, до какой степени можетъ простираться наглая самонадѣянность и дерзость слуги большаго барина, когда онъ имѣетъ дѣло съ малочиночнымъ и бѣднымъ дворяниномъ. Если бъ хозяинъ встрѣтилъ его у воротъ своего дома, то и тогда бы Панкратій Лукичъ не принялъ эту

чрезвычайную въжливость за насмѣшку, а только, можетъ быть, подумалъ бы про себя: «вѣрно у него есть до меня какое-нибудь дѣло.»

—«Не хотите ли, Панкратій Лукичъ»-- сказалъ Мирошевъ — «пройтись такъ же по саду?»

— «Съ большимъ удовольствіемъ!»— отвѣчалъ Курочкинъ, вставая.—«Очень радъ, батюшка: время такое благопріятное.»

Они вышли прямо изъ гостиной на небольшое крылечко, которымъ спустились въ цвѣтникъ. «Жена вѣрно въ этой вишневой куртинѣ,» — сказалъ Мирошевъ. — «Тамъ слышны голоса; пойдете къ нимъ.»

Мирошевъ не ошибся: они нашли въ этой куртинѣ всѣхъ гуляющихъ. Марья Дмитріевна отдыхала на дерновой скамьѣ, а Варинька и Дуняша отъ всей души смѣялись, глядя на любезности

Голяова Курочкина. Ради общей потѣхи, онъ доставалъ зубами вишни, до которыхъ онъ не могли достать руками, и потомъ, для вящаго удовольствія всей честной компаніи, глоталъ ихъ вмѣстѣ съ косточками.

— «Ну, Марья Дмитріевна!»—сказалъ Панкратій Лукичъ,—«видно Господь благословилъ васъ въ нынѣшнемъ году: вишенъ-то у васъ—вишенъ! такъ и усыпано! Что, вы изволите ихъ на зиму солить или мочить?»

— «Нѣтъ, Панкратій Лукичъ, мало остается: и сами ѣдимъ и гости кушаютъ. Да не хотите ли?»

— «Покорнѣйше благодарю! Я люблю иногда этимъ позабавиться, да только послѣ обѣда.»

— «Вы, надѣюсь, у насъ кушаете?»

— «Никакъ не могу сегодня: у Яени обѣдаетъ нашъ капитанъ-исправникъ, Антонъ Фадѣичъ Покрапушкинъ. Амѣ-

ша!» — продолжалъ Курочкинъ, увидѣвъ, что Варинька не могла никакъ достать вѣтку съ вишнями на одномъ красивомъ деревцѣ, — «чтожъ ты смотришь? Видишь, Варвара Кузминишна не можетъ достать?...»

Алѣша кинулся со всѣхъ ногъ, ухватилъ несчастное деревце почти за самую вершину, понатужился, крикнулъ, дерево такъ же крикнуло и повалилось на землю.

— «Ахъ, какая жалость!» — воскричала невольно Варинька. — «Я это деревце сама посадила!»

— «Ну, что за бѣда!» — перервала Марья Дмитриевна. — «Посадишь другое.»

— «Эхъ, Алѣша!» — сказалъ Курочкинъ, подойдя къ сыну, — «какъ ты неостороженъ!... Да что ты сегодня какъ медвѣдь все ломаешь!» — прибавилъ онъ шепотомъ.

— « Вѣдь ты самъ мнѣ вельѣль! » — пробормоталъ сынокъ.

— « Вельѣль!... Заставь дурака Богу молиться.... »

— « Не журите его! » — сказалъ Мирошевъ. — « Вѣдь онъ хотѣлъ услужить Варинькѣ. »

— « Разумѣется, батюшка Кузма Петровичъ, — разумѣется!... Онъ у меня малой такой услужливый!... Да торопливъ немного — молодъ!... Однакожь, не пора ли гостямъ со двора? И вамъ время кушать, а мнѣ надобно поспѣшать домой. Счастливо оставаться! »

Разумѣется, Мирошевы не стали удерживать гостей. Алексѣй Панкратичъ подошелъ опять къ рукѣ; но на этотъ разъ не къ одной Марьѣ Дмитриевнѣ, а такъ же къ Варинькѣ и Дуняшѣ. Эта экспедиція кончилась довольно счастливо; но уходя изъ саду черезъ гостиную, онъ раздавилъ мимо-

ходомъ горшокъ съ гвоздикой, выбилъ
шпагою стекло въ дверяхъ и, наконецъ,
не произведя никакихъ дальнѣйшихъ
опустошеній, отправился въ обратный
путь вмѣстѣ съ своимъ папенькою, ко-
торый во всю дорогу читалъ ему мо-
раль, то есть, называлъ его быкомъ,
лѣшимъ и неотесаннымъ болваномъ..

— «Ну что, мой другъ?»—спросилъ
Мирошевъ вполголоса у жены.

— «Больно глупъ!»—отвѣчала Марья
Дмитріевна, качая головой.

— «Да! не уменъ. А лице вѣдь доб-
рое. Онъ говорилъ что-нибудь съ Ду-
няшею?»

— «Говорилъ.»

— «О чемъ?»

— «Не знаю. Дуняша! о чемъ го-
ворилъ съ тобой Алексѣй Панкратъ-
ичъ?»

— «Я сказала ему, что ѣсть много
вишенъ вредно; а онъ отвѣчалъ мнѣ,

что ему ничего не вредно, и что онъ за одинъ пріемъ можетъ съѣсть полбарана и цѣлаго гуся.»

— «Какъ онъ тебѣ кажется?»

— «Кому? мнѣ-съ?... А? Богъ его знаетъ.»

— «Вѣдь онъ молодецъ?»—сказалъ Мирошевъ.

— «Да-съ! такой высокой.»

— «Ты отъ нее ничего не добьешься,»—шепнула Марья Дмитріевна. — «Она, видно, начинаетъ догадываться. Да и что объ этомъ говорить: вѣдь онъ еще не сватался.... Подождемъ, увидимъ, что будетъ послѣ.»

ГЛАВА XLV.

Разговоръ Прохора Кондратьича съ волостнымъ писаремъ Антономъ Федотычемъ и неожиданныя послѣдствія этой дружеской бесѣды.

Въ деревянной церкви села Вознесенскаго давно уже отошла обѣдня; кой-гдѣ еще сидѣли на паперти дряхлыя старушки и старики: они, отстоявъ всю службу, отдыхали, чтобъ собраться съ силами и добрести до домовъ. Въ церкви оставалось одно семейство Мирошевыхъ: Кузма Петровичъ

служилъ панихиду по своей теткѣ. На погостѣ дожидался господъ своихъ Прохоръ Кондратьичъ, разговаривая съ Андреемъ Ѳомичемъ Зарубкинымъ. Онъ такъ же поджидаль задушевнаго своего друга, пономаря Ѳерапонта, который каждое воскресенье и каждый дванадесятый праздникъ раздвлялъ его убогую трапезу и распивалъ съ нимъ полуштофикъ ерофеича.

— «Ну что, любезнѣйшій,» — спросилъ Зарубкинъ Кондратьича, — «Панкратій Лукичъ былъ у васъ вчера, съ своимъ прїѣзжимъ?»

— «Былъ, сударь. Сынокъ-то у него молодецъ.»

— «Да, верзила порядочный!... Нѣчего сказать: ни ростомъ, ни умомъ не пошелъ по батюшкѣ. Вчера изволилъ быть у меня.... Ну я, какъ водится, сталъ подчивать тѣмъ, другимъ — хоть бы отъ чего нибудь отказался»

такъ и жрётъ!... Ахъ ты, Господи!... Поставилъ я ему блюдечко черносливу, да тарелку каленыхъ орѣховъ, такъ мало того, что онъ черносливъ-то сталъ убирать за обѣ щеки, какъ гречневую кашу, да и орѣхи-то всѣ перешокалъ!... А ужъ что за околесную городиль!... Ну видитъ Богъ, Кондратьичъ, совѣстно было слышать!»

— «Однакожъ, говорятъ, человекъ онъ добрый.»

— «А кто его знаетъ! Въдѣ теперь еще онъ у отца подѣ началочъ; а вотъ какъ женится, да заживетъ своимъ домикомъ, такъ, можетъ статья, такую прыть покажетъ, что его и не узнаешь. А батюшка-то очень хочетъ его женить;—да еще что они затѣвають!...»

— «А что?»

— « Да такы!... Можетъ быть, къ вамъ сегодня или завтра сваха на дворъ.... »

— « Ну чтожъ? милости просимъ! »

— « Право? » — сказалъ Зарубкинъ, взглянувъ съ удивленіемъ на Прохора. — « Ну, конечно, » — продолжалъ онъ, помолчавъ нѣсколько времени; — « тамъ что ни говори, а вѣдь онъ оберъ-офицеръ, видный собою.... человекъ добрый.... поддержка есть.... да и кубышка-то у батюшки еще не початая ... А умъ что?... безъ денегъ гроша не стоитъ; а съ деньгами и безъ него проживешь.... Да вотъ и господа твои идутъ.... Батюшка Кузма Петровичъ, мое нижайшее почтеніе!... Марья Дмитриевна!... Варвара Кузминшна!... Авдотья Лаврентьевна!... »

Когда Мирошевы усѣлись въ свою линею, Прохоръ сказалъ потихоньку

Кузмѣ Петровичу: — «Извольте ужъ ѣхать съ однимъ Фомкою, а я здѣсь останусь.»

— «Да, да!» — шепнулъ Мирошевъ; — «ступай къ писарю, да узнай толкомъ.»

— «Все будетъ сдѣлано, не безпокойтесь.»

Мирошевы отправились домой; Зарубкинъ увелъ къ себѣ пономаря Ферапонта, а Кондратьичъ пошелъ въ волостную контору.

Волостная контора села Вознесенскаго помѣщалась въ одномъ изъ флигелей большаго деревяннаго дома, въ которомъ жилъ самъ главноуправляющій, Панкратій Лукичъ Курочкинъ. До прибытія нынѣшняго старшаго писаря, Антона Федоточа, контора была въ самомъ жалкомъ видѣ: ничто не возбуждало въ ней ни страха, ни уваженія въ приходящихъ крестьянахъ;

это была просто грязная сборная изба, а не верховное судилище цѣлой волости. Антонъ Федотычъ привелъ все въ порядокъ. Представте себѣ просторную комнату, средину которой занимаетъ большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ; вдоль внутренней стѣны четыре шкапа; на двухъ изъ нихъ написано крупными буквами: «архивъ»; въ простѣнкѣ между оконъ небольшой столикъ для двухъ младшихъ писцовъ; передъ большимъ столомъ обитыя черной кожею креслы для Курочкина; на противъ скамья для старшаго писаря; въ углу, при самомъ входѣ, ради грозы, стулъ, то есть, огромный деревянный чурбанъ съ желѣзной цѣпью и ошейникомъ; надъ нимъ на стѣнѣ, — замѣтьте это гениальное сближеніе, — знаменитая лубочная картина, представляющая страшный судъ. У дверей дежурный десятникъ;

въ сѣняхъ. очередной караульщикъ и два мальчика для посылокъ.

Антонъ Федотычъ на этотъ разъ сидѣлъ развалившись въ креслахъ, потому-что старшаго не было на лице: Передъ нимъ стояла крестьянская баба съ блюдомъ яицъ. Антонъ Федотычъ, со всею важною грамотнаго челоуѣка, читалъ Санктпетербургскія вѣдомости и по временамъ пожималъ съ презрѣнiемъ плечами. — «Нѣтъ!» — прошепталъ онъ наконецъ, — «въ старину не такъ писывали! Ну что это за рѣчь? Самая ординарная: ни одной тонкой персональности, никакого деликатственнаго изъясненiя!... Любой мужикъ пойметъ!»

— «Батюшка Антопъ Федотычъ!» — сказала крестьянка съ низкимъ поклономъ, — «вотъ ужъ я два часа дожидаюсь....»

— « Не торопись, голубка: . дойдетъ и до тебя очередь. »

— « Сдѣлай такую милость! »

— « Да что жъ ты за персона такая, что и подождать не хочешь? »

— « Рада бѣ радостью, батюшка, да дѣвченка-то у меня одна дома не управится. Пожалуй, батюшка, грамотку, да отпусти. »

— « Ну, ну, добро! Поставь-ка яицы-то вонъ хоть на окно.... Вѣдь ты просила меня написать просьбу къ его графскому сіятельству?... »

— « Такъ-ста, батюшка, такъ! »

— « Ты вдова; у тебя было десять человѣкъ дѣтей, да всѣ перемерли, а осталась только одна больная дочь?... »

— « Нѣтъ, батюшка, здоровая. »

— « Молчи, глупая! Знаютъ лучше тебя!—Тебѣ нѣчемъ кормиться.... такъ ли?... »

— « Не то что нѣчемъ, родимый!... »

— « Врѣшь, дура, нѣчемъ! »

— « Такъ, батюшка, такъ—нѣчемъ! »

— « Ну слушай же! »—сказаль Антонъ Федотычъ. Онъ взяль со стола исписанный листъ бумаги и началъ читать: « Ваше высоко-графское сіятельство! Изъ десяти лозъ, происшедшихъ изъ утробы моей, осталась токмо единая лоза, сосущая мою внутренность... »

— « Здравствуй, Антонъ Федотычъ! »—сказаль Прохоръ, входя въ комнату.

— « А, почтеннѣйшій! » — вскричалъ писарь, вставая. — « Милости просимъ!... Ступай, тѣтка! Теперъ не до тебя... приходи послѣ. »

— « Да какъ же, батюшка Антонъ Федотычъ... »—сказала крестьянка, переминаясь съ ноги на ногу.

— « Ну, ну, съ Богомъ! Мнѣ съ тобой точить болясы-то нѣкогда!... Пошла,

пошла!... Милости прошу на сіе сѣдалище!»—продолжалъ писарь, указывая Прохору на кожаныя кресла и садясь самъ подле него на скамьѣ. — «Очень одолжилъ, благопріятель, своимъ визитованіемъ!... Прощу покорно!... Эй, Ваня!»—прибавилъ онъ, обращаясь къ одному изъ писцовъ, которые сидѣли за маленькимъ столикомъ;—«вынь-ка изъ архивнаго шкапа номеръ первый—бу-тылочку рябиновки!»

— «Не трудись, Антонъ Федотычъ: вѣдь ты знаешь, что я не пью.»

— «Помилуй, Прохоръ Кондратьичъ! да что жъ ты за гость такой, коли тебя угощать никакого способія не имѣется?... А рябиновка-то какая!... Посмотри, благопріятель, вѣдь масло — бальзамъ небесный!... Да вышей хоть чарочку!»

— «Ни за что на свѣтъ.»

— «Хоть капельку.... за здоровье твоихъ господъ.»

— «Они и такъ, по милости Божіей, здоровы.»

— «Ну такъ ради оказанія должнаго уваженія къ ихъ мериту.»

— «Не могу!»

— «Тфу ты пропасть! Да что жъ ты за курьёзный челоуѣкъ такой!... Такъ чѣмъ же прикажешь тебя подчивать?»

— «А вотъ чѣмъ, Антонъ Федотычъ: говори со мной полюдски; я твоихъ заморскихъ словъ терпѣть не могу.»

Писарь поглядѣлъ съ состраданіемъ на Прохора, выпилъ за него двѣ чарки рябиновки и сказалъ: — «Это-то слезамъ и подобно, любезный, что вы здѣсь въ глуши, яко безсловесныя твари, безъ всякой полировки остаетесь. Ну, да что объ этомъ говорить! Скажи-ка мнѣ лучше, любезнѣйшій: у

вась вчера Панкратій Лукичъ съ своимъ сынкомъ былъ?»

— « Былъ. »

— « Ну что? Какъ его благородіе-то приглянулся твоимъ господамъ? »

— « Не знаю. »

— « А тебѣ? »

— « По мнѣ хорошъ. Да обычаемъ-то онъ каковъ? »

— « Настоящій баранъ! Самой смирной характерности. »

— « Право? »

— « Ужъ я тебѣ скажу! Коли сожительница будетъ только всѣ пожелаемые способы доставлять къ его насыщенію, такъ онъ станетъ жить во всякомъ у нее повиновеніи, и не токмо должный респектъ къ ея особѣ, но и всемѣрную сатисфакцію, при какой бы то ни было случайности, будетъ ей оказывать. »

— « То есть: по твоему, онъ чело-
вѣкъ добрый, смиренный и будетъ слу-
шаться во всемъ жены, коли она ста-
нетъ его на убой кормить? »

— « Думаю, что такъ, любезный. »

— « А батюшка-то что?... Пораспо-
яшется ли?... Въдь надобно сынка - то
чьмъ нибудь наградить? »

— « Разумѣется, любезный! »

— « Какъ ты думаешь, этакъ ради
перваго обзаведенія прикинетъ рубли-
ковъ пятьсотъ? »

— « Пять сотъ?... Нѣтъ, любезный!
Поколику мнѣ самому извѣстно, пото-
лику могу и тебя завѣрить: до тысячи
пойдетъ. »

— « Вотъ что дѣло, такъ дѣло! У
невѣсты такъ же деньжонки будутъ.... »

— « А натурой ничего? »

— « Какъ натурой? »

— « Сирѣчь — семьи три-четыре му-
жичковъ. Это было бы показиство, »

любезный; а можно бы, кажется: вѣдь у Кузмы Петровича другихъ дѣтокъ нѣтъ?»

Прохоръ Кондратьичъ остолбенѣлъ.

— «Варвара Кузминишна» — продолжалъ писарь — «единородная дочь и наследница, такъ почему же не дать за нею въ приданое и пол-Хопровки?»

— «Варвара Кузминишна!» — повторилъ Прохоръ глухимъ голосомъ, приподымаясь съ кресель.

— «Ну да!... Вѣдь мы хотимъ посвятить дочку твоего барина; а ее, кажется, именуютъ Варварою?... Да что это съ тобой, любезный? Что ты вдругъ этакъ побагровѣлъ?... Ужъ не апоплексія ли какая?... Ахти! да у тебя и пальцы сводитъ!... Выпей скорѣй водицы!...»

Въ самомъ дѣлѣ, пальцы правой руки Кондратьича свернулись судорожно въ кулакъ, и онъ готовъ былъ начать развязку этого продолжительнаго не-

доразумѣнія самымъ неожиданнымъ образомъ для писаря; но хотя кровь и кипѣла у него въ жилахъ, хотя эта обида казалась ему невыносимою; однако жъ онъ поудержался: взглянулъ на широкоплечаго десятника, который стоялъ у дверей, потомъ на двухъ молодыхъ парней, которые писали за особымъ столикомъ, — стиснулъ губы, разогнулъ кулакъ, обтеръ потъ, который градомъ катился съ его лысины, и сказалъ едва внятнымъ голосомъ: «Прощай, Антонъ Федотычъ!... Мнѣ что-то не здоровится....»

— «Ахъ, батюшки, какая оказія!» — вскричалъ писарь. — «Что это съ тобой, любезный?»

— «Ничего.... пройдетъ.... А что.... вы сваху чтоль къ намъ пришлете?»

— «Какъ же!»

— «Когда?»

— «Да можетъ статья сегодня.»

— « Вотъ что!... И вѣрно просвирню Власьевну? »

— « Ну, разумеется!... Она баба умная и политичная. »

— « Милости просимъ! » — прошепталъ Прохоръ съ такой сатанинской улыбкою, что онъ не узналъ бы самого себя, если бъ ему поднесли зеркало. « Милости просимъ! а мы примемъ, угостимъ, да пожалуй и въ бань выпаримъ!... Прощай, любезный! »

Кондратьичъ почти выбѣжалъ изъ комнаты, не оглянувшись на писаря, который его провожалъ, и остановился перевести духъ не прежде, какъ выбрался за околицу села. « Милости просимъ, матушка Власьевна! » — повторилъ онъ, задыхаясь отъ бышества. « Мы тебя, голубка, отучимъ сватать за холопскихъ дѣтей нашу барышню!... Ахъ онъ хамово отродье!... Да какъ онъ

смѣль и подумать?... Нѣтъ! ужь какъ хочетъ баринъ, а я попрошу воли!»

Въ то время, какъ Прохоръ Кондратьичъ свирѣпствовалъ въ чистомъ полѣ, спѣша какъ можно скорѣе добраться до Хопровки, баринъ его сидѣлъ преспокойно съ Марьей Дмитріевной на крыльцѣ своего дома и кормилъ, вмѣстѣ съ нею, голубей, которые приучены были слетаться на звонъ колокольчика. Варинька и Дуняша были въ своей комнатѣ на антресоляхъ. «Что это Прохора до сихъ поръ нѣтъ?» — проговорилъ Мирошевъ. — «Долго же онъ бесѣдуетъ съ своимъ писаремъ!»

— «Знаешь ли что, мой другъ?» — сказала Марья Дмитріевна: — «мнѣ этотъ женихъ вовсе не нравится. У него доброе лице — это правда; да вѣдь добрый человѣкъ не всегда бываетъ хорошимъ мужемъ. Ну, легче ли для жены,

если мужъ ея будетъ дурнымъ семьяниномъ и плохимъ отцемъ семейства, не по злости, а по глупости? А этотъ Курочкинъ, воля твоя, не то что глупъ, а полно не совсѣмъ ли дуракъ.»

— «Ужъ тотчасъ и дуракъ! Охъ, вы барыни! Ты не можешь ему простить, что онъ изломалъ у насъ кресло, раздавилъ горшекъ съ цвѣтами и разбилъ окно. Ну, конечно, онъ неловокъ, мужиковать; а, право, дуракомъ его назвать не можно. Такіе ли, мой другъ, бываютъ дураки?... Онъ просто не на своемъ мѣстѣ, и больше ничего. Не будь на немъ офицерскаго мундира, такъ ты бы и не замѣтила, что онъ глупъ. Ну вотъ хоть нашъ буфетчикъ Ѳомка, малый смѣшленный, а наряди его бариномъ, да заставь съ нами бесѣдовать, такъ онъ покажется тебѣ глупѣе Курочкина.»

— «Не думаю.»

— « Право такъ! Они оба, и батюшка и сынъ, не туда попали. Отцу бы слѣдовало быть приказнымъ, а сыну фельдфебелемъ. »

— « Можетъ быть, только какъ хочешь, мой другъ, а по моему лучше намъ выдать Дуняшу за какого-нибудь купца, или даже мастераго, чѣмъ за этого офицера, на котораго безъ смѣха смотрѣть не можно. »

— « Полно, матушка Марья Дмитріевна! Лучше то, лучше другое!... Не знаешь, гдѣ наше благополучіе, не угадаешь, гдѣ наше и несчастье! Господь лучше насъ всѣхъ это устроить. Если мы ничего дурнаго о женихъ не узнаемъ, да онъ понравится Дуняшѣ, такъ и съ Богомъ! А если нѣтъ, такъ и говорить нечего... А вотъ и нашъ свать идетъ! Да никакъ съ дурными вѣстями: лице что-то у него вовсе не праздничное. »

Прохоръ Кондратьичъ въ ужасныхъ попыхахъ, растрепаный и красный какъ клюква, подошелъ къ господамъ и, не говоря ни слова, повалился въ ноги.

— «Что ты, что ты, Прохоръ?» — вскричалъ Мирошевъ.

— «Батюшка Кузма Петровичъ!» — сказалъ Кондратьичъ, стоя на коленяхъ, — «сдѣлайте милость, не откажите!...»

— «Да встань, говорятъ тебѣ! Ты знаешь, я этого терпѣть не могу?»

— «Знаю, батюшка, знаю! И я сродясь у васъ въ ногахъ не валялся; а теперь не встану, покаместъ вы не позволите мнѣ то, о чемъ я буду васъ просить.»

— «Да что такое?... Ужъ не задумалъ ли ты жениться?»

— « Помилюте! какая дура за меня поидеть? Нѣтъ, сударь, извольте только сказать: позволяю тебѣ, Прохорь! »

— « Что за вздоръ такой! » — перервалъ съ нетерпѣніемъ Мирошевъ. — « Если ты не встанешь, да не скажешь толкомъ, о чемъ ты просишь, такъ я и говорить съ тобой не стану. »

— « Только не откажите, батюшка, » — сказалъ Прохорь вставая; — « дайте мнѣ за всю мою службу хоть однажды вдоволь понатѣшиться. »

— « Ну, говори, говори! »

— « Сюда идетъ просвирня Власьева, — я обогналъ ее за полверсты до околицы: батюшка Кузма Петровичъ! матушка барыня! позвольте мнѣ притаскать ее! »

— « Притаскать? за что? » — спросилъ съ удивленіемъ Мирошевъ.

— « А за то, сударь, чтобъ она не ходила свахою въ дворянской домъ отъ какого-нибудь Алёшки Курочкина. »

— « Ты съ ума сошелъ, Прохоръ! Онъ офицеръ, а ты называешь его Алёшкою. »

— « Офицеръ!... А давно ли онъ печки топилъ у своего барина... лѣшій этакой?... А эта пьяница... эта старая колотовка, взялась за него сватать... Ахъ ты Господи Боже мой!... »

— « Такъ дѣло идетъ не о Дуняшъ? » — спросила съ живостію Марья Дмитріевна.

— « О какой Дуняшъ!... Власьева будетъ сватать за этого холопскаго сынка, за этого статуя — прости Господи!... »

— « Неужели Вариньку? » — перервала Мирошева.

— « Ее, матушка — ее! »

Кузма Петровичъ засмѣялся, а Марья Дмитріевна вспыхнула.

— « Признаюсь, этого я не ожидалъ! » — сказалъ Мирошевъ, продолжая смѣяться.

— « Какая дерзость! » — прошептала Марья Дмитріевна.

— « Ну, сударь! » — вскричалъ Прохоръ, — « и послѣ этого вы мнѣ не позволите надавать этой свахѣ подзатыльниковъ и проводить ее шелепами со двора?... »

— « Нѣтъ, не позволю. »

— « Однако жъ » — сказала Марья Дмитріевна — « ты не прикажешь ее пускать къ себѣ? »

— « Почему жъ не пустить? Она будетъ сватать, а мы очень вѣжливо откажемъ. Алексѣй Панкратычъ оберъ-офицеръ, мой другъ, слѣдовательно такой же дворянинъ какъ я. »

— « По подумай, Кузма Петровичъ, въдь отецъ его крѣпостной человѣкъ.... »

— « Да развѣ отецъ сватается за Вариньку? »

— « Признаюсь, это очень обидно! »

— « И, душенька! чѣмъ тутъ обижаться?... Оно, конечно, смѣшно.... »

— « Воля твоя, мой другъ, » — перервала Марья Дмитріевна, вставая, — « говори, если хочешь, съ этой свахою, а я видѣть ее не могу.... Когда я подумаю только, что этотъ дуракъ.... Нѣтъ, лучше уйду!... Прощай! »

Марья Дмитріевна вошла въ домъ, а Прохоръ, который все смотрѣлъ за ворота, вдругъ встрепенулся, выхватилъ изъ-подъ крыльца метлу и закричалъ: — « Вотъ она, сударка-то! вотъ она!... Видишь, какъ идетъ! . Фата раздувается — словно летучая мышь какая!... Батюшка, позвольте! »

— « Перестань, Прохоръ!» — сказалъ строгимъ голосомъ Мирошевъ; — «а не то я разсержусь. »

— « Эхъ, баринъ, баринъ! » — пробормоталъ Кондратьичъ, бросивъ метлу, — « Богъ тебѣ судья!... Вотъ, служи себѣ вѣкъ, много выслужишь! Тебя обижаютъ, а ты не смѣй и рукъ отвести! »

ГЛАВА XV.

СВАТОВСТВО.

На дворъ вошла пожилая женщина лѣтъ пятидесяти пяти. Поставте стоймя сороковую бочку, одѣньте ее въ ситцевую тѣлогрѣю и коломенковую полосатую юбку; придѣляйте къ бокамъ этой бочки двѣ руки, къ нижнему дну пару огромныхъ котовъ съ красной оторочкою, къ верхнему че-

ловѣческую голову, въ золотомъ глазетовомъ кокошникѣ; накиньте на все это широкую шелковую фату, и вы будете имѣть довольно приблизительное понятіе объ этой подвижной копнѣ, которую называли: «просвирней Власьевной.» Не извольте такъ же на меня гнѣваться за то, что я употребилъ странное выраженіе: «нижнее и *верхнее* дно»; — въ этомъ случаѣ я совершенно правъ, а виновата бочка, потому-что у нее два дна, изъ которыхъ, въ настоящемъ ея положеніи, одно непременно должно быть верхнимъ, а другое нижнимъ. Раздутое отъ жиру и глянцевитое лице Власьевны покоилось на отвисломъ подбородкѣ, около котораго намотано было нѣсколько нитокъ стекляруса и цвѣтныхъ пронизокъ. Едва замѣтный носъ, жеманный ротикъ, пара глазъ, опухшихъ съ перепоя, а болѣе всего черные, какъ

смоль, зубы, придавали ей величественный и почти аристократическій видъ богатой купчихи тогдашняго времени. Она не подошла, а подплыла, какъ пава, къ крыльцу, отвѣсила низкой поклонъ Мирошеву, всползла кой-какъ на лѣстницу, задохнулась, пропыхтѣлась полминуты, потомъ опять поклонилась и проговорила умильнымъ голосомъ: — «Здравствуйте, батюшка Кузма Петровичъ, со всѣмъ благочестивымъ семействомъ вашимъ!»

— «Здравствуй, Власьевна!» — сказалъ Мирошевъ. — «Какъ поживаешь?»

— «Да такъ, отецъ мой! Живу кой-какъ, многогрѣшная, святыми вашими молитвами.»

— «Что это тебѣ вздумалось къ намъ пожаловать?»

— «Дѣльце есть, батюшка»

— «Говори, Власьевна, говори!»

— « Во-первыхъ, государь Кузма Петровичъ, — я, ваша всегдашняя богомолница прошу у Господа Бога всякаго вамъ счастья и всякихъ благъ земныхъ!»

— « Спасибо, Влаевъна, спасибо! »

— « Награди тебя Владыко и въ здѣшнемъ и въ будущемъ мѣрѣ, за всякую твою добродѣтель! Подай тебѣ Господи во всемъ поспѣшеніе; чтобъ тебѣ, батюшка, все спорилось и все въ прокъ шло! »

— « Пошла разсыпаться мелкимъ бѣсомъ, старая колотовка! » — проворчалъ Кондратьичъ.

— « Благодарю, любезная! » — отвѣчалъ Мирошевъ; — « хотя, по правдѣ сказать, я и не знаю, за что ты меня такъ жалуешь. »

— « Какъ же, батюшка! » — воскликнула сваха — « вѣдь ты у насъ въ

приходѣ первый челоуѣкъ; ты всѣхъ насъ, какъ солнышко, пригрѣваешь. За то и Господь Богъ тебя милуетъ!... Сожительница твоя какъ ясный мѣсяцъ въ терему; дочка ненаглядная словно утренняя звѣздочка — красавица! лебедь бѣлая! утѣха родительская!»

— «Видишь, какъ подбирается, лиса проклятая!» — прошептала Прохоръ.

— «А вотъ, отецъ мой,» — продолжала Власьева, — «какъ придетъ часъ воли Божіей, да прикроешь ты ея головушку, да Господь дастъ ей дѣточекъ, то-то радостно тебѣ будетъ нянчить твоихъ внучатъ!»

— «Объ этомъ еще, Власьева, и говорить нечего.»

— «Какъ не говорить, отецъ мой? Дочка твоя ужъ на возрастъ. А ты послушай меня, бабу глупую: не хо-

рошо, батюшка, если товаръ долго въ лавкѣ залежится, — видитъ Богъ, не хорошо! Вѣдь нынче съ женишками-то.... ой, ой, ой! бѣда, отецъ мой! — Совсѣмъ повывелись. Бывало, всѣ живутъ по домамъ, а теперь кто въ Москвѣ, кто въ Питеръ, кто на службѣ царской, — избаловались, любятъ волюшку; а вѣдь вѣнецъ-то, батюшка, не шапка: надѣль, такъ не снимай до гробовой доски. »

— « Все это очень хорошо, любезная; да ты мнѣ хотѣла говорить о какомъ-то дѣлѣ.... »

Власьевна скривила на сторону голову, подперла ладонью правой руки локоть лѣвой, приложила два пальца къ щекѣ и начала говорить вполголоса: « Батюшка Кузма Петровичъ! есть у меня молодецъ на примѣтъ — и ростомъ, и дородствомъ, и станомъ, и

лицемъ — всѣмъ взялъ! Денежекъ у него и теперь вдоволь; а коли батюшка его поживетъ подольше, такъ онъ по смерти его будетъ рублевки не считать, а мѣрять пудовками. Человѣкъ не простой, въ чинахъ и въ большей милости у нашего графа. А ужъ обычаю какого.... Господи Боже мой!... Малой смиренный, не пьющій, не мотыга.... Да что, тутъ говорить: ты самъ его, батюшка, изволилъ вчера видѣть.»

— «Такъ ты сватаешь мою дочь за сына Панкратія Лукича Курочкина?»

— «Такъ, кормилецъ, такъ!... То-то будетъ парочка!»

Въ продолженіи этого разговора дверь изъ лакейской безпрестанно растворялась; замѣтно было, что кто-то хотѣлъ, но не рѣшался, выдти на крыльцо. Кондратьичъ стоялъ по преж-

нему подлѣ лѣстницы; нѣсколько разъ онъ мѣнялся въ лицѣ, губы его дрожали, и не удивительно: его трясла лихорадка.

— «Теперь, благодѣтель,» — продолжала Власьева смѣлѣе, видя, что Мирошевъ слушаетъ ее спокойно и съ большею кротостію, — «дозволь и мнѣ спросить тебя: чѣмъ ты наградишь свою дочку? О приданомъ говорить нечего: чай матушка давно всего припасла и наготовила; а все-таки, государь Кузма Петровичъ, кабы ты мнѣ пожаловалъ записочку, сколько того, другаго, Божьяго благословенія, въ какихъ окладахъ; сколько бѣлья, нарядовъ, монистовъ.... »

— «Не для чего, Власьева, не для чего!... Если тебя прислалъ Алексѣй Панкратъичъ, такъ поклонись ему отъ

насъ, поблагодари за честь, которую онъ дѣлаетъ Варинькѣ, и скажи ему, что мы нашу дочь не выдаемъ замужъ.»

— «Какъ, батюшка?... Да неужто ты хочешь засадить ее въ дѣвкахъ?»

— «И, любезная! придетъ время, выдетъ замужъ. Вѣдь на свѣтъ не одинъ женихъ Алексѣй Панкратычъ Курочкинъ.»

— «Да онъ-то чѣмъ не женихъ?... Эхъ, батюшка Кузма Петровичъ! — не прогнѣвайся за мою правду, — коли ты начнешь такихъ жениховъ браковать, такъ не диво твоей барышнѣ и вѣкъ въ дѣвкахъ остаться! Станешь, кормилецъ, локотки кусать, да будетъ поздно!... Ну чѣмъ Алексѣй Панкратычъ неровня твоей дочкѣ?...»

Тутъ двери изъ передней растворились навстежъ и Марья Дмитриевна

выбѣжала на крыльцо; щеки ея пылали. — «Нѣтъ!» — сказала она, — «это превосходить всякое вѣроятіе!... Помилуй, мой другъ! нашу дочь смѣютъ равнять съ лакейскимъ сыномъ, а ты слушаешь и молчишь!»

— «Полно, милая!» — сказалъ Мирошевъ; — «ну за что тутъ сердиться?»

— «Вонъ отсюда, наглая женщина!» — продолжала Марья Дмитріевна, не слушая мужа. — «Какъ ты смѣла придти сватать дочь нашу за сына крѣпостнаго человѣка?»

Надѣбно было видѣть, какъ при этихъ /о словахъ измѣнились двѣ физіономіи: толстое лицо Власьевны вдругъ вытянулось и похудѣло; блѣдное лицо Прохора Кондратьича разцвѣло и засіяло радостію. У Власьевны отъ страха подогнулись ноги; она попятилась задомъ

съ лѣстницы и уцѣпилась за перилы, чтобъ не упасть; Кондратьичъ выпрямился, подхватилъ свою метлу и сталъ въ боевую позицію.

— « Матушка.... сударыня.... Марья Дмитріевна! » — проговорила заикаясь сваха, продолжая пятиться задомъ съ лѣстницы.—«Помилуйте!... я въ эвтомъ вовсе не причинна!... Алексѣй Панкратычъ изволилъ приказать.... »

— « И ты смѣешь называть его ровнею нашей дочери?... »

— « Виновата, сударыня, виновата!... Дурость какая-то напала!... Не помню и сама, что говорила.... »

— « Да знаешь ли, что можно съ тобою сдѣлать?... »

— « Матушка, барыня! » — закричалъ Прохоръ, подымая метлу, — « прикажите!... »

Власьева вскрикнула, бросилась въ сторону, упала и скатилась кубаремъ съ лѣстницы.

— «Перестань, Прохорь!» — сказалъ Мирошевъ; — «а ты, Власьева, ступай съ Богомъ: у меня въ домъ тебя никто не обидитъ. Какъ тебѣ не стыдно, мой другъ?» — продолжалъ онъ, обращаясь къ женѣ. — «Ну можно ли огорчаться словами этой женщины?»

Марья Дмитриевна не отвѣчала ничего: она плакала съ досады. — Не осуждайте ее, любезные читатели! Если есть извинительное самолюбіе, такъ это самолюбіе матери, которая гордится своею дочерью. Бѣдная Марья Дмитриевна! давно ли она мечтала и надѣялась, что ея Варинька будетъ невѣсткою самаго знатнаго и богатаго барина въ ихъ уѣздѣ, — и вдругъ крѣ-

постный челоѡкъ сватаетъ ея за своего сына, избитаго дурака, мужика въ офицерскомъ мундирѣ!.. Воля ваша! мать, которая перенесетъ равнодушно такую обиду, должна быть ангеломъ небеснымъ. Мирошева и была настоящимъ ангеломъ — да только земнымъ. Какъ истинная христіанка, она бы перенесла съ кротостію всякую личную обиду; но тутъ дѣло шло о ея дочери!... »

Межъ тѣмъ Власьева, задыхаясь на каждомъ шагу, спѣшила выбраться за ворота; она поневоль перемѣнила свою плавную походку на скорый шагъ: подлѣ нея шель Прохоръ Кондратьичъ, держа на перевѣсѣ ужасную метлу, которая всякую минуту могла на нее обрушиться. « Ну, счастлива ты, старая вѣдьма, » — шепталъ ей Кондратьичъ, — « не на такого барина на-

пала; а то бы перещупали тебѣ косточки!... Видишь, какъ вырядилась — въ шелковой фать!... Хуже бы посконной сдѣлали!» — Когда сваха подошла къ воротамъ, то передъ нею открылась такая ужасная картина, что сердце у нее замерло; она бросилась назадъ и закричала жалобнымъ голосомъ: — «Батюшка, Кузма Петровичъ! помилуй!... Не прикажи меня срамить на старости!...»

— «Что тамъ еще?» — спросилъ Мирошевъ.

— «Да вотъ изволь посмотрѣть: за воротами меня дожидаются мальчишки съ голиками!...»

— «Опять твои штуки, Прохоръ?»

— «Виновать, сударь!... Хотѣлъ было эту барыню съ честью выпроводить за околицу, да дѣлать нечего —

вамъ не угодно. Эй вы, пострелята!
По домамъ!»

— «Оомка!» — закричалъ Мироншевъ, — «ступай, проводи Власьевну до села; да смотри, чтобъ никто не обидѣлъ се дорогою: ты мнѣ за это отвѣчаешь.»

— «Слушаю, сударь!» — сказалъ Оомка. — «Пойдемъ, бабушка!... То-то, Власьевна,» — прибавилъ онъ, когда они вышли на улицу, — «впередъ не суйся не спросясь. Кабы не баринъ, такъ мы бы тебѣ такую баню задали, что ты и въкъ бы париться не стала!» Убитая духомъ, сваха молчала и, робко посматривая кругомъ, летѣла какъ птица. Но когда она добралась до околицы села Вознесенскаго, то красноръчивыя уста ея раскрылись, и изъ нихъ хлынулъ такой потокъ руга-

тельствъ и бранныхъ словъ, что Тома, заткнувъ уши, побѣжалъ не оглядываясь домой.

— « Ахъ, Марья Дмитріевна! » — говорилъ Мирошевъ своей женѣ, которая продолжала плакать. — « Вотъ ужъ я никакъ не ожидалъ, чтобъ ты была такъ малодушна! »

— « Ровня! » — шептала Мирошева; — « нашей Варинькѣ ровня этотъ лакейскій сынъ! »

— « И, душенька! да вѣдь это говорить свахѣ просвирня Власьева! Право, мнѣ за тебя стыдно: чѣмъ бы тебѣ смѣяться... »

— « Да, мой другъ! и я стала бы смѣяться, если бъ ты былъ такъ же богатъ и чиновенъ, какъ Иванъ Никифоровичъ Кирсановъ; но мы бѣдны. Почему ты знаешь, можетъ быть, най-

дутся люди, для которыхъ покажется страннымъ, что мы отказали такому выгодному жениху? Вѣдь мы почти нищіе!... Что такое дворянинъ, если у него только пятьдесятъ душъ крестьянъ?... Да сынъ волостнаго прикащика, который накралъ столько денегъ, что можетъ купить три Хопровки, дѣлаетъ намъ много чести, что сватается за нашу дочь!... Боже мой! и какой порядочный человекъ рѣшится теперь посвататься за Вариньку? Кто захочетъ стать рядомъ съ какимъ-нибудь Курочкинымъ?»

— « Полно, матушка! Всякой порядочный человекъ посмѣется этому такъ же, какъ я... »

— « Ты очень счастливъ, мой другъ, что можешь смѣяться, а я не вижу тутъ ничего забавнаго. Неужели мы до

такой степени ничтожны, что лакейскій сынъ, который самъ недавно былъ лакеемъ, смѣетъ свататься за нашу Вариньку?»

— «Да отъ того-то, мой другъ, и смѣетъ, что недавно былъ лакеемъ. Дворянина офицерскій мундиръ съ ума не сведетъ; а произведи лакея въ офицеры, такъ онъ, сгоряча, подумаетъ, что для него во всемъ русскомъ царствѣ невѣсты нѣтъ.»

— «Воля твоя, мой другъ, а я не могу равнодушно подумать....»

— «Машенька! вѣдь это гордость.»

— «Да, Кузма Петровичъ, виновата: я горжусь моею дочерью!... Быть можетъ, это грѣхъ; но я не могу.... я не въ силахъ преодолѣть его!...»

— «Охъ, душенька, душенька!... Смотри, чтобъ Господь не наказалъ

нась за это. И что тебѣ за охота была вмѣшиваться? Можетъ быть, мой вѣжливый отказъ не оскорбилъ бы этого Курочкина, а теперь онъ будетъ нашимъ непримиримымъ врагомъ.»

— «Да что онъ можетъ намъ сдѣлать?»

— «Мало ли что, мой другъ.»

— «Въ самомъ дѣлѣ, сударь,»—сказалъ Прохоръ,—«что онъ можетъ намъ сдѣлать?... Если вы боитесь, что Курочкинъ станетъ нашу скотину загонять — такъ вздоръ, не удастся ему!... Да я, пожалуй, хоть самъ въ пастухи пойду; а онъ ужъ у меня цыпленка не загонить!... Да и выгонъ-то можно перевести на другое мѣсто.»

— «Что выгонъ! Я не этого боюсь; а сохрани Господи, какъ онъ заведетъ съ нами тяжбу!»

— «Тяжбу!... Да о чемъ?» — спросила Марья Дмитриевна.

— «Ужь онъ найдетъ о чемъ; огъ такого кляузника все станется. Не даромъ онъ говорилъ мнѣ о какомъ-то документѣ, на основаніи котораго можно доказать, что почти вся Хопровская земля принадлежитъ селу Вознесенскому и находится у меня въ насильственномъ завладѣніи.»

— «Ахъ онъ разбойникъ!» — вскричалъ Прохоръ. — «Вѣдь это онъ, сударь, хотѣлъ васъ застращать; чай думалъ: «какъ припугну его порядкомъ, такъ небось не заламается съ своею дочкою!» Экой пройдоха, подумаешь — хитеръ!»

— «Повѣришь ли, Марья Дмитриевна,» — продолжалъ Мирошевъ, — «какъ онъ сталъ мнѣ говорить, какую можно

на меня просьбу подать, такъ у меня волосы дыбомъ стали?... Ну ужъ подлинно приказная строка!... Да полно, Машенька, хмуриться! Ну его совсемъ!... Стоитъ ли онъ того, чтобъ ты на него сѣрдилась? Ступай-ка лучше, похлопочи объ обѣдѣ, а я межъ тѣмъ пойду, да посмотрю, нельзя ли въ самомъ дѣлѣ перевести выгонъ на другое мѣсто.»

Кузма Петровичъ, окончивъ свои хозяйственныя занятія, воротился домой вмѣстѣ съ Прохоромъ. Ихъ встрѣтилъ въ столовой Андрей Ѳомичъ Зарубкинъ. — «А, сосѣдушка любезный!» — сказалъ Мирошевъ. — «Милости прошу похлѣбать нашихъ щей!»

— «Покорнѣйше благодарю, батюшка!» — отвѣчалъ Зарубкинъ. — «А я сейчасъ отъ Панкратья Лукича. Ну, су-

дарь! видно вы его сваху-то не больно ласково приняли?... Да и пришло же ему въ голову!... То-то, подумаешь, какъ этотъ народъ зазнается! »

— « А что, онъ сердится? »

— « Фу, батюшки! и рветъ и мечеть!... А ужъ Власьевна какую на васъ татьбу несетъ, такъ и сказать нельзя! Сынокъ-то ничего: онъ еще радехонекъ, что это дѣло не сошлось. Вотъ изволите видѣть, батюшка: « Варвара Кузминишна мелка больно, да — знаете, чопорная такая. Мнѣ-дескать давай жену рослую, дородную, веселую; а это что? худа, блѣдна, ножки маленьки, душа коротенька; что, мнѣ ее за стеклышкомъ держать что ль? » — Ну, батюшка не то: осерчалъ такъ, что и приступу къ нему нѣтъ!... Позорить васъ на чемъ свѣтъ стоитъ!... »

« Эка-дескать фигура — отставной поручишка?... »

— « Полноте, Андрей Ѳомичь! Какое мнѣ дѣло знать, что онъ говоритъ обо мнѣ заочно!... »

— « Олнодворецъ этакой! » — продолжалъ Зарубкинъ, не обращая вниманія на слова Мирошева; — « нахваталъ чужой земли къ своей деревнишкѣ и думаетъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ баринъ!... Да этакіе дворянчики, какъ онъ, у камердинера его высоко-графскаго сіятельства въ сѣняхъ дожидаются!... »

— « Эхъ, Андрей Ѳомичь! что вамъ за охота?... »

— « Помилуйте! обидно, батюшка! Да какъ онъ, холопъ этакой, смѣетъ говорить такія рѣчи о родовомъ дворянинѣ?... Да еще грозитъ разорить васъ! «Онъ-дескать называетъ Алёшу

лакейскимъ сыномъ; да знаетъ ли онъ, что послѣдній конюхъ на графской конюшнѣ и покумиться-то съ нимъ не захочетъ? Да вотъ погоди: я дескать спѣсь-то съ него собью; онъ-дескать у меня съ своими пятидесятью душенками по міру находится. Князь Лялинъ почище его, да что взял? Небось, пересталъ хорохориться, какъ отмахнули у него десятинокъ семьсотъ земли! Да у того все еще кой-что осталось; а этого гордяшку Мирошева я дотла разорю!»

— «Слышишь, Прохоръ?»

— «Слышу, сударь! Да дѣлать-то нечего. Вотъ кабы онъ при мнѣ началъ васъ позорить, такъ ужъ я поднесъ бы ему съ правой руки чарочку! Въдь это не уголовщина какая: наше дѣло съ нимъ холопское. Онъ граф-

ской слуга, а я дворянской, а все-таки скулы-то у насъ равныя.»

— « Не о томъ рѣчь, Прохоръ. Ты слышишь, Курочкинъ хочетъ завести со мною тяжбу? Ну какъ онъ въ самомъ дѣлѣ отрѣжетъ у насъ десятинь триста?... »

— « Помилуйте! да кто у насъ можетъ отнять нашу землю? »

— « Разумѣется, если бѣ у меня были на нее какія-нибудь купчія или крѣпости; а вѣдь ты знаешь, что всѣ эти бумаги сгорѣли. »

— « Такъ что жъ? Покойный Лаврентій мнѣ сказывалъ, что можно въ саратовской провинціальной канцеляріи выправить копіи съ этихъ бумагъ. »

— « Полно можно ли? »

— « Да такъ-то можно, сударь, что съ Лаврентія просили за это тридцать »

рублей; да покойная ваша тетушка не захотѣла. «Что-дескать я стану этихъ подъячихъ кормить, коли со мной и безъ этого никто тяжбы не заводитъ?» Да не извольте беспокоиться, Кузма Петровичъ: если Курочкинъ подастъ на насъ просьбу въ уѣздный судъ, такъ пошлите меня въ Саратовъ: я это дѣльцо обработаю. »

— «Хорошо, хорошо! мы послѣ съ тобою потолкуемъ. Да пожалуйста» — прибавилъ Мирошевъ, обращаясь къ Зарубкину, — «не говорите объ этомъ ничего при моей женѣ: она сегодня что-то разстроена.... »

— «Да, да, батюшка!» — перервалъ Зарубкинъ, — «я и позабылъ вамъ сказать, что вретъ эта скверная Власьева о вашей почтеннѣйшей супругѣ.... »

— «Да полноте, Бога ради! Я не хочу ничего слышать. »

— «Ну, какъ вамъ угодно. А вѣдь эта старая сплетница, знаете ли что говоритъ о Марьѣ Дмитриевнѣ? «Что-дескать она такъ чужарится?... Эка бырыня!... Мы помнимъ: если бѣ не покойная княжна, такъ ей бы пришлось питаться мѣрскимъ подаянiемъ!... »

— «Андрей Ѳомичъ! сдѣлайте милость.... »

— «Да еще что говоритъ, батюшка, шельма этакая!... «Знаемъ-дескать мы, къ кому ѣздитъ сынокъ-то Ивана Никифоровича Кирсанова.... »

— «Послушайте!» — вскричалъ съ нетерпѣнiемъ Мирошевъ, — «если вы хотите остаться нашимъ прiателемъ, то прошу васъ не пересказывать мнѣ такихъ вздоровъ. »

— «Слушаю, сударь, слушаю! Вѣдь это я изъ моей любви къ вамъ, ба-

тюшка!... Если бъ вы изволили знать, какъ я преданъ всему вашему семейству?... »

— « Такъ докажите же это на самомъ дѣлѣ: не говорите при моей женѣ ни слова объ этомъ глупомъ сватовствѣ. »

— « Извольте, сударь, извольте! Ни слова не скажу. »

— « Пойдемте-ка лучше въ гостиную, да закусимте передъ обѣдомъ. »

— « Съ моимъ удовольствіемъ!... Да вотъ и всѣ ваши идутъ.... Марья Дмитріевна!... Варвара Кузминишна!... Авдотья Лаврентьевна!... »

Зарубкинъ велъ себя довольно порядочно во время обѣда: онъ не говорилъ ничего о Панкратѣ Лукичѣ и свахѣ Власьевнѣ, не потому впрочемъ, что обѣщалъ это хозяйину; по за сто-

**

домъ ему нѣкогда было пускаться въ разговоры: въ числѣ кушаньевъ были два любимыя его блюда—буженина съ лукомъ и жареный гусь съ капустою; послѣ же объѣда, Марья Дмитриевна, у которой разболѣлась голова, ушла тотчасъ въ свою комнату, а Варинька и Дуныша отправились къ себѣ на антресоли дочитывать «Несчастныхъ супруговъ, италіянскую повѣсть, имѣющую печальное окончаніе».

ГЛАВА XVI.

КАКЪ ВЛАДИМИРЪ ИВАНОВИЧЪ И БАРИЦКА ПОМЪНИ-
ЛИСЬ КОЛЬЦАМИ, И КАКЪ АГРИПИНА ЛЬВОВНА ПОДСЛУ-
ШАЛА ИХЪ РАЗГОВОРЪ.

Послѣ всего описаннаго нами въ предъидущихъ главахъ, прошло болѣе мѣсяца безъ всякихъ особенныхъ приключеній. Курочкинъ, по видимому, раздумалъ заводить тяжбу съ Мирошевымъ, или, по крайней мѣрѣ, отложилъ это до перваго удобнаго случая. Вско-

ръ, послѣ неудачнаго сватовства, онъ уѣхалъ въ Саратовъ, по словамъ Зарубкина, искать между богатыхъ купеческихъ дочекъ невѣсты для своего сына. Марья Дмитріевна перестала сердиться на Власьевну; она рассказала даже обо всемъ Варинькѣ, и отъ всей души смѣялась, вмѣстѣ съ нею, надъ этимъ трехъ-аршиннымъ женихомъ, который, какъ древніе русскіе богатыри, ломалъ деревья и съѣдалъ за одинъ приемъ по цѣлому быку. Хотя Мирошева была вовсе незлопамятна, однакожь ея обиженное самолюбіе матери не успокоилось бы такъ скоро, если бы она не имѣла много причинъ радоваться; во-первыхъ, здоровье Вариньки стало примѣтнымъ образомъ поправляться: на блѣдныхъ щекахъ ея заиграла снова румянецъ, снова улыбка счастья появилась на ея прелестныхъ

устахъ и потушише глаза вспыхнули жизнью; во-вторыхъ: Иванъ Никифоровичъ Кирсановъ завхалъ однажды къ Мирошевымъ съ поля, былъ со всѣми очень ласковъ, поцаловалъ въ лобъ Вариньку и сказалъ: «Ну, братецъ, Кузма Петровичъ! человекъ ты небогатый, нечиновный, а все-таки за доброту твою благословилъ тебя. Господь! Какая у тебя барышня-то славная! Кабы у меня была этакая дочка, такъ я бы перекрестился!» Кузма Петровичъ не видѣлъ въ этихъ словахъ ничего, кромѣ обыкновенной ласки; но Марья Дмитриевна вывела изъ нихъ совсѣмъ другое заключеніе. «Ну, мой другъ,»—сказала она мужу,—«справедливы ли мои догадки? Ты слышалъ, что онъ намекаетъ?»

— «А что такое?» — спросилъ Мирошевъ.

— «Помилуй, душенька, да это ясно!... Ведь у него сынъ женихъ, такъ стали бы онъ говорить, что желаетъ имѣть такую дочь, какъ наша Варинька, если бъ не хогѣль, чтобъ его сынъ на ней женился?»

— «Такъ отъ чего жь онъ не дѣлаетъ намъ предложенія?»

— «Да развѣ онъ какой-нибудь Курочкинъ, мой другъ? Сегодня познакомился, а завтра и свататься! Онъ хочетъ, чтобъ они хорошенько узнали другъ друга, посвыклись....»

— «Охъ, Машенька! полно такъ ли?»

— «Да ужъ сдѣлай милость!... Я знаю сама, ты во сто разъ меня умнѣе, а—не прогнѣвайся! въ подобныхъ случаяхъ женщины всегда проицательнѣе мужчинъ. Вы гораздо глубокомысленнѣе, вашъ умъ несравненно обширнѣе нашего, и потому-то именно

эти мелочи отъ васъ ускользають; а вѣдь мы, женщины, на томъ стоимъ. Вамъ нужны слова, а для насъ довольно иногда одного взгляда, одной улыбки... Ну, хочешь ли биться объ закладъ, мой другъ: Варинька будетъ невѣсткою Кирсанова!»

— «Дай Господи.»

Владиміръ Ивановичъ Кирсановъ бывалъ у Мирошевыхъ почти каждый день. Варинька стала съ нимъ обращаться по прежнему; они очень часто прогуливались втроемъ, то есть съ Дуняшею, по саду и по рощѣ, ходили удить рыбу на Хоперь. Владиміръ Ивановичъ началъ ихъ учить рисовать, и успѣхи Вариньки превзошли всѣ его ожиданія. Дуняша все еще сидѣла на *глазахъ*, а Варинька могла уже нарисовать цѣлое лице; одно только ей не давалось: она никакъ не могла подра-

жать подлиннику, и всѣ ея головки имѣли межъ собой какое-то фамильное сходство. Пока она еще срисовывала головы Ахиллеса, Александра Македонскаго, Юлія Цесаря, такъ этотъ недостатокъ не очень былъ замѣтенъ; но однажды Владиміръ Ивановичъ далъ ей скопировать голову Сократа; и что жъ вы думаете? Она нарисовала этого, и весьма некрасиваго собою, греческаго мудреца съ орлинымъ носомъ, большими глазами, маленькимъ ротикомъ и вовсе не крутымъ лбомъ. Всего страннѣе, что учитель не только за это не осердился, но даже не замѣтилъ своей ученицъ, что ея копія совсѣмъ не походитъ на подлинникъ. Марья Дмитріевна такъ же не обратила на это никакого вниманія, а только улыбнулась, вѣроятно отъ удовольствія, что дочь ея дѣлаетъ такіе быстрые успѣ-

хи въ живописи. Одинъ Кузма Петровичъ, глядя на этотъ рисунокъ, сказалъ съ своимъ обыкновеннымъ дѣтскимъ простодушіемъ: «Хорошо, Варинька! очень хорошо! Только, воля твоя, это больше походитъ на Владиміра Ивановича, чѣмъ на Сократа, даромъ что ты написала его съ бороною.»

Агрипина Львовна Вертлюгина, встрѣчая Владиміра Ивановича у Мирошевыхъ, продолжала по прежнему съ нимъ любезничать; но съ тѣхъ поръ, какъ Варинька перестала отъ него прятаться, ей не удавалось никогда остаться съ нимъ наединѣ. Агрипинѣ Львовнѣ это было очень не по сердцу. Подъ конецъ она стала даже ревновать къ нему Вариньку;—да, ревновать! Что грѣхъ таить: эта египетская мумія имѣла виды на Владиміра Ивановича,

то есть, ей очень хотѣлось сдѣлать изъ него своего болванчика и быть самой его амантою (техническія слова замосковорѣцкихъ щеголихъ тогдашняго времени). У ревнивой женщины глаза зорки; но не смотря на это, она не могла подмѣтить ничего двусмысленнаго въ ихъ обращеніи; ей удавалось только иногда подглядѣть во взорахъ Кирсанова что-то очень нѣжное, разумѣется, когда онъ смотрѣлъ на Вариньку; за то въ глазахъ своей соперницы она видѣла всегда одно и тоже: совершенное спокойствіе и это тихое, безмятежное счастье, вѣрный признакъ невинной души и чистой совѣсти. Но Агрипина Львовна была женщина влюбленная, злая и, по своему, довольно хитрая, такъ отъ нее трудно было отдѣлаться. Злому челоуьку мужчинѣ помогаетъ въ дурномъ дѣлѣ лукавый, а

злая женщина и безъ него обойдет-ся.

Въ одно воскресенье, когда Мирошевъ, возвратясь отъ обѣдни, толковалъ о чемъ-то съ Прохоромъ у себя въ кабинетъ, а Марья Дмитриевна принимала холстъ и считала выпряденныя тальки, подъѣхалъ къ крыльцу курятникъ на четырехъ колесахъ, который Вертлюгины величали своимъ фаэтономъ; изъ него выпрыгнула Агрипина Львовна, какъ рѣзвое дитя вспорхнула на лѣстницу и, не останавливаясь въ лакейской, прибѣжала прямо въ диванную, въ которой Марья Дмитриевна домѣривала послѣдній холстъ. «Здравствуйте, радость!» — вскричала она. — «Ну что, здоровы ли вы? Что ваши вепёры?»

— «То есть, головныя боли?... Слава Богу, пршшли!» — отвѣчала Мироше-

ва.—«Милости прошу садиться! Вы одинъ прѣехали?»

— «Одна.»

— «А чтожъ Илья Сергѣичъ?»

— «Ахъ, не говорите! Онъ мнѣ ужестъ надоѣлъ!... Представте: какой онъ посадилъ себѣ вздеръ въ голову: не хочетъ никуда выѣзжать по воскресеньямъ! Говорить, что это субботный и мы должны всѣ отды... Субботный!... Да развѣ мы жиды!»

— «Можетъ быть, онъ усталъ послѣ обѣдни?»

— «Нѣтъ, совсѣмъ не то! У него ужъ такое опрокинутое понятіе, такіе дурацкія фантазіи и такая тѣснота въ головѣ, что онъ подчасъ бываетъ примѣрно несносенъ.»

— «И вы это говорите не шутя!»— сказала Мирошева съ удивленіемъ.

— «О, нѣтъ!»—отвѣчала Агрипина Львовна.—«Я вамъ говорю въ настоящую. Когда я вышла за него замужъ, я была совсѣмъ ребенкомъ и не могла еще резонировать; но потомъ, какъ подвинулась въ свѣтъ и разняла глаза.... о! тогда я увидѣла, какая разница между имъ и человѣкомъ хорошаго тона! Мой папенька, конечно, старикъ добрый, но мнѣ съ нимъ бываетъ до смерти скучно.»

— «Агрипина Львовна!»—перервала Мирошева съ ужасомъ, — «что вы это говорите? Вѣдь онъ вашъ мужъ!»

— «Мужъ!... Такъ чтожъ? Ахъ, радость, какъ вы забавны!... Вы уморительны!... Да развѣ отъ того, что онъ мой мужъ, мнѣ должно быть съ нимъ весело?... Вотъ славно!... Ну, разумѣется, я, какъ жена, обязана любить его и соблюдать вѣрность; но не звать, когда мы съ нимъ въ тетъ-а-тетъ?

Да кто можетъ отъ меня этого требовать?... Ужъ не прикажете ли намъ ворковать какъ голубкамъ?... Фуй! какъ это смѣшно!... Да это было бы, просто, дурачиться по дѣдовски. »

— «А я такъ не понимаю, какъ можетъ быть скучно съ мужемъ, котораго любишь? »

— «Это отъ того, радость, что вы всегда жили въ деревнѣ; а если бы вы хотя разъ отретировались въ свѣтъ, то заговорили бы совсѣмъ другое. »

— «Не думаю. »

— «Да что объ этомъ!... Гдѣ ваша Варинька? »

— «Пошла гулять по саду. »

— «Гулять? И вѣрно съ Владиміромъ Ивановичемъ? »

— «Да его у насъ нѣтъ. »

— «Какъ нѣтъ?»—перервала съ живостію Агрипина Львовна;—«а я была

увѣрена.... я точно видѣла его верховую лошадь.»

— «Гдѣ?»

— «Тамъ, на задахъ, у вашей деревни.»

— «Такъ, можетъ быть, онъ идетъ пѣшкомъ.»

— «Какъ же я его не обогнала?... Однакожъ, я вамъ надѣлала большую конфузю, Марья Дмитріевна. Занимайтесь, радость, вашимъ дѣломъ, занимайтесь!... а я пойду погуляю.»

Агрипина Львовна, не дожидаясь отвѣта, повернулась на одной ножкѣ, шмыгнула вонъ изъ комнаты и въ нѣсколько прыжковъ очутилась въ саду. Она въ пять минутъ объѣжала всѣ дорожки, обшарила всѣ куртины, осмотрѣла каждый кустикъ—Вариньки нигдѣ нѣтъ! — «Они вѣрно въ роцѣ,» — щепнула Вертлюгина. — «Отъ деревни есть прямая дорожка на гору.» Агри-

пина Львовна побѣжа въ рощу—никого нѣтъ, все тихо.... Но вотъ какъ будто бы стало наносить вѣтеркомъ что-то похожее на человѣческіе голоса.... Это они!... Невнятные звуки становятся по немногу яснѣе — вотъ ужъ они близко.... Агрипина Львовна притаила дыханье, подобрала платье и, какъ балетная танцовщица, зашагала на пальчикахъ. Случалось ли вамъ видѣть, какъ легавая собака, почуевъ дичь, вдругъ останавливается неподвижно, поднимаетъ уши, потомъ.... Да нѣтъ! это сравненье никуда не годится: собака животное доброе и благородное. Представьте себѣ голодную, замореную кошку, которая крадется къ своей добычѣ;—видите ли, какъ осторожно передвигаетъ она одну лапку за другою, какъ вытягивается въ нитку, ползеть, какъ сверкають ея лукавые глаза, какъ она облизывается

и расправляетъ свои когти?... Вотъ точно такъ же подкрадывалась и ползла Агрипина Львовна. Она была уверена, что ея соперница гуляетъ вмѣстѣ съ Владиміромъ Ивановичемъ, слѣдовательно могла подслушать ихъ разговоръ и потомъ растерзать Вариньку, не когтями, — благодаря Бога, когтей у насъ нѣтъ, — но за то есть языкъ, который замѣняетъ ихъ отличнымъ образомъ.

Я много разъ говорилъ вамъ объ этомъ хопровскомъ холмѣ и его роцѣ, но ни разу не упомянулъ объ одномъ прелестномъ мѣстечкѣ, гдѣ Варинька любила отдыхать и читать книгу, разумѣется тогда еще, когда она не находила никакого особеннаго удовольствія смотрѣть по два часа сряду на усадьбу Ивана Никифоровича Кирсанова. Это была небольшая площадка на полугорѣ, или лучше сказать, уступѣ,

окруженный со всѣхъ сторонъ густымъ лѣсомъ и сплошными кустами. Отъ этого уступа гора подымалась почти отвѣсно, аршинъ на десять къ верху; по крутому обрыву росли молоденькіе дубки; изъ нихъ два или три наклонялись широкимъ навѣсомъ надъ деревянной скамьею, приставленной къ самому утесу; по правую ея сторону змѣилась узенькая тропинка, по лѣвую журчалъ горный ключъ, прокладывая изгибистое и крутое русло свое между деревьями; у самой скамьи онъ обрывался внизъ аршина на два и образовалъ своимъ паденіемъ небольшой водопадъ, котораго ровный и постоянный шумъ располагалъ невольно къ тихой задумчивости. Въ этомъ-то живописномъ и уединенномъ мѣстечкѣ сидѣли на скамьѣ Варинька и Владиміръ Ивановичъ Кирсановъ. Подлѣ нихъ стояла Дуняша и, наклоняясь надъ ручь-

емъ, смотрѣла съ дѣтскимъ любопытствомъ, какъ листочки и цвѣты, которые она бросала въ воду, захлестывались волнами, вертѣлись, крутились и, вмѣстѣ съ пѣною, быстро исчезали изъ глазъ. Владиміръ держалъ Вариньку за руку и говорилъ ей *ты...* Не бойтесь за нихъ: въ ихъ душахъ не было ни одного чернаго пятна—ихъ разговоръ могли слышать ангелы небесные.

— «Да, Варинька!»—говорилъ Владиміръ;—«да, мой милый другъ! Я не теряю надежды: Богъ милостивъ! Батюшка меня любить, ты ему нравишься...»

— «И онъ ничего не подозрѣваетъ?» перервала Варинька.

«Совершенно ничего. Я не хочу тебя обманывать: если бъ онъ имѣлъ хотя небольшое подозрѣніе, то мы не могли бы съ тобою видѣться. Ба-

тешка добръ, честенъ, благороденъ; но эта несчастная мысль, что богатому и чиновному человѣку неприлично породниться съ бѣднымъ и неизвѣстнымъ дворяниномъ, совершенно завладѣла его душою.»

— «Для чего ты не хочешь, Владиміръ, чтобъ я во всемъ открылась маменькѣ?»

— «Для того, мой другъ, что она скажетъ объ этомъ отцу твоему и намъ должно будетъ разстаться. Я знаю Кузму Петровича: онъ почтетъ тогда обязанностію отказать мнѣ отъ дома, если я не прѣйду къ вамъ вмѣстѣ съ отцемъ моимъ. Нѣтъ, Варинька! дай мнѣ прежде какъ-нибудь умилоствитъ батюшку; пусть онъ думаетъ, что не только твои родители, но даже ты сама не подозрѣваешь любви моей; пусть онъ гнѣвается на одного меня: я сынъ, меня онъ ничѣмъ

обидѣть не можетъ; но если онъ оскорбитъ отца твоего, если они поссорятся?... »

— « Сохрани Господи! »

— « А это непременно случится; если отецъ мой не будетъ приготовленъ.... »

— « Но почему ты надѣешься, что онъ согласится когда-нибудь?... »

— « А вотъ почему, мой другъ! Батюшка слыветъ человѣкомъ гордымъ и даже нѣсколько крутымъ; но не смотря на это, сердце его не холодно: онъ тоскуетъ о томъ, что у него нѣтъ семьи, и очень желаетъ, чтобъ я женился.... Не пугайся, мой ангелъ! Противъ воли отца я не женюсь даже и на тебѣ: больше этого онъ не долженъ ничего отъ меня требовать. Какъ ни священна власть родителя, но и онъ не можетъ сказать мнѣ: « Слышь! лги передъ Богомъ! Когда ты будешь

стоять въ церкви рядомъ съ женщиной, которая противна душѣ твоей. — говори, что ты ее любишь!» Да развѣ это возможно? Когда священникъ спроситъ меня отъ имени самаго Бога, не общался ли я другой женщиной, могу ли я изъ повиновенія къ отцу сказать: «нѣтъ!» когда я тысячу разъ клялся, что кромѣ тебя ни кто въ мірѣ не будетъ моей женою?... Да, мой другъ! насъ могутъ разлучить, но заставить меня любить другую никто не можетъ.»

Варинька молчала; на глазахъ ея блистали слезы, а, кажется, ей вовсе было не грустно.

— «Я до сихъ поръ ничего не намекалъ батюшкѣ,» — продолжалъ Владиміръ; — «черезъ мѣсяць мнѣ должно будетъ ѣхать въ Москву....»

— «Черезъ мѣсяць!» — повторила робко Варинька.

— « Да, мой другъ! Онъ хочетъ, /г
 чтобъ я или женился, или опять вступи-
 пиль въ службу. Изъ Москвы я на-
 пишу ему все. Я знаю его крутой
 нравъ: здѣсь онъ не далъ бы мнѣ вы-
 говорить ни слова, а письмо дѣло
 другое: письму не лъзя закричать: «мол-
 чи! »

— « Но его можно не дочитать, изо-
 рвать — бросить! » — прошептала Ва-
 ринька.

— « Тогда я напишу другое, третье.
 Онъ прочтетъ же хотя одно до конца,
 и когда увидить, что дѣло идетъ не
 о минутной прихоти, но о всемъ моемъ
 земномъ счастіи; то вспомнить, можетъ
 быть, что покойная матушка была такъ
 же бѣдна, какъ ты, и что, не смотря
 на это, онъ и теперь безъ слезъ о ней
 говорить не можетъ. »

— « Но если онъ не тронется тво-
 ими просьбами?... »

— «Тогда я не женюсь ни на комъ и умру твоимъ суженымъ.»

О! какое неизъяснимое блаженство изобразилось въ глазахъ Вариньки! — «Моимъ суженымъ!» — повторила она. — «Да чего еще я могу просить у Бога? Ты станешь вѣчно любить меня — да! вѣчно!... Здѣсь ты будешь женихомъ моимъ, а тамъ—Господь назоветъ насъ супругами! Онъ услышитъ мою молитву! твоя невѣста умретъ прежде тебя.... О! какъ она будетъ тебя дожидаться!... Владиміръ!» — продолжала Варинька, снимая съ пальца золотое колечко, — «можетъ быть въ церкви Божіей намъ не удастся никогда обмѣняться кольцами; надѣнь его и дай мнѣ свое. Если ты самъ не снимешь его съ моего пальца, то, будь увѣренъ, мой другъ, я лягу съ нимъ въ могилу!»

Они помѣнялись кольцами.

— «Что это?» — сказала вполголоса Дуняша. — «Тамъ что-то хрупнули сухіе листья!... Ужъ не змѣя ли ползеть?»

Дуняша не ошиблась: въ трехъ шагахъ отъ нихъ за кустомъ притаилась змѣя; только эта змѣя умѣла говорить почти такъ же хорошо, какъ та, которая соблазнила нашу прародительницу.

— «Теперь мы съ тобой обручены!» — сказалъ Владиміръ, глядя съ неизъяснимой любовью на Вариньку. — «О, мой ангелъ невинности и доброты!» — продолжалъ онъ, цалуя ея руку, — «какая женщина въ міръ можетъ сравняться съ тобою?... О, повѣрь, мой другъ! если бъ любовь моя не была такъ же чиста, какъ эти ясныя небеса.... еще чище — какъ душа твоя! я не смѣлъ бы тогда прикоснуться къ

*

тебѣ, не смѣлъ бы взять тебя за руку!... Какъ я люблю тебя здѣсь, такъ можно будетъ мнѣ любить тебя и тамъ, гдѣ нѣтъ ничего земнаго. Ты правду сказала, Варинька: если не въ здѣшнемъ, такъ въ будущемъ мѣрѣ Господь благословитъ союзъ нашъ. »

Тутъ вдругъ раздался шумъ между деревьями; кто-то закричалъ писклявымъ и дребезжащимъ голосомъ: «Варинька! Варинька! гдѣ ты!» И въ слѣдъ за этимъ Вертлюгина выскочила изъ-за куста.

— «Ахъ! здравствуйте, Агрипина Львовна!» — сказала Варинька вставая.

— «Ты здѣсь, шерочка?... А я ужъ искала, искала тебя!... Мусьё Кирсановъ!... »

Владиміръ очень холодно поклонился.

— «Да что это вы, Агрипина Львовна?» — спросила Варинька, глядя съ

удивленіемъ на зеленоватое лице Вертлюгиной, по которому выступили красныя пятна. — «Здоровы ли вы?»

— «Ахъ, нѣтъ, радость! У меня ужасныя вертежи; да я же такъ устала, входя на эту гору.... Откуда вы взялись, Владиміръ Ивановичъ?... Тамъ дома и не знаютъ, что вы здѣсь.»

— «Я оставилъ мою лошадь у деревни, хотѣлъ пройти садомъ....»

— «И повстрѣчались съ Варинькой? Какъ это счастливо!... Ахъ, какъ здѣсь хорошо!... Безпримѣрно хорошо!... Гора, ручеекъ, каскадь, пастушка и пастушекъ.... одни, вдвоемъ....»

— «А я-то что, Агрипина Львовна?» — перервала Дуняша. — «Овечка чтоль?»

— «А, миленькая! ты здѣсь?... Ты не можешь себѣ представить, шероч-

ка, какъ я люблю твою Дуняшу! Она такая ловкая плутовочка!... такая услужливая!... Однакожь пойдѣте же въ домъ. Марья Дмитріевна васъ дожидается, то есть тебя, Варинька; а вы, мусье Кирсановъ, будете для нее сюрпризомъ.... Пойдѣте, пойдѣте!»

Вертлюгина схватила подъ руку Вариньку и потащила ее внизъ по тропинкѣ. — «Ахъ, радость, какъ ты неосторожна!» — шепнула она ей на ухо. — «Ну если бъ это не я?...»

Варинька посмотрѣла съ удивленіемъ на Вертлюгину.

— «Ребенокъ!» — продолжала Агрипина Львовна; — «назначить свиданіе днемъ! Это обыкновенно дѣлается вечеромъ.... Да не безпокойся! объ этомъ никто не узнаеть.»

— «Я васъ не понимаю,» — сказала Варинька.

— «Въ самомъ дѣлѣ?... А скажи-ка мнѣ, которое это рандеву?.. Да не краснѣй, шерочка! Фуи, какъ это глупо!... Кто нынче отъ этого краснѣеть?»

Тутъ подошелъ Владиміръ и Вертлюгина замолчала. Когда они вошли въ домъ, Агрипина Львовна закричала издали Мирошевой: — «А мы ведемъ къ вамъ еще гостя!»

— «А! Владиміръ Ивановичъ!»—сказала Марья Дмитріевна.—Гдѣ онъ васъ поймали?»

— «Я была, мамсѣвка, въ роцѣ, а Владиміръ Ивановичъ....»

— «Ходилъ по саду,» — подхватила Вертлюгина, толкнувъ локтемъ Вариньку.—«Вѣрно ему сказали, Марья Дмитріевна, что вы гуляете.... мы съ нимъ повстрѣчались....»

— «Что вы, Агрипина Львовна!» — возразила Варинька. — «Да вы пришли....»

— «И, полно, радость! что об этомъ говорить?... Марья Дмитриевна, знаете ли вы новость? Курочкинъ пріѣхалъ назадъ изъ Саратова, и не даромъ туда ѣздилъ: онъ купилъ на имя сына, въ десяти верстахъ отъ насъ, сто душъ крестьянъ. Каковъ!»

— «Чтожъ тутъ удивительнаго?... У него денегъ много.»

— «Теперь Алексѣй Панкратычъ Курочкинъ аванажный женихъ — помѣщикъ!... Это правда, онъ какъ-то не ловко обдѣланъ и въ умѣ не очень развязанъ; да вѣдь дѣвушка беретъ мужа не для того, чтобъ онъ съ нею куртизанилъ, а для того, чтобъ быть барыней, жить своимъ домомъ....»

— « И имѣть друга на всю жизнь, » — перервала Мирошева.

— « И, радость, что вы! Да развѣ всѣ мужья бываютъ друзьями своихъ женъ?... Я объ этомъ вовсе не думала, когда выходила замужъ. »

— « Что это вы, Агрипина Львовна! » — перервала съ неудовольствіемъ Мирошева; — « что вы это говорите? Да развѣ вы не любите своего мужа? »

— « Теперь — да!... конечно люблю.... время.... привычка.... а тогда — бо-жусь! я была къ нему совершенно равнодушна. »

— « Такъ зачѣмъ же вы съ нимъ обвѣнчались? »

— « Да онъ такъ долго за мной ухаживалъ, такъ надоѣлъ мнѣ своими деклараціями, что я вышла за него замужъ — ну, право, для того только, »

чтобъ какъ-нибудь отъ него отвязаться!... Однако жъ, прощайте! Илья Сергѣичъ дожидается меня объдать.»

— «Да постоитъ! подадутъ вашъ экипажъ,» — сказала Марья Дмитріевна, провожая свою гостью.

— «Не беспокойтесь! онъ стоитъ у крыльца. Прощай, шерочка!... Ты, радость, сегодня безпримѣрно хороша!... Не правда ли, мусьё Кирсановъ?... Прощайте!...» — Вертлюгина нырнула въ лакейскую, спрыгнула съ крыльца, вскочила въ свой курятникъ и помчалась домой. Черезъ полчаса послѣ нее отправился и Кирсановъ. Разставаясь съ Варинькой, онъ почувствовалъ необычайную тоску. Владиміръ, уходя, всегда говорилъ ей: «до свиданья!» — а тутъ невольнымъ образомъ сказалъ: «прощайте!» — Варинька по-

блѣднѣла; у него такъ же замерло сердце.... Бѣдное! оно предчувствовало долгую разлуку!

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

507

617

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Главы:	Стр.
IX. Нѣсколько новыхъ лицъ, съ которыми нужно познакомиться читателямъ.....	5
X. Торжественное посольство отъ Панкратья Лукича Курочкина къ Кузмь Петровичу Мирошеву.....	34
XI. Которая начинается въ людской, а оканчивается въ барскомъ домѣ.	63
XII. Ночная прогулка.....	89
XIII. Какъ Алексѣй Панкратычъ Курочкинъ разшибъ себѣ лобъ и переломилъ вишневое дерево.....	119
XIV. Разговоръ Прохора Кондратыча съ волостнымъ писаремъ Антономъ Федотычемъ, и неожиданныя послѣдствія этой дружеской бесѣды.....	167

XV. Сватовство.....	192
XVI. Какъ Владиміръ Ивановичъ и Ва- ринька помѣнялись кольцами, и какъ Агрипина Львовна подслу- шала ихъ разговоръ.....	221

